

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского государственного университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (21)

2015

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Рвина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Муранова Екатерина Валентиновна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Т.Ю. Пономарева

Технический редактор:
Т.Ю. Пономарева

Адрес редакции: 445667, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.06.2015.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 6,9.

Тираж 50 экз. Заказ 3-355-15.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия);

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия);

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша);

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия);

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша);

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия);

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая Академия Таллинского университета, Таллин, Эстония);

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша);

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия);

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия);

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия);

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ Аветисян Ваграм Давидович.....	7
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА ПУТЕМ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ) Айвазян Арам Жорикович.....	10
СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОРЫСТНОЙ И ИНОЙ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ Алебян Анаит Васильевна.....	13
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ГАРАНТ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ Будникова Елизавета Игоревна.....	16
СУЩНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧВОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ «ИПОТЕЧНОЙ АМНИСТИИ» Винник Елена Леонидовна.....	19
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ Зудова Екатерина Александровна.....	20
КОНСУЛЬСКИЕ ФУНКЦИИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ Искевич Ирина Сергеевна, Белов Андрей Сергеевич.....	23
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ ПУТЕМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОБСТВЕННО КОНСУЛЬСКИХ ФУНКЦИЙ Искевич Ирина Сергеевна, Белов Андрей Сергеевич.....	25
ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ Искевич Ирина Сергеевна, Сучкова Екатерина Александровна.....	27
К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ Калашникова Ирина Павловна, Федорова Анна Николаевна.....	30
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО УЧЕТА ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ Королева Надежда Викторовна.....	33
ДАННЫЕ О ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ Лысякова Мария Александровна.....	37
ОБЗОР «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО», «ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ», «ВЕКТОР НАУКИ ТГУ. СЕРИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ» НА ТЕМУ: «РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» Малько Александр Васильевич, Липинский Дмитрий Анатольевич, Станкин Алексей Николаевич.....	40
ПОНЯТИЕ И УРОВНИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ Савельев Андрей Игоревич.....	49

ДОБРОВОЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О ДАЧЕ ВЗЯТКИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЗЯТКОДАТЕЛЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Цагикян Степан Шантович, Акопян Ануш Ваганович.....	51
Наши авторы.....	56

CONTENT

PROBLEMS OF CORPORATE RELATIONS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA Avetisyan Vahram Davidovich.....	7
CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE VIOLATION OF APARTMENT INVIOABILITY WITH THE EXCEEDING ONE'S OFFICIAL AUTHORITIES (COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS) Ayvazyan Aram Zhorikovich.....	10
CONTENT AND LEGAL DEFINITION OF THE SELF-SERVING AND OTHER PERSONAL INTEREST Alekyan Anahit Vasilyevna.....	13
ECONOMIC EXPERTISE AS THE GUARANTOR OF THE RIGHTS OF SUBJECTS OF CIVIL LEGAL RELATIONS Budnikova Elizaveta Igorevna.....	16
THE ESSENCE AND CONTRADICTORY OF THE PROCEDURE «MORTGAGE AMNESTY» Vinnik Elena Leonidovna.....	19
ACTUAL PROBLEMS OF VOLUNTARY AND OBLIGATORY INSURANCE OF VEHICLE OWNERS' CIVIL LIABILITY Zudova Ekaterina Aleksandrovna.....	20
CONSULAR FUNCTIONS AIMED AT ENSURING THE ECONOMIC INTERESTS OF INDIVIDUALS AND LEGAL EN Iskevich Irina Sergeevna, Belov Andrei Sergeevich.....	23
BASIC TASKS OF CONSULAR ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION AND THEIR REALIZATION BY REALIZATION ACTUALLY CONSULAR TO FUNCTION Iskevich Irina Sergeevna, Belov Andrei Sergeevich.....	25
IMPLEMENTATION PROCESS INTERNATIONAL LEGAL NORMS Iskevich Irina Sergeevna, Suchkova Ekaterina Aleksandrovna.....	27
TO THE ISSUE OF LEGISLATIVE REGULATION OF PROTECTION OF MINORS Kalashnikova Irina Olegovna, Fedorova Anna Nikolaevna.....	30
ACTUAL PROBLEMS OF SPECIAL ACCOUNTING OF PRECURSORS OF NARCOTIC DRUGS AND PSICHOTROPIC SUBSTANCES Koroleva Nadezhda Victorovna.....	33
THE IDENTITY OF THE VICTIM AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS OF THEFTS COMMITTED WITH ILLEGAL PENETRATION INTO THE DWELLING Lysyakova Maria Alexandrovna.....	37
REVIEW OF «ROUND TABLE» OF JOURNALS «STATE RIGHT», «LEGAL POLICY AND LEGAL LIFE», «TSU VECTOR OF SCIENCE. SERIES: LEGAL SCIENCE» ON THE THEME: «DEVELOPMENT OF LEGAL POLICY CONCEPT IN THE SPHERE OF LEGAL RESPONSIBILITY» Malko Aleksandr Vasilyevich, Lipinski Dmitriy Anatolyevich, Stankin Aleksey Nikolayevich.....	40
THE CONCEPT AND LEVELS OF CRIMINOLOGICAL SECURITY OF MINORS Saveliev Andrey Igorevich.....	49

**VOLUNTARY MESSAGE AS ONE OF THE BASES OF RELEASE
THE BRIBER FROM CRIMINAL LIABILITY**

Tsaghikyan Stepan Shantovich, Hakobyan Anuh Vaganovich.....51

Our authors.....56

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

© 2015

В.Д. Аветисян, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права
Ереванский государственный университет, Ереван (Республика Армения)

Аннотация: Рассматриваются актуальные вопросы становления и развития корпоративных правоотношений в Армении, выделяются недостатки и пробелы действующего законодательства и на основе этого предлагаются пути их оптимального урегулирования. В статье также рассматриваются спорные вопросы правоприменительной практики, даются рекомендации по вопросам правильного толкования соответствующих норм права.

Ключевые слова: закон, правоотношения, юридические лица, корпорации, собственность, сделка, акции.

После установления независимости Республики Армения (далее – РА) общество встало перед фактом изменения и переосмысления ряда ценностей, укоренившихся в общественном сознании. Переход на рыночную экономику потребовал разработки новых правовых понятий, структур и механизмов, необходимых для правового обслуживания сложившихся новых хозяйственных отношений. В результате развития рыночных отношений весьма большое значение приобрела проблема адекватного регулирования гражданских правоотношений созвучно требованиям современной рыночной экономики.

Посредством принятого 5 мая 1998 г. Гражданского кодекса РА (далее – ГК РА) находящееся в процессе формирования правовое регулирование рыночных отношений в Республике Армения было поставлено на качественно новый уровень. Однако 14-тилетняя правоприменительная практика кодекса позволила выявить в нем и принятых на его основании законах многочисленные недостатки и упущения, и если часть из них просто не позволяет четко определить фактический круг регулируемых гражданским законодательством общественных отношений, то другая часть является серьезным препятствием естественному процессу развития рыночных отношений.

Регулирующее эту сферу законодательство в настоящее время непрерывно развивается, параллельно с этим совершенствуется также правоприменительная практика, а в вопросе совершенствования гражданско-правовых норм важную роль в последнее время приобрели решения судов [1].

С помощью исключаящего дуализм частных правоотношений одного Гражданского кодекса и принятых на его основании ряда законов, по сути, была сделана попытка урегулировать как «повседневные», или «классические», гражданские отношения, возникающие между физическими лицами или при их участии, так и отношения, возникающие между осуществляющими предпринимательскую деятельность лицами либо при их участии. В результате пунктом 2 статьи 1 ГК РА был закреплен круг регулируемых гражданским законодательством отношений, в состав которых вошли правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других имущественных прав, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения.

Изучение Гражданского кодекса, правоприменительной практики и принятых на основании кодекса законов, регулирующих деятельность имеющих разнообразные организационно-правовые формы юридических лиц, позволяет утверждать, что круг регулируемых гражданским законодательством правоотношений не полностью отражен в вышеуказанной

норме. В частности, гражданским законодательством регулируется самостоятельная группа общественных отношений, которая в теоретической литературе получила название «корпоративные правоотношения» – правоотношения, выгодоприобретателями которых являются не только частные лица, но и общественность [2].

В настоящее время корпоративное управление считается ключевым элементом увеличения и роста хозяйственной эффективности деятельности юридических лиц, а также укрепления доверия их вкладчиков. Адекватная и правильно выбранная модель корпоративного управления дает возможность компаниям повысить конкурентоспособность, обеспечить рост и эффективность своей хозяйственной деятельности, привлечь необходимые для экономического роста финансы.

Присущие современной рыночной экономике организационно-управленческие отношения принципиально отличаются от управленческих отношений советского периода. В настоящее время субъекты гражданского права, руководствуясь частным и публичным методами регулирования общественных отношений, исходя из своих частных интересов, выносят решения относительно создания, реорганизации и ликвидации корпорации; органы управления корпорации принимают и обеспечивают реализацию корпоративных решений, определяют стратегию развития корпорации, распределяют прибыль или же создают дополнительные механизмы для реализации своих социальных, культурных или некоммерческих интересов, то есть организуют и направляют деятельность корпорации в соответствии с современными гражданско-правовыми тенденциями.

Новые реалии поставили перед фактом также и науку гражданского права, что позволяет констатировать факт расширения круга регулируемых гражданским законодательством общественных отношений и характеризовать корпоративные правоотношения как самостоятельный и комплексный вид гражданских правоотношений, которые на основании сочетания частных и публичных методов регулирования гражданских отношений регулируют организационно-управленческие отношения, касающиеся имущественного и связанных с ними неимущественного характера материальных благ [3].

Учитывая вышеизложенное, представляется, что сегодня назрела необходимость переосмыслить и переоценить правовую сущность корпоративных правоотношений, роль и значение юридических лиц корпоративного типа, контролируемых и подконтрольных корпораций и лиц, прав участников корпораций, сущность корпоративного управления, решать возникающие в данной сфере проблемы как теоретического, так и практического характера.

Представляется, что действующий ГК РА перегружен не имеющими практического применения

понятиями и определениями, которые в силу своей нежизнеспособности на практике не имеют какого-либо применения. Например, с момента принятия Гражданского кодекса РА по сегодняшний день в РА так и не были созданы общества с дополнительной ответственностью, а между тем в Гражданском кодексе их регулированию отводится порядка 20 статей.

Рассмотрим, к примеру, пункт 1 статьи 50 ГК РА, содержащий понятие юридического лица, который абсолютно не отражает истинного положения вещей. В частности, в вышеприведенной норме ГК юридическое лицо характеризуется как организация, которая имеет *в собственности* обособленное имущество. То есть при дословном толковании этой нормы можно заключить, что если организация не располагает принадлежащим ей на праве собственности имуществом, то она не может считаться юридическим лицом. Однако последующим правовым регулированием законодатель сам противоречит своей же логике. В частности, упразднив минимальный размер уставного капитала, законодатель создал ситуацию, при которой может быть учреждено юридическое лицо, которому на момент его создания или даже на протяжении всего периода его дальнейшего существования на правах собственности не будет принадлежать какое-либо имущество. Ситуация наиболее очевидна в случае некоммерческих организаций и, в частности, фондов, для которых обязательное требование владеть имуществом на правах собственности на момент учреждения законодательством не устанавливается. Фактически признак владения имуществом на правах собственности в условиях действующего правового регулирования является всего лишь констатацией возможности владения имуществом на правах собственности, и это обстоятельство должно быть четко выражено в определении законодательного понятия юридического лица.

Таких примеров много, подобные ситуации имеют место в случае учреждения, реорганизации, ликвидации, управления юридического лица и т. д.

Учитывая существующие реалии и руководствуясь вышеупомянутым принципом, по нашему мнению, можно предложить следующее понятие юридического лица: «организация, которая имеет предусмотренную кодексом или законом соответствующую организационно-правовую форму и государственную регистрацию».

Необходимо отметить, что положения ГК РА, предусматривающие или дифференцирующие виды юридических лиц, также нуждаются в серьезном редактировании и изменении. В частности, самостоятельный характер корпоративных правоотношений параллельно с традиционной классификацией юридических лиц на коммерческие и некоммерческие требует также их разделения на корпоративные и некорпоративные. По нашему мнению, юридические лица, учредители (участники, члены) которых имеют право на участие в управлении их деятельностью, необходимо причислить к корпоративным организациям (корпорациям): например, хозяйственные общества, товарищества, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы). Те же юридические лица, учредители которых не получают права на членство или участие в управлении юридического лица, необходимо отнести к ряду юридических лиц некорпоративного типа: например, фонды, религиозные организации и т. д.

Разделение юридических лиц на корпоративные и некорпоративные (унитарные) соответствует сформировавшейся в многочисленных западных странах доктрине, что отражено в трудах таких немецких цивилистов, как Гейзе, Савин, Гирке, Беранацкий [4]. Этот подход соответствует и российскому правопорядку. В российском дореволюционном праве юридические

лица также классифицировались на корпорации и учреждения, исходя из сущности связей, существующих между их участниками [5].

Считаем, что классификация юридических лиц на лиц публичного и частного права также актуальна в Республике Армения. Например, пункт 1 статьи 1 Закона РА «О Центральном банке Республики Армения» устанавливает, что Центральный банк Республики Армения – это наделенное государственными функциями юридическое лицо, единственным учредителем которого является Республика Армения. Возникает вполне закономерный вопрос об организационно-правовой форме Центрального банка как юридического лица. В условиях действующего законодательства ответа на данный вопрос просто не существует. Именно поэтому ГК должен отделять юридических лиц частного права от юридических лиц публичного права. Должна быть признана возможность юридических лиц публичного права на равных основаниях выступать в правоотношениях с юридическими лицами частного права в рамках законодательства, удостоверяющего факт их создания, организации и деятельности. Заметим, что подобный подход присутствует в Гражданском кодексе Грузии [6].

Правотворческая и правоприменительная деятельность показала, что в условиях перехода к новым социально-экономическим отношениям поспешно сделанные законодательные изменения, механические заимствования из законодательства других правовых систем привели к тому, что в некоторых случаях законодательство не в состоянии комплексно и полноценно регулировать хозяйственные отношения, обеспечить защиту прав и интересов хозяйствующих субъектов [7], а иногда применение таких норм вообще дестабилизирует гражданские правоотношения.

К примеру, с подобной ситуацией мы сталкиваемся в случае признания недействительным решения о реорганизации или государственных регистраций о реорганизации.

Несовершенство корпоративного законодательства в этой сфере не позволяет суду вынести справедливое решение в указанных ситуациях, и в каждом отдельном случае суды определяют последствия недействительности указанных актов по-разному, так что очень часто такие решения практически невозможно выполнить (например, сделанная в 2000 г. запись о реорганизации юридического лица по гражданскому делу № 3-129/КС в 2009 г. была признана недействительной, в результате чего общество, выступающее на протяжении 9 лет в гражданских правоотношениях в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью, должно было преобразоваться в полное товарищество) [8]. И основная причина этого кроется в том, что гражданским законодательством не урегулирован вопрос о так называемой «корпоративной сделке», учитывающей особенности корпоративных отношений.

Считаем также необходимым отметить, что вышеуказанные акты по смыслу Закона РА «О правовых актах» можно определить как внутренние правовые акты, однако это не исключает того, что внутренний правовой акт одновременно будет рассматриваться как сделка со всеми вытекающими из этого последствиями.

Полагаем, что основной причиной такой правовой неопределенности является неполное, не отражающее сущности современных гражданских правоотношений определение и правовое регулирование сделки, приведенное в статье 289 ГК РА. В частности, указанная норма характеризует сделки как действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Очевидно, что сделки могут заключаться не только гражданами и юридическими лицами, но и всеми участниками вышеуказанных гражданских

правоотношений, в том числе и корпоративных правоотношений.

Предлагаем данную норму изложить в следующей редакции:

«Сделкой являются действия участника (участников) гражданского правоотношения, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений». Статьей 290 предлагается дополнить новым пунктом в следующей редакции:

«Совершаемое участником (участниками) корпоративного правоотношения действие по поводу участия в организациях или их управления является сделкой, в отношении которой правила настоящего раздела применяются только в том случае, если законом, иными правовыми актами, уставом или внутренними регламентирующими документами не установлено иное».

Необходимо также отношения, связанные с последствиями недействительности отдельных решений, регулировать как в общих положениях Гражданского кодекса о юридических лицах, так и в специальных законах, регулирующих особенности той или иной организационно-правовой формы юридического лица.

С целью устранения неопределенности, возникающей в гражданских правоотношениях вследствие признания недействительным решения о реорганизации, предлагаем установить специальный трехмесячный срок исковой давности требования признания недействительным решения о реорганизации, но в то же время Гражданским кодексом запретить реорганизованному обществу до истечения этого срока снова реорганизоваться или ликвидироваться, а также установить последствия недействительности, применяемые в случае признания недействительным решения о реорганизации в течение указанного срока. В частности, считаем необходимым разрешить восстановить существовавшее до принятия решения о реорганизации положение и предусмотреть механизмы защиты интересов добросовестных кредиторов новых обществ, созданных в результате реорганизации. Далее, после истечения указанного срока, в течение общего срока исковой давности, исключить возможность признания недействительным решение о реорганизации и с целью обеспечения возмещения нанесенного заинтересованным лицам в результате этих действий ущерба установить солидарную ответственность для лиц, совершивших незаконную реорганизацию.

Полагаем, что внесение предлагаемых дополнений и изменений в указанные правовые акты будет способствовать балансу интересов и эффективной защите субъектов, связанных с внешней и внутренней стороной реорганизационных правоотношений [9].

Несовершенное регулирование законодательством Республики Армения ряда корпоративных отношений, отсутствие четкой границы между интересами крупных акционеров и общества, заимствование зарубежного права без учета национальных особенностей создало в нашей правоприменительной практике ситуацию, когда крупные акционеры без какого-либо обоснования могут за счет финансовых средств общества, а также полагающихся акционерам дивидендов извлекать от составляющих меньшинство акционеров, овладеть их дивидендами и беспрепятственно реализовать порочное явление концентрации капитала в руках одного или нескольких лиц.

Одной из основных причин этого является то, что интерес корпорации практически отождествляется с интересом крупного участника. В итоге крупные акционеры, зачастую злоупотребляя своим правом [10], собственные личные желания представляют как действия, вытекающие из интересов корпорации, в результате чего нарушаются не только интересы участников, составляющих меньшинство, но и корпорации. С точки зрения развития корпоративных отношений

и формирования атмосферы защищенности вкладов акционеров подобный подход является неоправданным, особенно когда речь идет о созданных в результате приватизации акционерных обществах и составляющих меньшинство более 150000 акционеров. В этой связи закон РА «Об акционерных обществах» нуждается в пересмотре; в частности, разразившийся финансово-экономический кризис показал, что при регулировании корпоративных правоотношений предпочтение должно быть отдано исключительно интересам корпорации, а в остальных аспектах правовое регулирование должно строиться на этом основании.

Мы же в настоящее время имеем многочисленные нормы закона, которые предоставляют крупному акционеру возможность злоупотребления своим правом. С подобной ситуацией мы сталкиваемся при распределении дивидендов, распределении оставшегося после ликвидации имущества между участниками, консолидации акций, когда акционеры, составляющие меньшинство, по усмотрению крупного акционера могут быть исключены из общества, и в других случаях.

Исходя из необходимости уравновесить интересы акционерного общества, общества и акционеров, отдельных акционеров и группы акционеров в качестве решения возникших в результате консолидации акций проблем [11] предлагаем внести в Закон РА «Об акционерных обществах» соответствующие изменения и обусловить возможность осуществления объединения акций следующими обстоятельствами:

- объединение акций должно осуществляться исходя из корпоративных интересов общества, а не отдельных акционеров или группы акционеров;
- обусловить принятие решения о консолидации не простым, а квалифицированным большинством голосов;
- не допустить применения такой формулы консолидации, в результате которой общество вынуждено будет изменить размер уставного капитала;
- дать возможность акционерам, имеющим дробное число акций, в определенные сроки после принятия решения о консолидации объединить принадлежащие им акции и таким способом сформировать целые акции;
- в случае если в установленные сроки собственники дробного числа акций не воспользовались реализацией права на объединение данных акций, то предусмотреть обязанность их обратного выкупа обществом по справедливой цене.

Следующая проблема обусловлена, так сказать, «иллюзионной», или «утопической», концепцией судебной защиты корпоративных прав. Годами длящиеся судебные процессы создают ситуацию, когда вне зависимости от сложности дела спор остается неразрешенным в течение нескольких лет, а по истечении ряда лет, даже при условии принятия какого-либо судебного решения, осуществление того или иного права теряет свою актуальность. В результате составляющие меньшинство, а часто и имеющие значительное участие участники пытаются избежать решения корпоративных споров судебным путем, что практически привело к отсутствию в Республике Армения акционерных обществ с участием так называемых «малых инвесторов».

Решением данной проблемы, на наш взгляд, является создание альтернативных способов оперативного разрешения корпоративных споров, внедрение реальных механизмов ответственности или санкций для лиц, нарушающих права акционеров и органов управления, применение которых позволит реально обеспечить оперативную защиту корпоративных прав и интересов, а также будет обеспечивать предохранительную функцию и способствовать осуществлению превентивной защиты прав участников корпорации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мкртумян А.Ю. Судебный прецедент в гражданском праве России и Армении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ереван, 2011. 45 с.
2. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 октября 2009 г. по делу Кольхофер и Минарик против Чехии (application 32921/03, 28464/04).
3. Аветисян В.Д. Особенности корпоративных правоотношений // Банбер Еревани Амалсарани. 2011. № 134.3. С. 27–38. (На арм. языке).
4. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 299 с.
5. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 66 с.
6. Civil Code of Georgia. Article 24. URL: lexadin.nl/wlg/legis/nofr/oeur/arch/geo/CIVILCODE.pdf.
7. Барсегян Т.К. Эволюция и современные аспекты

института имущественной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ереван, 2006. 44 с.

8. РФ. Кассационный суд. Постановления по гражданскому делу № ЕЭД/1246/02/09 и 3-129/КС.
9. Аветисян В.Д. Некоторые аспекты правового регулирования реорганизации акционерных обществ в Республике Армения // Оринаканутюн. 2011. № 68. С. 17–25.
10. Аветисян В.Д. Особенности злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Судебная власть. 2013. № 2/163. С. 45–51.
11. Аветисян В.Д. Особенности консолидации акций и проблемы правового регулирования в Республике Армения // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы междунар. научно-практ. конф. Тольятти, 2012. С. 1–13.

**PROBLEMS OF CORPORATE RELATIONS IN THE
REPUBLIC OF ARMENIA**

© 2015

*V.D. Avetisyan, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law
Yerevan State University, Yerevan (Republic of Armenia)*

Annotation: The current issues of the formation and development of corporate relations in Armenia; highlighted the shortcomings and gaps the current legislation, and on the basis of the offered ways of optimum solution. The article also discusses controversial issues great-enforcement practice, provides guidance on the correct interpretation of the relevant law.
Keywords: law, relationship, legal persons, corporation, property, transaction, shares.

УДК 343.441

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
ЖИЛИЩА ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

© 2015

*А.Ж. Айвазян, соискатель кафедры уголовного права и процесса
Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Армения)*

Аннотация: В рамках настоящей статьи была сделана попытка найти способы повышения эффективности следственных действий, сопровождающихся ограничением права на неприкосновенность жилища, поставлены в центр внимания правовые гарантии обеспечения вышеотмеченного конституционного права. Для обеспечения законности и объективности были предложены соответствующие правовые механизмы и гарантии. В статье также уточняется понятие «жилище». В рамках статьи, касающейся нарушения неприкосновенности жилища, были рассмотрены законодательные нормы ряда иностранных государств и проведен сравнительно-правовой анализ.

Ключевые слова: жилище, неприкосновенность, обыск, разрешение суда, автомобиль, сравнительно-правовой анализ, отягчающее обстоятельство, императивная норма, должностное лицо, правовые гарантии.

Одной из первоочередных задач совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практики его применения является обеспечение реализации конституционного права на неприкосновенность жилища в уголовно-процессуальной сфере. В процессе расследования преступлений часто возникает необходимость выполнить следственные действия, сопровождаемые ограничением права на неприкосновенность жилища. Однако в подобных случаях на практике возникают определенные проблемы, которые главным образом обусловлены отдельными недостатками правового регулирования указанной сферы.

В рамках данной статьи будет сделана попытка найти пути повышения эффективности следственных операций, сопровождаемых ограничением права на неприкосновенность жилища, одновременно удерживая в центре внимания правовые гарантии обеспечения указанного конституционного права.

147-я статья Уголовного кодекса РА (далее – УК) предусматривает уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности жилища, объективная сторона которого проявляется в незаконном вторжении в квартиру человека, вопреки воле последнего. Квартирой считается любое жилище, предусмотренное как для по-

стоянного, так и для временного проживания человека. Например, квартира в многоквартирном доме, собственный дом, гостиничный номер, комната в общежитии и др. В случае когда нарушение права на неприкосновенность жилища обусловлено крайней необходимостью (например, пожар или предотвращение имеющего место преступления), действие не может считаться уголовно наказуемым [1].

Проникновение – это вторжение в жилище. Оно может совершаться не только тайно, но и открыто, как с преодолением препятствий или сопротивления людей, так и беспрепятственно, а равно с помощью приспособлений; проникновение в жилище может осуществляться, например, входением в жилище, либо жилище может контролироваться изнутри с помощью специальных технических средств.

Незаконным признается любое несанкционированное в установленном законом порядке проникновение в жилище другого лица без его согласия, вторжение в жилище без ведома потерпевшего, использование жилища в отсутствие владельца, незаконный обыск, незаконное выселение, иные незаконные действия, нарушающие неприкосновенность жилища граждан [2].

С этой точки зрения необходимо рассмотреть поря-

док совершения действий должностным лицом, вытекающий из его должностных обязанностей, связанный с нарушением права на неприкосновенность жилища, тем более что 3-я часть 147-й статьи УК в качестве отягчающего обстоятельства предусматривает совершение того же деяния с использованием должностного положения.

Таким образом, в 24-й статье Конституции РА закреплено, что квартира может быть подвергнута обыску только в установленных законом случаях и порядке – по решению суда. В соответствии с этой конституционной нормой 3-я часть 225-й статьи Уголовно-процессуального кодекса РА (далее – УПК РА) также в императивной форме выдвигает требование, чтобы обыск квартиры проводился только по решению суда.

В подобном случае, со стороны следователя, без разрешения суда (решения) вход лица в квартиру и совершение обыска не только с разъяснительной точки зрения обесценит результат, полученный данным следственным действием, но и приведет к нарушению права неприкосновенности жилища со стороны данного лица, что фактически будет считаться уголовно наказуемым деянием, поскольку следователь изначально не имел права без разрешения суда входить в квартиру лица и проводить обыск вопреки его воле, и все это было совершено незаконно.

Обыск в жилище может быть осуществлен (согласно Конституции РФ и уголовно-процессуальному законодательству) только на основании судебного решения или с санкции прокурора. В соответствии со ст. Конституции РФ, «суды должны рассматривать материалы, подтверждающие необходимость проникновения в жилище, если таковые представляются в суд» [3]. Условия ограничения неприкосновенности жилища граждан устанавливаются в Законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» и в других федеральных законах, нарушение этих условий превращает указанные действия в незаконные. Незаконным являющимся также и любое иное вторжение в жилище без согласия проживающего в нем лица, временное использование жилого помещения в отсутствие владельца и т. п. [4].

Остановливаясь на одном из следственных действий – обыске, главным образом на обыске квартиры, считаем, что по этому поводу необходимо пересмотреть существующие правовые основы и подходы, начиная с конституционных положений и заканчивая формированием законодательным органом процедуры этой следственной операции в уголовно-процессуальном законодательстве. Проблема в том, что в практической работе иногда возникает необходимость произвести обыск квартиры, так сказать, «на минуту раньше». Подобная необходимость может возникнуть, например, после немедленного допроса задержанного следователем подозреваемого в ночное время, когда промедление может привести к уничтожению или скрытию, видоизменению доказательств.

В действительности в РА суды не работают в ночные часы, и следователь в лучшем случае должен ждать начала рабочего времени, чтобы представить в суд ходатайство о получении разрешения на обыск квартиры, пройти связанную с этим определенную процессуальную процедуру и только потом, получив разрешение, предпринять осуществление обыска этой квартиры, подлежащей немедленному обыску. Здесь справедливо возникает вопрос: а что делать в том случае, когда в той квартире, где предположительно будут предметы и ценности, имеющие доказательное значение для дела, находятся члены семьи подозреваемого, которые могут с легкостью устранить все это, однако следователь в любом случае для входа в данное жилище и обыска и обнаружения необходимых вещей должен «ждать» столько времени, пока не получит разрешение суда.

Следует отметить, что подобный подход законодательного регулирования часто становится причиной для нарушения разработанной тактики следствия. Считаем,

что Конституция, а следовательно и уголовно-процессуальное законодательство, должны разрешить в случае необходимости немедленное осуществление обыска без разрешения суда.

Естественно, противники этой идеи выдвигают опасность обстоятельства ненадлежащей эксплуатации своих полномочий сотрудниками правоохранительных органов, однако считаем, что для предотвращения возможных злоупотреблений могут быть предусмотрены соответствующие правовые механизмы и запреты.

Так, для контроля над корреспонденцией, почтовыми, телеграфными и другими сообщениями, а также для прослушивания телефонных разговоров Конституция вновь в императивном порядке требует разрешение суда, что таким же образом закреплено в 239-й и 241-й статьях Уголовно-процессуального кодекса. Тогда как 284-я статья того же УПК, определив порядок обсуждения мероприятий относительно осуществления оперативно-следственных мероприятий в суде, в 8-й части указанной статьи предусматривает «временное» исключение, а именно: «В случаях, когда промедление предусмотренного настоящей статьей оперативно-следственного мероприятия может привести к совершению террористического акта, или возможны события или действия, угрожающие государственной, военной или экологической безопасности Республики Армения, на основании постановления главы органа, осуществляющего оперативно-следственную деятельность, за 48 часов информируя об этом суд, представив ему документы, предусмотренные третьей частью настоящей статьи. В случаях, когда суд не считает достаточными основания для проведения оперативно-следственного мероприятия, установленного настоящей статьей, а сведения и материалы, полученные в результате его осуществления, подлежат немедленному уничтожению. В противном случае суд принимает решение о разрешении осуществления оперативно-следственного мероприятия – в порядке, установленном настоящей статьей».

Эта «привилегированная» процедура закреплена также в 32-й статье Закона РА «Об оперативно-следственной деятельности» (далее – Закон об ОСД). Несмотря на то что орган, осуществляющий оперативно-следственную деятельность, в конце концов за 48 часов представит в суд изначально бывшую необходимой в уже совершенных работах и их обоснования, а также достигнутый на данный момент результат, Конституция по этому вопросу зафиксировала четкое и императивное требование и не предусматривает подобных исключений. Мы отнюдь не против этого исключения, но считаем, что это исключение, как и в случае контроля над корреспонденцией, телеграфными и другими сообщениями, прослушивания телефонных разговоров, а также исходя из необходимости расследования уголовного дела в случае обыска жилища, требующего немедленного исполнения, нужно предусмотреть и закрепить в правовом мышлении и в соответствующих актах.

Иными словами, предлагаем в случае обыска жилища, требующего незамедлительного исполнения, совершить его без получения предварительного разрешения суда, но в то же время строго соблюдая положения, закрепленные в 31-й статье УПК, в частности в присутствии лиц, предусмотренных 227-й статьей (понятые, лицо или совершеннолетние члены его семьи, представитель организации жилищной эксплуатации или органа местного самоуправления, в случае необходимости – переводчик, специалист и др.), и только после этого незамедлительно, но не позднее чем в течение 24 часов, об этом проинформировать суд, представив ему материалы и документы, свидетельствующие о необходимости произведенного обыска. И если суд сочтет этот обыск безосновательным, то результат, полученный этим следственным действием, потеряет свое доказательное значение.

Подобной процедурой, по сути, будут ограничены и исключены возможные злоупотребления и в то же время

не будет нарушена разумная оперативность расследования дела.

Следует отметить, что в связи с нарушением неприкосновенности жилища со стороны должностного лица есть еще одна проблема. В 6-й статье УПК в понятие «жилище» включен также частный или служебный личный автомобиль. Следовательно, обыск автомобиля должен производиться с разрешения суда. Однако в действительности не только почти всегда обыск автомобиля не совершается с разрешения суда, но и суд не считает фактические данные, полученные при обыске автомобиля, произведенном с подобным нарушением, данными, полученными незаконным путем. В этом случае, для того чтобы не допустить нарушения законности и не создавать лишних и ненадлежащих осложнений в процедурном плане для проводимого расследования, предлагаем из содержания понятия «жилище», определенного 6-й статьей УПК, исключить слово «автомобиль», а обыск автомобиля совершать при участии управляющего транспортным средством, или его хозяина, или другого незаинтересованного в деле третьего лица и при обязательном участии понятых.

3-я часть 139-й статьи УК РФ также предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности жилища со стороны лица, осуществляющего служебные полномочия. Примечательно, что 139-я статья УК РФ в ознакомительном порядке разъясняет понятие «жилище» – как в данной статье, так и вообще в УК РФ, – что буквально созвучно понятию «жилище», данному в 10-м пункте 5-й статьи УПК РФ. Причем в понятие «квартира» не включен частный или служебный личный автомобиль. Считаем, что законодательный орган РФ поступил более правильно, определив понятие «жилище» также в УК, поскольку в УК РА не только нет разъяснения этого понятия, но и в связи с его разъяснением, в качестве основы, не производится ссылок на разъяснение, указанное в УПК.

Диспозиция 162-й статьи УК Украины относительно нарушения неприкосновенности жилья более объемно представлена, и 2-я часть статьи как отягчающее обстоятельство предусматривает совершение проступка со стороны должностного лица.

Проявление объективной стороны состава преступления альтернативно, в частности, оно осуществляется путем: 1) незаконного вторжения лица в квартиру или иное имущество, 2) незаконного осмотра или обыска, 3) незаконного изгнания или другими действиями, которые нарушают неприкосновенность жилища гражданина. Хотя очевидно, что в первом варианте проявления диспозиции указано понятие «лицо», а во втором – понятие «гражданин», считаем, что, для того чтобы не вызвать вопросов в плане иностранных граждан и лиц без гражданства, более уместно было бы вновь использовать понятие «лицо».

Рассматриваемое преступление сформулировано также в 202-й статье УК Белоруссии, 2-я часть которой в качестве отягчающего обстоятельства предусматривает совершение проступка должностным лицом с использованием служебных полномочий [5].

186-я статья УК Швейцарии также считает уголовно наказуемым нарушение неприкосновенности жилища. Проступок, в плане проявления объективной стороны, альтернативен, однако не имеет какого-либо отягчаю-

щего обстоятельства или положения о совершении со стороны должностного лица.

УК ГДР обратился к указанному преступлению в двух статьях: нарушение неприкосновенности жилища (123-я статья) и грубое нарушение неприкосновенности жилища (124-я статья). Из диспозиции 123-й статьи видно, что уголовно наказуемо вторжение не только в квартиру, но и в местонахождение общественных служб и транспортных средств. 124-я статья предусматривает ответственность за публичное собрание толпы и нарушение указанной неприкосновенности с применением силы. В двух случаях не указано какого-либо положения об их совершении со стороны должностного лица.

Таким образом, обобщая злоупотребления, имеющие место в связи с нарушением неприкосновенности жилища и особенности их квалификации, предлагается следующее.

1. Для недопущения нарушений законности обыска автомобиля и несоздания лишним и ненадлежащим образом сложностей в процедурном плане для совершенного следствия, предлагаем из содержания понятия «жилище», установленного 6-й статьей УПК РА, исключить слово «автомобиль», а обыск автомобиля производить просто при обязательном присутствии его водителя, хозяина или другого незаинтересованного в деле третьего лица и с обязательным участием понятых.

2. С целью обеспечения тактического смысла и эффективности производимого обыска квартиры предлагаем в случае обыска жилища, требующего незамедлительного выполнения, но в то же время со строгим соблюдением положений, закрепленных в 31-й главе УПК, в частности в присутствии лиц, предусмотренных 227-й статьей (понятие, присутствие лица и совершеннолетних членов его семьи, представитель организации жилищной эксплуатации или органа местного самоуправления, в случае необходимости – переводчик, специалист и др.), не позднее чем в течение 24 часов, проинформировать об этом суд, представив ему материалы и документы, свидетельствующие о необходимости проведенного обыска, иначе результат, полученный следственной операцией, потеряет свое доказательное значение.

Считаем, что практическая реализация указанных предложений позволит повысить эффективность следственных действий, сопровождающихся ограничением неприкосновенности жилища, и гармонично сбалансировать частный интерес неприкосновенности жилища и общественный интерес борьбы с преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право Республики Армения. Особенная часть. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2004. 260 с.
2. Уголовное право России / под ред. В.К. Дуюнова. М.: РИОР, 2015. 299 с.
3. РФ. Пленум Верховного суда. О некоторых вопросах, связанных с применением статьей 23 и 25 Конституции РФ : постановление № 13 от 24.12.1993 // Вестник Верховного Суда РФ. 1994. № 13.
4. Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: legislationline.org/download/action/download/id/5763/file/BEL_CC_am2014_ru.pdf.

**CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE VIOLATION OF APARTMENT INVIOABILITY
WITH THE EXCEEDING ONE'S OFFICIAL AUTHORITIES
(COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS)**

© 2015

*A.G. Ayvazyan, competitor of the Department of Criminal Law and Procedure
Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Republic of Armenia)*

Annotation: An attempt was made on finding ways to improve the effectiveness of investigative actions accompanied by the limitation of the right to inviolability of dwelling, and the legal guarantees for the provision of the abovementioned constitutional right were put in the center of attention within the framework of the present article. The article also discusses the concept of "home", and it is suggested that the term "car" should be excluded from this concept or the search should not be conducted without the court permission in order to avoid the violation of the requirements of the legality. The legislative norms of a number of foreign countries have been considered and the comparative-legal analysis has been conducted within the framework of the article concerning the violation of the inviolability of dwelling.

Keywords: apartment, inviolability, search, court permission, car, comparative-legal analysis, aggravating circumstance, imperative norm, official, legal guarantees.

УДК 340.1

**СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОРЫСТНОЙ И ИНОЙ ЛИЧНОЙ
ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ**

© 2015

*А.В. Алекян, аспирант кафедры уголовного права
Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения)*

Аннотация: В ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации (Республики Армения) в качестве обязательного признака субъективной стороны преступлений указывается мотив. В статье рассматриваются два вида мотивов, которые часто лежат в основе разного рода преступлений: корыстная и (или) иная личная заинтересованность. В данной статье вкратце представляются результаты исследований историко-правовых документов касательно проблемы правового определения указанных двух терминов в части преступлений против государственной власти. Здесь также исследуются и подвергаются анализу сложившиеся в науке и судебной практике толкования указанных терминов. Предлагается введение в УК как РФ, так и РА четкого определения терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность» во избежание произвольной трактовки указанных двух видов мотивов.

Ключевые слова: мотив, корысть, корыстный мотив, корыстная цель, иная личная заинтересованность, взятка, кража, преступления против собственности, преступления против государственной власти, исторические правовые памятники, Верховный Суд.

В ряде статей Уголовного кодекса РФ (РА) в качестве обязательного признака субъективной стороны преступлений указывается мотив. Мотивом преступления называются обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовалось при его совершении [1]. Одними из мотивов являются корысть и (или) иная личная заинтересованность. В настоящее время отсутствует законодательное определение указанных двух видов мотивов, а в науке не сложился единый подход к определению терминов, что и приводит к необходимости рассмотрения и раскрытия их смысла и содержания. Это требуется для полной, правильной и точной оценки корыстных преступлений против государственной власти, так как понятия «корысть» и «иная личная заинтересованность» выступают основой выделения корыстных преступлений против государственной власти в отдельную группу и являются обязательными признаками субъективной стороны рассматриваемых преступлений.

В рамках данного исследования впервые термины «корысть» и «иная личная заинтересованность» анализируются с исторического ракурса. Исследование историко-правовых документов было проведено многими учеными (например, О.И. Чистяковым, И.А. Исаевым и др.), но не с точки зрения трансформации указанных терминов на протяжении тысячелетий. К определению самих терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность» обращались такие ученые, как Б.С. Волков, А.И. Долгова, Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рапог. Попытка определить указанные термины была сделана и в судебной практике. В данной статье с учетом позиций многих ученых и формулировок судебных документов

выводится общее определение указанных терминов.

Исследование историко-правовых памятников позволяет прийти к следующим выводам: запреты на взяточничество и деяния, имеющие в основе корыстный мотив, были введены издревле. Причем ответственность за взяточничество начала устанавливаться лишь с XVI в., а до этого за посул никакого вида ответственности правовые акты не предусматривали. Начиная с XVI в. к таким преступлениям стали применяться самые разные наказания: вначале они никак не наказывались, в период Ивана Грозного наказывались самым строгим образом (битье кнутом, тюремное заключение или смертная казнь); затем ответственность была смягчена, а в период Петра I снова ужесточена. Соборным Уложением 1649 г. были введены понятия лихоимства и мздоимства. Сам же термин «корысть», хоть и впервые был применен в ряде статей Соборного Уложения от 1649 г. (ст. 15 главы VII, ст. 7, 14 главы IX, ст. 15 главы X и др.), оставался без должного внимания [2].

Термины «корысть» и «иная личная заинтересованность» вступают во всеобщее применение с принятием УК РСФСР от 1922 г. и затем применяются УК РСФСР от 1961 г. и действующим УК РФ от 13.06.1996 г. Отметим, что ни один из указанных кодексов не раскрыл смысл и содержание понятий «корысть» и «иная личная заинтересованность».

Рассматривая проблему правового определения корысти и иной личной заинтересованности, которые являются мотивами ряда преступлений, предусмотренных УК РФ, необходимо обратиться к определениям корысти и термина «корыстного преступления», сформулированным доктором юридических наук, профессором А.И. Долговой. Корыстные преступления характеризу-

ются А.И. Долговой как такие деяния, «которые заключаются в прямом незаконном завладении чужим имуществом, совершаются по корыстным мотивам и в целях неосновательного обогащения за счет этого имущества, причем без использования субъектами своего служебного положения, не связаны с нарушением хозяйственных связей и отношений в сфере экономики» [3].

Выделяя признаки корыстных преступлений, к числу которых отнесены чужое имущество, корыстная цель и внешнехозяйственные отношения, А.И. Долгова дает следующее определение корыстной цели: «корыстная цель – противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного».

Такое определение корысти, корыстного мотива либо корыстной цели является несколько некорректным. Поскольку законодатель в примечании к ст. 158 УК РФ указывает в качестве обязательного признака субъективной стороны хищения корыстную цель, а цель – это мысленная модель будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления, то корыстная цель не может определяться как действие: ведь противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного представляет собой действие, уголовно-правовой акт, составляющий объективную сторону хищения. Цель же – это мысленная модель будущего результата.

Кроме того, такое определение корыстной цели нам представляется ограниченным, поскольку из формулировки изъята та часть законодательного определения хищения, которая рассматривает в качестве хищения также изъятие и (или) обращение виновным чужого имущества в пользу других лиц.

Не является правильным и подход законодателя в части применения термина «корыстная цель». Нами предлагается редакция примечания к ст. 158 УК РФ в указанной части и замена этого словосочетания на термин «корыстный мотив». Предлагаемая позиция мотивируется следующим: цель, как уже было отмечено, – это мысленная модель будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления, а мотив – это обусловленная определенными потребностями и интересами внутренняя побудительная сила, которая вызывает у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствуется при его совершении. Эти понятия тесно взаимосвязаны. Исходя из определенных потребностей, человек испытывает сначала неосознанное влечение, затем сознательное стремление к удовлетворению потребности. На этой основе формируется цель поведения [4]. Из изложенного следует, что корысть, как и любой другой мотив в целом, выступает в качестве внутренней побудительной силы к совершению преступления, на основе которой возникает не корыстная цель, а цель, направленная на противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц (т. е. цель завладения чужим имуществом).

Интересна формулировка значения слова «корысть», приведенная в толковых словарях. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова корысть имеет два значения:

1) материальная выгода, польза;

2) то же, что корыстолюбие, которое определяется как стремление к личной выгоде, наживе, жадность.

Приблизительно такое же определение слову «корысть» дано в «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля. Здесь корысть определяется как «страсть к приобретению, к поживе; любостяжание, падность на барыши (выгода, польза, барыш)...».

На основе приведенных выше определений слова «корысть» можно прийти к выводу о том, что «в русском языке этим понятием обозначаются крайние формы проявления эгоизма по поводу материальных благ – накопительство, стяжательство, жажда наживы и т. п.» [4].

Однако в рамках уголовного законодательства, в на-

уке и судебной практике понятие корысти применяется в более широком смысле, а именно: корысть в основном рассматривается как стремление к получению какой-либо материальной выгоды или пользы. Такой вывод следует также из Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», а также из п. 11 аналогичного Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 (в новой редакции) от 27 января 1999 г. («О судебной практике по делам об убийстве»), которые дают разъяснение о том, что «по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство из корыстных побуждений) следует квалифицировать убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)».

В рамках УК РФ (и РА) можно выделить два раздела, которые включают корыстные преступления, т. е. преступления с указанными выше мотивами:

1) корыстные преступления против собственности (глава 21 раздела VIII УК РФ);

2) преступления против государственной власти (раздел X УК РФ).

Отметим, что в УК РФ (РА) не существует четкого, полного и точного определения корысти и иной личной заинтересованности. Содержание этих двух понятий, включенных в первую группу указанных преступлений, можно вывести из определения термина «хищение», закрепленного в примечании к ст. 158 УК РФ. В отличие от преступлений против собственности, включающих в себя корыстную и иную личную заинтересованность, в статьях раздела X УК РФ, предусматривающих вторую группу корыстных преступлений, полностью отсутствует законодательное определение рассматриваемых терминов. Таким образом, анализ двух групп корыстных преступлений показывает, что правовое, законодательное определение терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность» полностью отсутствует. Однако в научной литературе сложился единый подход к определению рассматриваемых терминов.

Так, п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ («Кража») определяет хищение в статье УК как «совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственному или иному владельцу этого имущества». На основе данной нормы и с учетом определения термина «мотив» можно вывести следующее определение корысти – это внутреннее побуждение лица, направленное на извлечение имущественной выгоды либо удовлетворение личных материальных потребностей, т. е. противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Фактически сформулированное нами определение корыстного мотива включает в себя две части:

1) безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу самого виновного, где очевидно наличие корысти как мотива;

2) противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу других лиц. В данном случае наличие корыстного мотива проявляется в том, что по различным причинам виновный заинтересован в обогащении тех лиц, которым передается похищенное имущество (при передаче похищенного имущества родным или близким виновного либо лицам, с которыми виновный состоит в имущественных отношениях – например, передача имущества в счет погашения долга – или с которыми у виновного после передачи похищенного имущества формируются имущественные отношения – например, сдача похищенного имущества в аренду).

При таком подходе к понятию «корысть» важно вы-

делить признаки, характеризующие его:

1) стремление к противоправному и безвозмездному завладению чужим имуществом;

2) наличие у виновного имущественного (материального) интереса, руководствуясь которым виновный выполняет действия, направленные на изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц.

Противоправность означает совершение преступления не только запрещенным законом способом (объективная противоправность), но и при отсутствии у виновного прав на это имущество (субъективная противоправность) [5].

Безвозмездность означает изъятие имущества без предоставления взамен эквивалентного возмещения деньгами, другим имуществом, своим трудом и т. д. [4].

Корысть в преступлениях против собственности представляет собой стремление к завладению, изъятию и (или) обращению чужого имущества. Пленум Верховного Суда РФ п. 1 своего Постановления от 25 апреля 1995 г. № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» разъяснил, что «предметом хищения является чужое, т. е. не находящееся в собственности или законном владении виновного, имущество».

Отметим, что к числу преступлений против собственности с корыстным мотивом не могут быть отнесены случаи изъятия и обращения виновным чужого имущества с целью временного пользования и его последующего возврата, материальную в последнем случае у виновного отсутствует материальный интерес.

В качестве мотива как признака субъективной стороны корыстных преступлений против собственности не может выступать иная личная заинтересованность.

Чаще всего термины «корыстная» и «иная личная заинтересованность» применяются законодателем в главе 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), в частности в ст. 285 («Злоупотребление должностными полномочиями») раздела X УК РФ. Применяя данные термины, законодатель не раскрыл их содержание, не указал их смысла и значения. Однако в ряде статей указанной главы законодатель прямо установил корыстную или иную личную заинтересованность в качестве обязательного признака субъективной стороны конкретных составов преступлений. Возникает необходимость раскрытия смысла и содержания корыстной и иной личной заинтересованности во второй группе указанных выше преступлений, а именно преступлений против государственной власти, поскольку правовое определение этих двух альтернативных мотивов полностью отсутствует и в разделе X УК РФ.

Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» «под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы следует понимать совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями». Далее в п. 16 указанного Постановления дается разъяснение относительно такого признака субъективной стороны рассматриваемого преступления, как мотив. Итак, здесь корыстная заинтересованность определяется как «стремление должностного лица путем совершения неправомερных действий получить для себя или других

лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.)». Из этого положения и из определения термина «мотив» следует, что корыстная заинтересованность как мотив — это внутренняя побуждающая сила, заключающаяся в стремлении получить имущественную выгоду; проявление материального интереса. Определение корысти как мотива преступлений против собственности, выведенное из понятия «хищение», и определение корыстной заинтересованности, сформулированное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», сравниваются в п. 17 указанного Постановления. В нем говорится: «В отличие от хищения с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению) либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества». Можно заметить, что в последнем случае исключаются те признаки хищения, из которых были выведены и признаки корысти преступлений против собственности: противоправное безвозмездное обращение чужого имущества в свою собственность или в собственность других лиц. Таким образом, в зависимости от вида и специфики конкретных составов преступлений смысл и содержание корыстной заинтересованности может меняться.

Термин «иная личная заинтересованность» законодатель использует только в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти». Само слово «заинтересованность» характеризуется как проявление интереса к чему-нибудь, практический интерес к чему-нибудь. Употребляя выражение «иная личная заинтересованность», законодатель исключил из этого понятия материальную выгоду или пользу, которыми характеризуется корыстная заинтересованность. Слово же «личный» в буквальном толковании означает, что виновный действует в свою пользу либо в пользу близких ему лиц, в частности родственников. П. 16 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» раскрывает содержание термина «иная личная заинтересованность» в преступлениях против государственной власти: иная личная заинтересованность может выражаться «в стремлении должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленным такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.». Из приведенного положения следует, что иная личная заинтересованность связывается со стремлением виновного получить выгоду неимущественного, нематериального характера.

Таким образом, проведенный уголовно-правовой анализ терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность», применяемых в двух разделах УК РФ (глава 21 раздела VIII и раздел X), и исследование Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РФ показывают, что в содержание рассматриваемых терминов законодатель вложил различный смысл: если в преступлениях против собственности под корыстью подразумевается материальная выгода для виновного или других лиц, избавление от материальных затрат, то в преступлениях против государственной власти корыстью признается имуще-

ственная выгода виновного без незаконного безвозмездного обращения имущества в свою собственность или собственность других лиц. Сказанное означает, что в преступлениях против государственной власти исключается признак хищения.

Термин же «иная личная заинтересованность» раскрывается лишь только в Постановлении Пленума Верховного РФ (ранее и СССР), которое касается преступлений против государственной власти. Иная личная заинтересованность как мотив преступления не может быть включена в качестве признака субъективной стороны преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, поскольку последние в основном представляют собой различные формы хищения и предполагают обязательно извлечение, получение материальной выгоды, пользы имущественного характера. Иная личная заинтересованность, как следует из проведенного анализа этого термина и из указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ, включает в себя интерес к выгоде неимущественного характера. Таким образом, анализ самого словосочетания «иная личная заинтересованность», термина «мотив» и содержания п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 позволяет нам сформулировать следующее определение рассматриваемого термина: иная личная заинтересованность – внутренняя побудительная сила, стремление виновного, проявляющиеся в извлече-

нии выгоды неимущественного характера в свою пользу либо в пользу близких ему лиц.

Таким образом, исследование историко-правовых актов и судебной практики, анализ законодательства показывают, что в содержание понятий «корыстная» и «иная личная заинтересованность» законодатель вложил различный смысл: в зависимости от вида и специфики конкретных составов преступлений смысл и содержание корыстной заинтересованности может меняться. Термин же «иная личная заинтересованность» применяется только в отношении преступлений против государственной власти. Именно поэтому необходима законодательная регламентация указанных двух понятий в части преступлений против государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское уголовное право. В 2 т. Т. I. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М.: Профобразование, 2003. 598 с.
2. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984.
3. Долгова А.И. Криминология. М.: НОРМА, 2009. 383 с.
4. Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
5. Борзенков Г.Н. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Инфра-М, 2003. 798 с.

CONTENT AND LEGAL DEFINITION OF THE SELF-SERVING AND OTHER PERSONAL INTEREST

© 2015

A.V. Alekyan, graduate student of the Department of Criminal Law
Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Annotation: In a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation (the Republic of Armenia) as a mandatory feature of the subjective side of crime indicate the reasons. The article deals with two kinds of motives that often underlie all sorts of crimes: selfish and (or) other personal interest. This article briefly presents the results of historical and legal documents concerning the problems of the legal definition of these two terms in terms of crimes against the state. It also investigated and analyzed existing science and jurisprudence interpret these terms. It offers an introduction to both the Criminal Code of the Russian Federation and the Republic of Armenia, a clear definition of the terms “self-interest” and “other personal interest” in order to avoid arbitrary interpretation of these two kinds of motives.

Keywords: motive, greed, selfish motive, self-serving purpose, other personal interest, bribery, theft, crimes against property, crimes against the government, the legal historical monuments, the Supreme Court.

УДК 347: 343.148.5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ГАРАНТ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2015

Е.И. Будникова, эксперт

Управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Самарской области, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена актуальности судебно-экономической экспертизы, а также проблемам, возникающим при ее производстве и назначении.

Ключевые слова: задачи экономической экспертизы, виды экономической экспертизы, экспертные методики, порядок назначения судебно-экономических экспертиз.

Экономическая экспертиза занимает существенное положение в числе контрольных финансовых мероприятий, причем как на уровне государства, так и на уровне хозяйствующих субъектов. Отчасти это обусловлено тем, что экономическая экспертиза в основном проводится в рамках судебного производства, как уголовного, так и гражданского и арбитражного.

Предмет экспертизы ученые определяют примерно одинаково. Считается, что ее предметом являются факты, обстоятельства (фактические данные), устанавливаемые посредством экспертизы.

Однако следует заметить, что в экономической экспертизе эксперту приходится иметь дело не с самими

фактами, процессами, явлениями, а с их отражением в системе экономической информации. Следовательно, в широком смысле под объектом экономической экспертизы следует понимать материальный носитель информации о фактических данных, связанных с экспертным исследованием.

Задачи экономической экспертизы сводятся к решению вопросов несоблюдения норм законодательства в сфере экономики, финансов, трудовых отношений, норм гражданско-правового и административного характера, регулирующих деятельность организаций. В рамках этих экспертиз могут решаться вопросы, связанные с правильностью начисления и выплаты заработной

платы, установлением учетных несоответствий в ведении бухгалтерского учета на стадии оформления хозяйственных операций. При этом экспертами-экономистами исследуются хозяйственные операции, отраженные в данных бухгалтерского учета и тесно связанного с ним оперативного учета, плановая информация, а также отдельные стороны деятельности организации.

Методы исследования всегда целенаправленны, потому их соотносят с задачей и объектом изучения. Методы могут быть как общенаучными, так и специфическими (частными).

В зависимости от характера решаемых задач и поставленных целей, методы исследования экономической деятельности могут быть следующими:

1) учетно-статистическими: а) метод специфических индикаторов; б) структурный метод; в) метод моделирования; г) экспертный метод; д) смешанные методы;

2) открытой проверки;

3) расчетно-аналитические: а) финансово-экономический анализ; б) статистические расчеты; в) экономико-математические методы;

4) специальными экономико-правовыми: а) метод документального анализа; б) метод выявления несоответствий; в) метод бухгалтерского анализа; г) метод экономического анализа.

В целом анализ источников научного и методического характера позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время выделились три рода экономических экспертиз: 1) бухгалтерские; 2) финансово-аналитические; 3) налоговые [1].

Однако следует заметить, что в связи с интенсивным развитием финансово-кредитной системы и увеличением количества противоправных действий в этой сфере в данной классификации необходимо выделить четвертый род экономических экспертиз, а именно финансово-кредитные экспертизы, ставшие актуальными в современных условиях.

Указанные четыре рода экономических экспертиз более подробно можно охарактеризовать следующим образом.

1. **Финансово-аналитическая экспертиза** отвечает на вопросы, касающиеся исполнения обязательств по вкладным, долговым и договорным операциям, получения дивидендов, исследования финансово-экономического состояния, анализа экономических показателей и т. д.

2. С помощью **бухгалтерской экспертизы** исследуются данные бухгалтерского учета и отчетности, ставшие объектом расследования правоохранительными или судебными органами, для установления истины и выдачи экспертом-бухгалтером экспертного заключения. Она предполагает решение таких задач, как:

1) выявление в учетных документах и бухгалтерских записях наличия или отсутствия искаженных данных;

2) диагностирование некоторых показателей деятельности предприятия на основании данных бухгалтерского учета;

3) корреляция данных первичных документов с учетными регистрами и данными отчетности;

4) соотношение данных бухгалтерского учета с черновыми записями и внеучетными документами и т. д. [2]

3. **Налоговая экспертиза** исследует правонарушение и преступления в области налогового законодательства. Она является отдельным направлением использования специальных знаний о налогах и сборах в различных практических ситуациях, связанных с применением положений Налогового кодекса РФ.

В данном исследовании экспертам предстоит решение следующих задач:

1) определить сумму налогов, подлежащих уплате;

2) выявить налоговые обязательства, рассчитанные с учетом заданных условий;

3) определить сумму денежных средств, перечисленных в качестве налогов и поступивших в бюджет

Российской Федерации;

4) определить сумму налоговых обязательств групп лиц, взаимосвязанных между собой.

4. **Финансово-кредитная экспертиза** исследует противоправные действия в области финансово-кредитных отношений.

Данной классификации придерживаются многие ученые [3], а также Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ в экспертной практике органов внутренних дел.

При этом важно обратить внимание на то, что классификация экономического класса экспертиз не может быть закреплена в законодательном порядке, т. к. подобная группировка подвержена постоянной трансформации в связи с изменениями нормативной базы, структуры противоправных действий экономического характера, теоретических основ экономических учений, компьютеризацией учетного процесса и т. д.

Следовательно, проблема изменения научных подходов к понятийному аппарату и группировке в области экономических экспертиз требует пристального и постоянного внимания со стороны ученых и практиков, что позволит своевременно реагировать на происходящие изменения, удовлетворять прикладные потребности, выделять и разрабатывать наиболее актуальные направления развития экспертных экономических исследований.

Анализ и обобщение практики назначения и производства судебных экономических экспертиз в гражданском судопроизводстве позволили выявить ряд проблемных вопросов, требующих разрешения. Отдельные проблемы в процессе производства судебных экономических экспертиз возникают в связи с тем, что на стадии назначения экспертизы, во-первых, не все документы, необходимые для экспертного исследования, имеются в материалах дела; во-вторых, в недостаточной степени определены основания для назначения такой экспертизы и экспертные задачи. Устранение имеющихся проблем направлено на всестороннее, полное, объективное и непосредственное исследование имеющихся в деле доказательств, в том числе посредством проведения судебной экономической экспертизы, в конечном итоге оно позволит получить законное, обоснованное и мотивированное решение суда.

Назначение судебной экспертизы регламентируется ст. 79 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ. Так, согласно ст. 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения гражданского дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу.

Можно предложить следующий алгоритм назначения судебной экономической экспертизы.

1. Необходимые исходные условия:

1) имеются учетные и отчетные документы, другие материалы дела, данные из которых предстоит исследовать в ходе судебной экспертизы;

2) возникшие вопросы не могут быть решены с помощью консультации специалиста. Окончательно определена необходимость использования специальных знаний эксперта-экономиста;

3) определены задачи, которые предстоит решить путем проведения экспертизы, род назначаемой судебной экспертизы с учетом нормативных правовых актов Минюста РФ (бухгалтерская, финансово-аналитическая, налоговая, финансово-кредитная).

2. Выбор экспертного учреждения, эксперта:

1) обращение за консультацией в экспертное учреждение, к эксперту:

- формулирование вопросов, выносимых на экспертизу;

- определение перечня объектов, подлежащих представлению на экспертизу;

2) вынесение определения о назначении экспертизы (ст. 80 ГПК РФ);

3) ознакомление сторон, участвующих в деле, с определением о назначении судебной экспертизы (п. 2 ст. 79 ГПК РФ).

От правильности постановки вопросов на экспертизу зависят полнота исследования, качество и сроки проведения экспертизы. Общие требования, предъявляемые к вопросам для эксперта, следующие:

- 1) вопросы являются существенными для данного дела;
- 2) относятся к бухгалтерскому учету или определенной сфере экономической деятельности;
- 3) относятся к компетенции специалиста в области бухгалтерского учета, экономики и финансов, и суд, используя общеизвестные сведения из области экономики, не может их разрешить самостоятельно;
- 4) не могут быть разрешены иным путем, кроме как заключением эксперта;
- 5) разрешение поставленных вопросов возможно лишь на основе материалов дела, предоставленных эксперту;
- 6) вопросы конкретны и обязывают эксперта давать конкретное заключение;
- 7) излагаются в редакции, исключающей их различное толкование;
- 8) должны быть изложены в логической последовательности [4].

При этом наиболее важными в целях доказывания своей позиции являются такие разделы заключения экспертов, как:

- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований;
- обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам [5].

Тем не менее, общее правило заключается в том, что содержание заключения эксперта для суда не является обязательным и не имеет заранее установленной силы. Оно оценивается в совокупности с другими доказательствами в соответствии со ст. 67 ГПК РФ. Несогласие суда с заключением эксперта должно быть мотивировано в решении. Это необходимо для последующего обжалования решения в вышестоящем суде.

Проведенный анализ теоретических основ экономической экспертизы позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, необходимо законодательно закрепить понятие экспертизы в связи с регулярным использованием данной категории в различных сферах правового инструментария;

во-вторых, специальные экономические знания применительно к экономической экспертизе следует определить как совокупность теоретических знаний, от-

носящихся к отрасли экономических знаний и профессионального опыта конкретных лиц в экономической сфере, выходящих за пределы правовых знаний, приобретенных ими в результате получения специального образования и накопления опыта работы в экономической сфере и в связи с этим позволяющих им разрешать некоторые вопросы, возникающие в ходе рассмотрения конкретного дела, которые не могут быть разрешены другими участниками процесса;

в-третьих, проведенный анализ определений и отличительных признаков экономической экспертизы позволил сформулировать следующее определение данной научно-правовой категории: экономическая экспертиза – вид экспертизы, требующей для проведения наличия у эксперта специальных экономических знаний в целях установления или опровержения относящихся к экономической сфере деятельности обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, и проводимой методами документального контроля в отношении представленных лицом, назначившим экспертизу, материалов;

в-четвертых, необходимо привести экономическую экспертизу к единой универсальной классификации, что облегчит на практике порядок назначения экономической экспертизы и исключит возникающие проблемные ситуации, связанные с несовершенством существующих классификаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звонарева Е.В., Лантух Э.В. Проблемные аспекты методики проведения экономических экспертиз по уголовным делам в сфере налогообложения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 142–144.
2. Стрыгина И.Е. Судебно-экономические экспертизы в правоохранительной практике // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 70–75.
3. Макарова О.Н., Волкова Т.В. Роль экономической экспертизы в системе экономической безопасности страны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 113–123.
4. Климович Л.П., Мельниченко Л.В. Назначение и производство судебных экономических экспертиз в гражданском судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 25–29.
5. Зырянова Т.В., Полухина А.Л. Бухгалтерская экспертиза как вид экономических экспертиз // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 48. С. 25–33.

ECONOMIC EXPERTISE AS THE GUARANTOR OF THE RIGHTS OF SUBJECTS OF CIVIL LEGAL RELATIONS

© 2015

E.I. Budnikova, expert

Department of Federal comity by control to turnover of narcotic drugs and psychotropic substances in Samara region, Togliatti (Russia)

Annotation: Article focuses on the relevance of forensic-economic expertise, as well as problems encountered with its production and assignment.

Keywords: objectives of economic expertise, types of economic expertise, expert techniques, the appointment of a forensic-economic expertise.

УДК 34

СУЩНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ «ИПОТЕЧНОЙ АМНИСТИИ»

© 2015

Е.Л. Винник, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена анализу изменений, названных в юридическом сообществе «ипотечной амнистией», которые были внесены в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и вступили в законную силу в марте 2012 года, а также противоречивой практике их применения.

Ключевые слова: договор ипотеки, недвижимость, обращение взыскания, долг, торги, ипотечная амнистия.

Федеральный закон от 06.12.2011 № 405-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка обращения взыскания на заложенное имущество» дополняет статью 61 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» пунктом 5: «Если залогодержатель в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, оставляет за собой предмет ипотеки, которым является принадлежащее залогодателю жилое помещение, а стоимости жилого помещения недостаточно для полного удовлетворения требований залогодержателя, задолженность по обеспеченному ипотекой обязательству считается погашенной и обеспеченное ипотекой обязательство прекращается. Задолженность по обеспеченному ипотекой обязательству считается погашенной, если размер обеспеченного ипотекой обязательства меньше или равен стоимости заложенного имущества, определенной на момент возникновения ипотеки».

Исходя из смысла статей 2, 3 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» представляется, что под задолженностью по обеспеченному ипотекой обязательству понимаются все требования по кредитному договору (основной долг, проценты, пени, судебные издержки и пр.) вне зависимости от сумм, взысканных по решению суда. Указанная задолженность определяется на момент оставления имущества за собой взыскателем [1].

Смысл данных изменений сводится к тому, что сейчас заемщик может передать объект залога на баланс банку, и с этого момента времени его обязательства перед банком будут считаться исполненными в полном объеме.

Раньше же ситуация обстояла таким образом, что если средства, вырученные от продажи заложенного имущества, не покрывали весь долг заемщика, то за последним оставалась обязанность выплатить оставшуюся часть неудовлетворенных требований банка.

Порядок, согласно которому можно воспользоваться «ипотечной амнистией», прописан в ст. 59.1, п. 1.1. ст. 9 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Из данных положений следует, что на баланс банка заложенное имущество может быть передано двумя путями: в добровольном порядке или же через судебную систему. Также из данных статей следует, что возможность передачи заложенного имущества на баланс банка должна быть предусмотрена в самом договоре об ипотеке. В случае если в договоре об ипотеке данных пунктов нет, то их можно предусмотреть в дополнительном соглашении [2].

Сам процесс передачи заложенного имущества банку, который включает в себя собрание пакета документов, определяется и формируется самим конкретным банком. Как минимуму заемщику необходимо обратиться в банк с письменным заявлением о том, чтобы снять с себя задолженность путем применения положений об «ипотечной амнистии».

Как правило, банк понимает, что последующая

реализация квартиры и полученная с этого сумма будет значительно меньше задолженности заемщика. Для банка «ипотечная амнистия» – это последний шаг, к которому он захочет прибегнуть, в связи с тем, что квартира, переданная на баланс банку, ему не нужна, т. к. это непрофильный актив и его дальнейшая реализация является непрофильной работой, которая также влечет дополнительные расходы со стороны банка, вызванные продажей данной квартиры.

Поэтому сегодня существует риск, что банк, для того чтобы не допускать прямого перехода объекта в свою собственность, т. е. не дожидаться предложения забрать объект от судебного пристава, пойдет на то, чтобы через контролируруемую им фирму или физическое лицо выходить на вторые торги в качестве их участника и выкупать объект по цене этих торгов. Тогда, если «вырученная» сумма не покрывает сумму долга, действует старый порядок. То есть банк имеет право остаток истребовать к взысканию [3].

Под вопросом оказывается судьба тех должников, кто попал в «долговую яму» до 7 марта 2012 года.

По правилам ст. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом. По отношениям, возникшим до введения в действие акта гражданского законодательства, он применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие.

В качестве яркого примера данной позиции можно привести мотивировку следующего судебного решения:

«...Принимая во внимание, что Федеральный закон № 405-ФЗ не содержит указание на возможность применения предусмотренных им правил к ранее возникшим отношениям, кредитный договор между КИТ Финанс Инвестиционный банк (ОАО) и Д. заключен 23 ноября 2007 года, заочное решение суда об обращении взыскания на заложенное имущество вступило в законную силу 20 июля 2009 года, предмет ипотеки по указанному кредитному договору оставлен банком за собой до вступления в силу Федерального закона № 405-ФЗ, несостоятельны доводы жалобы о возможности применения положений п. 5 ст. 61 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в ред. Федерального закона от 06.12.2011 № 405-ФЗ к отношениям, возникшим из договора, заключенного 23 ноября 2007 года.

При заключении договора 23 ноября 2007 года положения о том, что залогодержатель вправе оставить заложенное имущество за собой при обращении взыскания на предмет ипотеки как во внесудебном порядке, так и по решению суда, в результате чего обязательство Д. по обеспеченному ипотекой обязательству считалось бы погашенным, сторонами предусмотрено не было...» [4].

Однако существует судебная практика, в которой суд отходит от этого правила и применяет

«ипотечную амнистию» в отношении договоров, заключенных до вступления в законную силу данных поправок к Федеральному закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)», мотивируя свое решение тем, что:

«...В силу правового регулирования, установленного частью 1 статьи 54 Конституции Российской Федерации, закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Указанная статья содержит требования, обязательные для всех отраслей права. Поэтому в тех случаях, когда соответствующий закон в необходимых случаях не регламентирует вопрос о времени его действия или отклоняется от требований конституционной нормы, она действует непосредственно.

В данной связи, суд правильно применил к спорным правоотношениям положение пункта 5 статьи 61 Федерального закона от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в редакции статьи 6 Федерального закона от 06.12.2011 г. № 405-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка обращения взыскания на заложенное имущество», предусматривающее улучшение правового статуса должника...» [5].

Приведем еще один пример из судебной практики, на основании которого суд применил «ипотечную амнистию» исходя из момента реализации предмета залога, а не момента заключения договора:

«...Суд первой инстанции обоснованно отклонил довод ответчика о том, что действие п. 5 ст. 61 ФЗ «Об ипотеке» не может быть распространено на правоотношения сторон, поскольку правоотношения сторон возникли до внесения изменений в статью 61 ФЗ «Об ипотеке», поскольку передача заложенной квартиры взыскателю осуществлялась после внесения изменений в ФЗ «Об ипотеке».

Редакция ст. 61 ФЗ «Об ипотеке» была изменена Федеральным законом от 06.12.2011 г. № 405-ФЗ, вступившим в силу 07.03.2012 г., реализация квартиры с торгов осуществлялась 24 апреля 2012 г. и 25 мая 2012 г., решение об оставлении квартиры залогодержателем за

собой принято 26 июня 2012 г., т. е. в период действия статьи 61 ФЗ «Об ипотеке» в новой редакции. Таким образом, суд первой инстанции обоснованно применил к рассматриваемым правоотношениям п. 5 ст. 61 выше-названного Федерального закона.

Довод ответчика о том, что истец не представил документов о переходе права собственности на квартиру к ответчику, обоснованно отклонен судом, поскольку закон не связывает момент погашения задолженности с моментом оформления перехода права собственности...» [6].

Как видим, на настоящий момент практика применения положений «ипотечной амнистии» только начинает складываться. С учетом увеличения объема просрочек по ипотечным кредитам можно утверждать, что в дальнейшем нормы ст. 61 ФЗ «Об ипотеке» будут широко востребованы, что, в свою очередь, повлечет увеличение количества судебных споров, связанных с применением данной нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киргизова Т. «Обнуление» долга. URL: zakon.ru/Discussions/obnulenie_dolga/2296. (Дата обращения: 05.02.2015).
2. Ипотечная амнистия. URL: youtube.com/watch?v=tjB3LBeKzcs. (Дата обращения: 15.02.2015).
3. Вылегжанин В.Н. Ипотечная амнистия // Квартирный ряд. 2012. № 11 (22 марта).
4. Омский областной суд. Апелляционное определение от 25.07.2012 по делу № 33-4518/12. URL: docs.cntd.ru/document/472634462. (Дата обращения: 18.02.2015).
5. Саратовский областной суд. Апелляционное определение от 26.08.2014 по делу № 33-4452. URL: obsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=397844&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=348647. (Дата обращения: 18.02.2015).
6. Московский городской суд. Определение судебной коллегии по гражданским делам от 10.04.2013 по делу № 11-9597/2013. URL: docs.cntd.ru/document/777208137. (Дата обращения: 20.02.2015).

THE ESSENCE AND CONTRADICTION OF THE PROCEDURE «MORTGAGE AMNESTY»

© 2015

E.L. Vinnik, undergraduate of the Department «Civil Law and Procedure»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article analyzes the changes in the legal community called «mortgage amnesty» that were made to the Federal Law «On Mortgage (mortgage)» and entered into force in March 2012, as well as the controversial practice of their application.

Keywords: mortgage contract, real-estate, foreclosure, debt trading, mortgage amnesty.

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОБРОВОЛЬНОГО И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

© 2015

Е.А. Зудова, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена анализу изменения Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и практике их применения. Рассмотрены внесенные в законодательство поправки, касающиеся автогражданской ответственности, порядка подачи документов в страховую компанию, изменения базовых тарифов обязательного страхования.

Ключевые слова: обязательное страхование, транспортное средство, порядок выплат, дорожно-транспортное происшествие.

Транспортное страхование – страховая отрасль, включающая в себя совокупность способов защиты от опасностей, возникающих на всех видах путей сообщения [1, с. 41].

Автомобиль – это источник повышенной опасности. Оградить участников дорожного движения от всех опасностей на дорогах не в состоянии ни конструкторы, ни заводы-изготовители, ни сотрудники ГИБДД: даже

самый аккуратный водитель может пострадать от действий других водителей или пешеходов либо сам невольно стать виновником аварии.

Ситуация на дорогах нашей страны с каждым годом усложняется, с ростом количества автомобилей увеличивается и число ДТП.

Автострахование – это надежный способ защиты владельцев автотранспортных средств от множества неприятностей и финансовых потерь, в том числе и при дорожно-транспортном происшествии.

Поскольку каждый российский водитель должен в обязательном порядке страховать автогражданскую ответственность, полис ДСАГО понадобится только тем, кто считает недостаточной сумму компенсации, гарантированную законодательством. При нынешней стоимости автомобилей, их ремонта, не говоря уже о расценках на медицинские услуги, обязательной «автогражданки» может не хватить на ликвидацию последствий крупной аварии, особенно если виновник должен оплачивать ремонт сразу нескольких машин. Тогда придется добавлять недостающую сумму из своего кармана. А по статистике, каждое пятое ДТП приводит к ущербу, превышающему лимит ответственности ОСАГО. Лимит ответственности по ОСАГО ограничен, страховка покрывает убытков не более чем на 400 тыс. рублей. На возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью одного человека, предназначается максимум 160 тыс. рублей, на оплату расходов по восстановлению поврежденного имущества и того меньше – не более 120 тыс. рублей.

ДАГО – это добровольное страхование ответственности автовладельцев при наличии вреда третьим лицам свыше лимита ответственности по ОСАГО. Если размер причиненного ущерба превышает лимит ответственности по ОСАГО, то по полису ДАГО страховая компания обязуется возместить ущерб пострадавшей стороне, и виновнику не придется расходовать собственные средства.

ДАГО называют расширением для ОСАГО (обязательной страховки), а также ДСАГО или АГО. Оформляя полис ДАГО, лицо защищает прежде всего свой карман, так как в случае если при управлении автомобилем по вине застрахованного по ДАГО пострадает дорогое имущество третьих лиц, то возмещением такого ущерба займется страховая компания.

Лимит страховых выплат по ДАГО выбирается клиентом. В большинстве случаев страховые суммы составляют 300 тыс. руб., 600 тыс. руб., 1 млн руб. и т. д.

Полис ДАГО с расширением до 1-го миллиона – а это в 2,5 раза больше лимита по ОСАГО – стоит от 1500 до 2500 рублей и в некоторых случаях включает в себя возможность воспользоваться эвакуатором и вызвать на место ДТП аварийного комиссара, который общается с ГИБДД и оформляет нужные документы.

Страховым событием является возникновение в период действия договора страхования обязанности лица, риск ответственности которого за причинение вреда застрахован, возместить вред, причиненный по его вине, жизни, здоровью или имуществу третьих лиц вследствие дорожно-транспортного происшествия, произошедшего на территории страхования.

Срок действия полиса ДАГО равен сроку действия полиса ОСАГО. Даже в том случае если полис приобретен позднее страховки ОСАГО, в договоре, скорее всего, будет прописано, что срок окончания ДАГО аналогичен сроку окончания полиса обязательного страхования.

Во всех страховых компаниях в полисе ДАГО присутствует безусловная франшиза (часть денег, не подлежащая возмещению) в размере полиса обязательного страхования, т. е. полис ДАГО начинает действовать только после полиса ОСАГО.

В среднем цена полиса каско на новую машину равна примерно 3–11 % от ее стоимости. Так, по данным Центрального банка РФ, по договорам с физическими лицами в 2014 г. автовладельцы платили за доброволь-

ное автострахование примерно по 40 тыс. рублей (средняя стоимость полиса в стране).

Рассмотрим на примере. Виновник ДТП – владелец ВАЗ 2109, пострадавший автомобиль – Honda Civic, которому требуется ремонт на сумму 350 тыс. рублей. 120 тыс. рублей будет выплачиваться по полису ОСАГО, а 230 тыс. рублей (недостающая сумма) – по полису ДАГО, если таковой имеется. В случае если полиса ДАГО на расширение лимита ответственности нет, ущерб в размере 230 тыс. рублей будет выплачиваться пострадавшей стороне из собственных средств виновника ДТП, а это всегда неприятная процедура.

Правовая регламентация вопросов обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО), Федеральным законом от 01.07.2011 № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Постановлением Правительства Российской Федерации от 07.05.2003 № 263 «Об утверждении Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств», Постановлением Правительства Российской Федерации от 08.12.2005 № 739 «Об утверждении страховых тарифов по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, их структуры и порядка применения страховщиками при определении страховой премии», Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.04.2003 № 238 «Об организации независимой технической экспертизы транспортных средств».

Стоимость договора страхования (страховая премия) зависит от базовой ставки страхового тарифа, территории преимущественного использования, мощности двигателя автомобиля, возраста, стажа водителя, периода использования транспортного средства и других параметров и рассчитывается как произведение базовой ставки и коэффициентов страховых тарифов в соответствии с Указанием Банка России № 3384-У от 19.09.2014 г. «О предельных размерах базовых ставок страховых тарифов и коэффициентах страховых тарифов, требованиях к структуре страховых тарифов, а также порядке их применения страховщиками при определении страховой премии по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Указанием Банка России № 3384-У от 19.09.2014 г. установлен так называемый «тарифный коридор», т. е. минимальные и максимальные значения базовых ставок страховых тарифов, выраженные в рублях.

Без договора страхования владелец транспортного средства не может поставить автомобиль на учет, т. е. осуществить в отношении него регистрационные действия, а также эксплуатировать автомобиль. В этом случае владельцу транспортного средства грозит штраф, а также запрет эксплуатации транспортного средства со снятием номерных знаков [2].

Только компании – члены Российского Союза Автостраховщиков (РСА) имеют право заключать договоры страхования. Компания «АльфаСтрахование» является одним из членов – учредителей РСА, уполномоченных на реализацию программы ОСАГО (Лицензия С № 2239 77 от 13.12.2006 г.), и официальным представителем РСА при осуществлении компенсационных выплат потерпевшим. Генеральный директор компании «АльфаСтрахование» является членом Президиума РСА и членом Правления РСА.

По договору страхования страховщик возместит ущерб, нанесенный участникам ДТП, в случае вины владельца транспортного средства.

С учетом закона об ОСАГО размер страховой выплаты при причинении вреда жизни и здоровью составляет не более 160 тыс. рублей на каждого потерпевшего. При этом в случае причинения вреда жизни размер страховой выплаты составляет:

- 135 тыс. рублей – на лиц, имеющих в соответствии с гражданским законодательством право на возмещение вреда в случае смерти потерпевшего (кормильца);
- не более 25 тыс. рублей – на возмещение расходов на погребение лицам, понесшим эти расходы.

По договорам страхования, заключенным после 1 октября 2014 г., размер страховой выплаты при причинении вреда имуществу каждого потерпевшего составляет не более 400 тыс. рублей.

По договорам страхования, заключенным до 1 октября 2014 г., размер страховой выплаты при причинении вреда имуществу нескольких потерпевших составляет не более 160 тыс. рублей, при причинении вреда имуществу одного потерпевшего – не более 120 тыс. рублей.

Количество страховых случаев не ограничено: страховщик ответит по обязательствам перед пострадавшими за каждую аварию.

Стоимость договора страхования во всех страховых компаниях одинакова и зависит от базового страхового тарифа, территории преимущественного использования, мощности двигателя автомобиля, возраста, стажа водителя, периода использования транспортного средства и других параметров (страховые тарифы в соответствии с ФЗ РФ № 40 «Об обязательном страховании гражданской ответственности») утверждаются постановлением Правительства РФ [3].

Для заключения договора страхования необходимо иметь следующие документы:

- документ, удостоверяющий личность (если страхователь является физическим лицом);
- свидетельство о государственной регистрации юридического лица (если страхователь является юридическим лицом);
- документ о регистрации транспортного средства (паспорт автомобиля, свидетельство о регистрации автомобиля, технический паспорт, технический талон или аналогичный документ);
- водительское удостоверение лица, допущенного к управлению транспортным средством (если договор страхования будет предусматривать допуск к управлению транспортным средством определенных лиц);
- диагностическую карту, или талон технического осмотра, или талон государственного технического осмотра (в тех случаях, когда транспортное средство подлежит техническому осмотру, порядок и периодичность прохождения техосмотра определяется положением, вступившим в силу с 01.01.2012 г. ФЗ РФ № 170 «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») [4].

Прямое возмещение убытков – это процедура, при которой потерпевший обращается за выплатой в свою страховую компанию, т. е. в компанию, в которой его гражданская ответственность застрахована по договору об обязательном страховании.

В соответствии с Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности» потерпевший обращается за возмещением причиненного ему имуществу вреда к страховщику, который застраховал его гражданскую ответственность, в случае наличия одновременно следующих обстоятельств:

- а) если в результате ДТП вред причинен только транспортным средством, указанным в подпункте «б»;
- б) если ДТП произошло в результате столкновения двух транспортных средств, гражданская ответственность владельцев которых застрахована по ОСАГО.

Упрощенное оформление документов по ДТП – это процедура оформления документов без участия сотруд-

ников ГИБДД. Оформление ДТП без участия сотрудников ГИБДД возможно только при одновременном выполнении следующих условий:

- а) если в результате ДТП вред причинен только транспортным средствам, указанным в подпункте «б»;
- б) ДТП произошло в результате столкновения двух транспортных средств, гражданская ответственность владельцев которых застрахована по ОСАГО;
- в) если у участников ДТП отсутствуют разногласия по его обстоятельствам, характеру и перечню поврежденных транспортных средств и обстоятельствам ДТП, характер и перечень повреждений транспортных средств зафиксированы в извещении о ДТП, бланк которого заполнен водителями причастными к ДТП транспортных средств в соответствии с правилами ОСАГО;
- г) если сумма ущерба не превышает 50 тыс. рублей.

В каждом регионе формируются свои тарифы в зависимости от общих принципов риск-менеджмента и локальных трендов.

Страховая группа «Уралсиб» исследовала, насколько подорожали полисы ОСАГО в разных городах России. За год стоимость страховки сильнее всего выросла в Краснодаре, меньше всего – в Санкт-Петербурге, средний рост – 41 %.

Специалисты «Уралсиба» проанализировали, как изменились тарифы ОСАГО на популярные отечественные и иностранные марки машин для водителей трех групп: 20-летние водители без стажа, 35-летние со стажем 15 лет, 55-летние с опытом вождения 30 лет. Исследовались данные десяти крупнейших по объему сборов ОСАГО страховых компаний в 19 крупных городах Центрального, Северо-Западного, Южного, Приволжского, Сибирского и Уральского федеральных округов. В исследовании приведены данные по росту тарифа каско за год (февраль 2014 – январь 2015 года) [5].

Сильнее всего тариф ОСАГО вырос в Краснодаре, причем для всех категорий водителей: цена в среднем увеличилась на 76 %. В Санкт-Петербурге каско подорожало меньше всего – на 28%.

Полис для иномарок дорожал во всех городах быстрее, чем для отечественных автомобилей. А из всех исследуемых категорий водителей наибольшие темпы роста тарифа увидели молодые и неопытные водители: в среднем по городам ОСАГО подорожало на 40 % для российских авто и на 58 % для иномарок.

Молодым водителям больше всего повезло в Санкт-Петербурге и Москве: в этих городах тариф ОСАГО вырос за год на 23–27 %. Однако это касается только владельцев российских автомобилей, для молодых обладателей иномарок полис ОСАГО меньше всего подорожал в Самаре – на 40 % [6].

Таким образом, в качестве вывода отметим, что страховка машины сегодня необходима, ведь именно она защищает автомобилиста от непредвиденных расходов, связанных с различными рисками, которые могут наступить при пользовании транспортным средством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сплегухов Ю.А., Дюжиков Е.Ф. Страхование. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2014. 357 с.
2. РФ. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств : федеральный закон № 40-ФЗ от 25.04.2002 // Консультант Плюс: справочно-правовая система.
3. Страхование / Ю.Т. Ахведиани [и др.]. 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 511 с.
4. Блау С.Л., Романова Ю.А. Страхование внешнеэкономической деятельности. М.: Дашков и К, 2014. 176 с.
5. Шихов А.К. Страхование: организация, экономика, правовые аспекты. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2015. 368 с.
6. Веселовский М.Я. Страховой сервис. М.: ИНФРА-М, 2014. 288 с.

ACTUAL PROBLEMS OF VOLUNTARY AND OBLIGATORY INSURANCE OF VEHICLE OWNERS' CIVIL LIABILITY

© 2015

E.A. Zudova, undergraduate of the Department «Civil Law and Procedure»
Togliatti State University, Tolyatti (Russia)

Annotation: Article is devoted to the analysis of change of the Federal law of 25.04.2002 No. 40-FZ «About obligatory insurance of a civil liability of owners of vehicles» and practice of their application. In article the made amendments to the legislation concerning a motor vehicle liability, an order of submission of documents in insurance company, changes of basic tariffs of obligatory insurance are considered.

Keywords: obligatory insurance, vehicle, order of payments, road accident.

УДК 341

КОНСУЛЬСКИЕ ФУНКЦИИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

© 2015

И.С. Искевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Международное право»
А.С. Белов, магистрант

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов (Россия)

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества как одной из главных задач консульских учреждений, которые выступают посредником, призванным налаживать и развивать международные контакты между российскими и иностранными партнерами по бизнесу.

Ключевые слова: консульские функции, внешняя и внутренняя политика, внешнеэкономические связи, международное сотрудничество, физические и юридические лица.

В современных условиях внешняя политика Российской Федерации во многом строится с учетом ее экономических приоритетов и интересов. Реализация государственной политики в этой сфере возложена на МИД России и подведомственные ему загранучреждения. Осуществление международного сотрудничества на рубеже последних лет выведено в разряд ключевых задач консульских учреждений, которые выступают своеобразным посредником, призванным налаживать и развивать международные контакты между российскими деловыми кругами и иностранными партнерами по бизнесу.

Установлению прочных торгово-экономических связей Российской Федерации с иностранными государствами в переломные 90-е годы во многом препятствовало отсутствие опыта у представителей российского бизнес-сообщества в заключении внешнеторговых сделок. Незнание условий местного рынка, требований действующего законодательства, не обладая достаточной информацией об иностранных партнерах, невозможно успешно вести внешнеэкономическую деятельность. Вот почему функциональные обязанности консульских должностных лиц трансформировались в область защиты национальных деловых кругов и их интересов за рубежом.

Помогая выстраивать отношения с зарубежными партнерами, сотрудники консульских учреждений детально изучают нормы хозяйственного и предпринимательского права страны пребывания, обычаи делового оборота, вопросы налогообложения физических и юридических лиц, анализируют экономическую обстановку во вверенном им консульском округе, а также отслеживают информацию о репутационной составляющей иностранных коммерческих организаций. Особое внимание уделяется процедурным основам разрешения экономических споров.

Задача консула в пределах своих полномочий – определить потенциальные возможности для сбыта российских товаров на территории подведомственного ему консульского округа, установить основных конкурентов, своевременно реагировать на возникающие благоприятные возможности для продвижения российских товаров на зарубежные рынки,

популяризировать отечественные товары и услуги. Собранные данные оперативно и систематически направляются в диппредставительства, а также в МИД России [1].

Опираясь на полученные от загранучреждений данные, Консульский департамент МИД России может по запросу российских юридических лиц предоставить информационно-справочный материал о способах, маршрутах и формах получения товаров, работ, услуг, инвестиций, капиталов и технологий из любой точки мира в Россию. Одновременно Департаментом осуществляется прием и направление в консульские учреждения за рубежом коммерческих предложений и запросов от российских юридических лиц [1].

В целях реализации внешней политики в области торгово-экономических отношений консульские учреждения на постоянной основе должны поддерживать контакты не только с государственными структурами, но и с представителями местных деловых кругов, объединениями предпринимателей. Организация всевозможных мероприятий, способствующих развитию внешней торговли, является эффективным инструментом, направленным на формирование спроса на российские товары и услуги. К таким мероприятиям можно отнести проведение торговых выставок, торгово-экономических форумов и пр.

Комплексное содействие в подготовке и организации мероприятий, проводимых во вверенном консулу консульском округе, поддержка в визовом обеспечении российских участников, привлечение внимания местных деловых кругов – все это составляет сферу деятельности консульских должностных лиц.

Важнейшее значение имеет и работа консульского учреждения с масс-медиа, формирование положительного имиджа Российской Федерации с точки зрения привлекательности инвестиций, информирование об экономической обстановке в России, принятых мерах, направленных на улучшение инвестиционного климата, существующей финансовой, налоговой, таможенной политике, имеющей отношение к установлению торгово-экономических связей.

Таким образом, деятельность консульских учреждений в области развития внешнеэкономических связей включает в себя как информационно-

аналитическую работу, организационно-посредническое обеспечение, так и собственно консульско-правовую защиту торгово-экономических интересов Российской Федерации.

Вместе с тем вышеперечисленные консульские действия исключают прямое участие консула в осуществлении внешней торговли. Консулы не вмешиваются в договоренности, касающиеся экономического сотрудничества и выполнения заключенных контрактов. Деятельность консульских учреждений осуществляется строго в рамках их компетенции и заключается лишь в содействии развитию международных экономических отношений.

В последние годы достигнуты определенные успехи в продвижении проектов в области машиностроения и высоких технологий, поддержке интересов российских компаний, участвующих в тендерах на освоение месторождений полезных ископаемых, сооружение нефте- и газопроводов, объектов электроэнергетики. При содействии внешнеполитического ведомства отстаиваются интересы отечественных компаний на мировых рынках [1].

На основе сообщений своих загранпредставительств МИД России регулярно направляет своим деловым кругам актуальную информацию о тендерах по перспективным проектам, а также выставочно-ярмарочных мероприятиях за рубежом [1].

Деятельность консула в торгово-экономической сфере имеет политический характер, благодаря чему ее нельзя сравнивать с деятельностью торгового агента. Торговый агент действует в интересах конкретной коммерческой фирмы, а консул – в интересах всего бизнес-сообщества.

Стратегическая задача консула – изучение конъюнктуры рынка, организация и стимулирование внешней торговли представляемого государства с государством пребывания.

Многолетняя практика работы консульских учреждений показывает, что чем активнее физические и юридические лица участвуют в международном торгово-экономическом обороте, тем больше они нуждаются в услугах консульских учреждений. Зачастую эффективность работы консульских учреждений оценивается по состоянию торгово-экономических связей с иностранными государствами.

Функции консульских учреждений в области осуществления и развития деловых связей российских юридических лиц достаточно разнообразны и выражаются в конкретных консульских действиях, в первую очередь, по оказанию информационных услуг заинтересованным лицам.

С учетом полномочий консульских учреждений по оказанию содействия в развитии торговых, экономических, культурных и научных связей между Российской Федерацией и государством пребывания, дружественных отношений между ними, представители российского бизнеса обращаются в консульские учреждения за разъяснениями и консультациями о нормах действующего законодательства страны пребывания, о порядке заключения внешнеторговых сделок, надежности той или иной фирмы.

Консульские должностные лица выясняют всеми законными путями условия и события в торговой, экономической, культурной и научной жизни государства пребывания и вносят предложения по развитию отношений Российской Федерации с государством пребывания.

На основе полученных сведений консульские учреждения формируют банки данных по законодательству государства пребывания и фирмам государства пребывания, заинтересованным в сотрудничестве с российскими партнерами. В связи с этим они вправе оказывать на платной основе

информационно-консультационное содействие, не запрещенное законодательством государства пребывания.

Информационно-консультационное содействие как форму оказания содействия на договорной основе российским и иностранным юридическим лицам не следует путать с оказанием государственной услуги на безвозмездной основе. Услуги, оказываемые на договорной основе, в частности, включают в себя предоставление информации:

- об иностранном юридическом лице (почтовые, банковские реквизиты, имена руководителей, основные виды деятельности, деловая репутация и т. п.);

- о налоговом, банковском, таможенном и ином законодательстве иностранных государств;

- о порядке регистрации, открытия филиалов и представительств иностранных фирм, а также других необходимых сведений;

- о потенциальных рынках сбыта отечественных товаров и услуг на территории других государств.

Кроме того, консульские учреждения могут оказать содействие в поисках квалифицированного юриста, адвоката, нотариуса за рубежом.

Одновременно в консульском округе распространяется официальная информация о внешней и внутренней политике Российской Федерации, ее социально-экономической, культурной и духовной жизни. Особое значение придается информации, предназначенной для потенциальных инвесторов: об экономических достижениях России, наиболее конкурентоспособных товарах и отраслях производства.

Задача консульства – найти все возможные и наиболее оптимальные пути участия России в экономике страны пребывания.

Консульские должностные лица, как уже было сказано выше, поддерживают и развивают контакты с компетентными органами в пределах консульского округа, а также с общественными объединениями, представителями деловых, научных и культурных кругов, средствами массовой информации.

Вместе с тем, так как преследуются цели по защите экономических интересов физических и юридических лиц Российской Федерации, перечень услуг, оказываемых консульскими учреждениями в рамках информационно-консультационного содействия, должен быть существенно расширен. Это касается не только поиска и проверки потенциальных партнеров для сбыта национальных товаров на зарубежные рынки, но и установления контактов с предприятиями и компаниями, где заняты преимущественно выходцы из России, персоналии которых, как правило, хорошо известны сотрудникам консульских учреждений.

Ключевая задача внешнеполитического ведомства – добиться адекватного учета российских интересов при выработке в ходе крупнейших международных форумов коллективной позиции по наиболее актуальным аспектам функционирования международной экономики, включая укрепление энергетической и продовольственной безопасности, совершенствование режима торгового и транспортного сотрудничества, создание условий для диверсификации российского присутствия на мировых рынках за счет расширения номенклатуры экспорта и географии внешнеэкономических и инвестиционных связей России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт МИД России. URL: www.mid.ru.

CONSULAR FUNCTIONS AIMED AT ENSURING THE ECONOMIC INTERESTS OF
INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES

© 2015

I.S. Iskevich, Ph.D. in Law, assistant professor of the Department «International Law»
A.S. Belov, postgraduate student
Tambov State Technical University, Tambov (Russia)

Annotation: This article discusses the issues of international cooperation, as one of the main tasks of consular offices, which mediates designed to establish and develop international contacts between Russian and foreign business partners.

Keywords: consular functions, foreign and domestic policy, foreign economic relations, international cooperation, natural and legal persons.

УДК 341

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И
ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ ПУТЕМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОБСТВЕННО КОНСУЛЬСКИХ ФУНКЦИЙ

© 2015

И.С. Искевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Международное право»
А.С. Белов, магистрант
Тамбовский государственный технический университет, Тамбов (Россия)

Аннотация: Статья посвящена вопросам классификации консульских функций и форм их осуществления. Особое внимание уделено полномочиям консульских учреждений по защите прав и интересов Российской Федерации, граждан Российской Федерации и российских юридических лиц в государстве пребывания.

Ключевые слова: функции консульских учреждений, соотечественники, государство, Консульский устав, МИД России, законодательство.

На протяжении многих лет ключевые задачи всех консульских учреждений без исключения оставались неизменными и заключались, прежде всего, в защите интересов соотечественников представляемого государства за рубежом. При этом функции консульских учреждений из года в год расширялись и совершенствовались с учетом новых требований времени. В Российской Федерации развитие консульско-правовых отношений и, как следствие, консульских функций обусловлено резким увеличением количества граждан, посещающих иностранные государства в различных целях, их переездом на постоянное место жительства за рубеж, а также налаживанием внешнеэкономических связей. Обеспечение равенства прав соотечественников с гражданами тех стран, в которых они проживают, – первоочередная и наиболее сложная задача консульских учреждений.

Консульским уставом Российской Федерации 2010 года к основным задачам консульской деятельности отнесены защита прав и интересов Российской Федерации, принятие мер к тому, чтобы граждане Российской Федерации и российские юридические лица пользовались за пределами родного государства правами, гарантированными им Конституцией Российской Федерации, общепризнанными нормами и принципами международного права, международными соглашениями, законодательством Российской Федерации и принимающего государства [1].

Как видно из анализа последовательности изложения в тексте Устава приоритетов консульской деятельности, на первом месте стоит защита прав и интересов государства, и лишь потом – граждан и юридических лиц. В научной литературе существует точка зрения, что объекты защиты должны быть изложены в обратной последовательности. Так, в диссертационном исследовании еще на стадии разработки положений Консульского устава 2010 года Н.В. Пустоваловой высказывались предположения о том, что в новом Консульском уставе приоритет будет отдан все-таки защите прав граждан и юридических лиц, а через них – прав и интересов Российской Федерации. По мнению Н.В. Пустоваловой, вынесение в качестве приоритета защиты прав и интересов государства является пережитком Советского Союза, и ключевой задачей консульских учреждений Российской Федерации

должны все же являться защита и содействие интересам российских граждан [2, с. 62]. Тем не менее норма, определяющая задачи консульских учреждений и закрепленная еще в Консульском уставе СССР 1976 года, была сохранена в Консульском уставе 2010 года практически в неизменном виде [3, ст. 1].

В современных условиях к основным задачам российских консульских учреждений отнесены и принципиально новые задачи, такие как упрощение порядка выдачи виз или полный отказ от визового режима, противодействие нелегальной миграции, реализация государственной программы по переселению соотечественников в Россию, участие в проведении избирательных кампаний, обеспечение сохранности советских воинских захоронений.

По данным Консульского департамента МИД России на сегодняшний день действует более 90 соглашений о режиме взаимных поездок граждан, продолжают заключаться консульские конвенции с различными государствами, направленные на облегчение режима выезда граждан России за рубеж [4].

Таким образом, объем консульских функций зависит от конкретной страны, в которой консульское учреждение осуществляет свою деятельность, основывается на заключенных между государствами двусторонних консульских соглашениях и применяется в совокупности с нормами внутреннего законодательства представляемого государства и государства пребывания.

В Консульском уставе используется понятие «консульские действия», под которыми подразумеваются принимаемые консульским должностным лицом меры по выполнению консульских функций. Иначе говоря, для решения всех вопросов, связанных с деятельностью консульского учреждения, консульское должностное лицо вправе обращаться в органы власти государства пребывания. При этом действия (бездействие) должностного лица консульского учреждения могут быть обжалованы заинтересованным лицом главе консульского учреждения, главе диппредставительства в государстве пребывания или в МИД России, а также в судебном порядке.

Классифицируя консульские функции, их можно разделить на функции, аналогичные или близкие к функциям дипломатических представительств, и собственно

консульские функции.

К первой группе относятся:

- функции по защите прав и интересов граждан и юридических лиц;
- торгово-экономические, культурные и научные функции.

Ко второй группе относятся:

- функции по вопросам гражданства, оформления визы, паспортов;
- функции по консульскому учету граждан Российской Федерации, установлению опеки и попечительства;
- функции в сфере нотариата;
- функции по вопросам оказания правовой помощи и легализации документов;
- функции в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния;
- функции в отношении судов, воздушных судов, военных кораблей.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» деятельность по реализации функций органа власти, осуществляемая по запросам заявителей в пределах установленных законодательством полномочий органов, является государственной услугой [5].

Анализ перечисленных функций показал, что большинство из них реализуется посредством оказания государственных услуг.

С учетом формирования электронного Правительства, создания сервисного государства, развития системы электронного документооборота в органах государственной власти, в последние годы большинство предоставляемых государственных услуг уже переведено в электронный вид. Все эти усилия направлены на обеспечение качества и доступности государственных услуг.

Следует отметить, что в настоящее время через единый портал государственных услуг в электронном виде государственные услуги консульскими учреждениями не представляются, за исключением одной, связанной с оформлением приглашений и принятием решений о выдаче виз иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Вместе с тем, согласно данным диссертационного исследования О.М. Торшиной, в ближайшей перспективе МИД России и подведомственные ему загранучреждения также будут являться полноценными участниками электронного документооборота, в связи с чем разрабатывается электронная визовая анкета, модули действующих автоматизированных систем, с помощью которых российские граждане смогут вставать на консульский учет в российских загранучреждениях, подавать заявки на получение загранпаспортов, получать иные государственные услуги, используя современные веб-технологии [6].

Полномочия по защите прав и интересов Российской Федерации, граждан Российской Федерации и российских юридических лиц в государстве пребывания являются основным предназначением консульских учреждений. Право на консульскую защиту граждан за рубежом является правом каждого государства и вытекает из принципа государственного суверенитета. Консульским уставом Российской Федерации предусмотрены консульские действия в отношении граждан Российской Федерации, находящихся под арестом, заключенных в тюрьму, взятых под стражу, задержанных или пропавших без вести. Они заключаются в фиксировании факта наступления указанных событий и принятии мер для встречи с гражданином Российской Федерации, обеспечении его надлежащей юридической помощью, содействию в пределах, допускаемых международными нормами и законодательством государства пребывания, передаче адресованных гражданину Российской Федерации корреспонденции и посылки.

К обязанностям консульского должностного лица относится обращение с запросом к официальным властям государства пребывания по делам, касающимся граждан представляемого государства.

При личной встрече с гражданином Российской Федерации, находящимся под арестом, заключенным в тюрьму, взятым под стражу или задержанным, консульское должностное лицо должно убедиться, что в отношении него соблюдаются общепринятые положения международного законодательства и законодательства государства пребывания, обеспечивающие его право на защиту и объективный ход расследования обстоятельств дела. В противном случае сотрудник консульства принимает в пределах своих полномочий меры по восстановлению его прав, о чем информирует МИД России. Сроки посещения, как правило, строго оговорены в двусторонних консульских конвенциях. Если гражданин возражает против принятия таких мер, консульское должностное лицо воздерживается от принятия любых мер от его имени.

Таким образом, защита прав и интересов граждан составляет не только существо всего комплекса консульской деятельности, но и вместе с тем конкретную специфическую функцию консульских учреждений.

Одной из главных проблем, находящихся в поле повышенного внимания консульских учреждений, является ситуация, связанная с установленным Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» требованием об обязательном согласии родителя-иностранца на оформление гражданства Российской Федерации ребенка, проживающему за рубежом и являющемуся иностранным гражданином или лицом без гражданства, у которого второй из родителей имеет гражданство Российской Федерации.

В случае конфликта в семье требование о наличии вышеуказанного согласия зачастую становится непреодолимым препятствием для оформления российского гражданства такому ребенку.

При этом отсутствие у ребенка российского гражданства приводит к невозможности защиты его интересов со стороны России (в том числе посредством оказания дипломатической и консульской поддержки), а также существенно затрудняет реализацию родителем-соотечественником хотя бы минимального объема родительских прав, гарантируемых законодательством Российской Федерации.

Ситуация усугубляется тем, что у ребенка, постоянно проживающего за рубежом, являющегося гражданином иностранного государства, один из родителей которого – гражданин России, подлинная устойчивая связь имеется прежде всего с государством постоянного проживания. Соответственно, родитель-иностранец оказывается в более выигрышном положении с точки зрения реализации своих родительских прав, поскольку в его распоряжении имеется весь комплекс правоприменительных механизмов, предусмотренных законодательством иностранного государства.

В этой связи МИД России еще в 2012 году был разработан и вынесен на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации законопроект, облегчающий оформление гражданства Российской Федерации детям, родившимся в смешанных браках и проживающих за рубежом, путем отмены согласия родителя – гражданина иностранного государства на прием в российское гражданство ребенка по заявлению родителя – гражданина Российской Федерации [4].

По мнению разработчиков законопроекта, такое равенство в правовом положении родителя-иностранца и родителя – гражданина России противоречит статье 61 Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляющей за обоими родителями равные права и обязанности в отношении своих детей (принцип равноправия родителей, как известно, распространяется не только на вну-

трисемейную сферу, но и на прочие области общественных отношений, в том числе касающиеся гражданства). Законопроект был призван уравнивать обоих родителей в правах, гарантируемых статьей 61 Семейного кодекса Российской Федерации.

Возможность принятия в российское гражданство ребенка посредством одностороннего волеизъявления родителя-соотечественника без согласия родителя-иностранца не противоречит существующим международно-правовым подходам к проблематике гражданства детей. Так, в статье 7 Конвенции ООН о правах ребенка предусмотрено обязательство государства – участника Конвенции предоставлять детям гражданство в соответствии с его законодательством. При этом требование о согласии обоих родителей на предоставление ребенку гражданства того или иного государства в Конвенции не содержится.

Вопрос об отмене требования о получении согласия родителя-иностранца настойчиво ставится организациями и частными лицами из числа соотечественников, проживающих за рубежом.

Таким образом, внесение предлагаемой поправки способствовало бы созданию дополнительного механизма защиты интересов российских граждан, проживающих за рубежом, а также подкрепило бы усилия Российской Федерации по налаживанию и развитию более тесных связей с зарубежными соотечественниками [7].

Однако внесенный законопроект был отклонен Советом Федерации с предложением создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий. До настоящего времени законопроект не принят.

Появляются такие новые консульские функции, как оказание материальной помощи лицам, оказавшимся за пределами Российской Федерации без средств к существованию, обеспечение сохранности российских воинских и гражданских захоронений, установление и развитие связей с соотечественниками, содействие реализации Государственной программы переселения соотечественников в Россию. На современном этапе сотрудники консульств принимают участие в проведении избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы и Президента Российской

Федерации. Впрочем, некоторые консульские функции, наоборот, сокращаются, в частности, сократился перечень нотариальных действий, которые могут совершать консульские должностные лица, поскольку часть из них утратила социальное значение в нынешних условиях.

Оценивая деятельность консульских учреждений, можно сделать вывод об их многофункциональности. По мере расширения и углубления международного общения, консульская служба усложняла свои задачи. Однако среди многообразия консульских функций всегда выделялись две основные – обеспечение прав и интересов российских граждан за границей, а также развитие и укрепление торгово-экономических связей России с иностранными государствами [8, с. 160].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РФ. Консульский устав Российской Федерации : федеральный закон № 154-ФЗ от 05.07.2010 // Консультант Плюс: справочно-правовая система.
2. Пустовалова Н.В. Международно-правовые и национально-правовые аспекты консульской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 168 с.
3. СССР. Верховный Совет. Президиум. Консульский устав Союза Советских Социалистических Республик : утв. указом № 4146-IX от 25.06.1976.
4. Официальный сайт Консульского департамента МИД России. URL: kdmid.ru.
5. РФ. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федеральный закон № 210-ФЗ от 27.07.2010 // Российская газета. 2010. 30 июля.
6. Торшина О.М. Консульские отношения России и консульское право : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 173 с.
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». URL: asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=61423-6&02.
8. Сафронова Е.В. Эволюция функций консульских учреждений Российской империи в XVIII–начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2007. № 9. С. 148–161.

BASIC TASKS OF CONSULAR ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION AND THEIR REALIZATION BY REALIZATION ACTUALLY CONSULAR TO FUNCTION

© 2015

I.S. Iskevich, Ph.D. in Law, assistant professor of the Department «International Law»

A.S. Belov, postgraduate student

Tambov State Technical University, Tambov (Russia)

Annotation: The article is devoted to classification of consular functions and forms of their implementation. Special attention is paid to the consular authority of institutions that protect the rights and interests of the Russian Federation, Russian citizens and Russian legal entities in the host state.

Keywords: the functions of consular offices, compatriots, the state, Consular Statute, Russian foreign Ministry, the law.

УДК 34

ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

© 2015

И.С. Искевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Международное право»

Е.А. Сучкова, магистрант

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов (Россия)

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются ключевые вопросы процесса реализации норм международного права. Анализируются основные Законы различных государств, коллизии норм международного и внутригосударственного права, рассматривается процесс обеспечения выполнения государством норм международного права в национальном праве.

Ключевые слова: конституция, международное право, международно-правовая норма, международный договор, национальное законодательство, внутригосударственное право.

В юридической практике очень часто возникает необходимость реализации норм международного права в национальном праве. В разных странах по-разному решают вопросы реализации норм международного права в национальной правовой системе. Так, в Бельгии, Голландии, Франции, США, Швейцарии, России национальное законодательство объявляет международные договоры частью права страны. По конституции этих стран международные договоры могут действовать внутри страны, в сфере действия национального права. А Конституция Российской Федерации устанавливает, что «общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [1].

Само провозглашение международных договоров верховным правом страны – отнюдь не гарантия ненарушения международных договоров. Необходим юридический механизм исполнения международных договоров в национальном законодательстве.

Согласно Уставу ООН государства приняли на себя обязательство «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права» (преамбула) [2]. Статья 27 Венской конвенции о праве международных договоров гласит: «Участник соглашения не может ссылаться на положение своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Наличие самих норм национального законодательства, нарушающих международные обязательства, несет существенную угрозу нарушения мирового правопорядка» [3]. Так называемые коллизии норм международного и внутригосударственного права часто возникают не из-за недобросовестного исполнения международных договоров, а подчас из-за «технической» несогласованности предписаний национальных законов и норм международного права. Встречающиеся на практике случаи коллизий норм международного и национального права создают трудности для реализации этих норм субъектами права. Здесь еще раз хочется отметить, что в национальном праве при коллизии норм действует принцип *lex posterior derogat priori* («позднее изданный закон отменяет ранее изданный»).

Несмотря на то что участником международного договора является государство в целом, а не его отдельные органы, от действий последних во многом зависит точное выполнение его обязательства по международным договорам. «Поэтому, – отмечает А.Н. Талалаев, – очень важно обеспечить правильную координацию деятельности различных государственных органов не только по заключению международных договоров, но и особенно по их исполнению. Отсутствие должной координации, согласованности действий государственных органов в процессе исполнения международных договоров может вести к несвоевременному или ненадлежащему выполнению обязательств по международным договорам» [4, с. 4].

Существует определенный порядок разрешения коллизий, предусмотренный современным международным правом. Одним из практических способов предупреждения коллизий в правоприменительной практике государств является закрепление конституционного принципа приоритета международного права, согласно которому при расхождении норм национального права с международными договорами действуют нормы международного права. Г.И. Тункин пишет: «В случае несоответствия между нормами внутригосударственного права и нормами международного права (коллизии между ними) государства должны выполнять свои международные обязательства, причем ссылки на внутреннее

законодательство не могут освободить государство от выполнения этих обязательств» [5, с. 11].

Надо сказать, что общее правило действия при коллизии норм международного права, даже конституционно закрепленное, в большинстве случаев само по себе не решает проблемы, так как введение «посторонней» нормы в сложившуюся в стране систему норм и институтов права нередко влечет за собой рассогласование норм той или иной отрасли национального законодательства. Чтобы этого не случилось, необходимо тщательное обновление целых групп юридических норм, а то и совершенствование целых отраслей права. Современное российское законодательство как раз и придерживается такого подхода. Например, гражданское законодательство Российской Федерации (ст. 7 ГК РФ) закрепляет: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора» [6]. Такие нормы содержатся в новом уголовном, трудовом, административном праве и других отраслях законодательства.

Одним из условий применения международных договоров внутри страны является их опубликование в официальных изданиях данного государства. В конституциях некоторых стран прямо говорится о необходимости опубликования международного договора в официальном издании данного государства для того, чтобы положения договора могли применяться внутри страны (например, ст. 55 Конституции Франции).

Официальное опубликование является необходимым условием действия внутри страны норм международных соглашений.

В юридической литературе высказываются разные мнения по поводу проблемы обеспечения выполнения государством норм международного права в национальном праве. Одни авторы отмечают, что необходимо принять специальный нормативный акт, регламентирующий внешний государственный деятельности, и установить формы юридической ответственности субъектов внутреннего права за непринятие мер по обеспечению исполнения международных обязательств. Разработка и принятие такого нормативного акта, интегрирующего правовые основы внешнегосударственной деятельности, сыграли бы позитивную роль в повышении эффективности правового регулирования этой сферы общественных отношений. «Обеспечение действия международного договора на территории государства составляет важный элемент действительности договора, обеспечения неукоснительного соблюдения принципа *pacta sunt servanda*», – отмечают И.П. Блищенко и М.М. Солнцева [7, с. 95].

Реализация – это воплощение норм международного права в поведении, деятельности государств и других субъектов, это практическое осуществление нормативных предписаний. В официальных документах ООН, в различных изданиях получил распространение термин «имплементация» (англ. «implementation») – осуществление, проведение в жизнь. Можно выделить следующие формы реализации [8, с. 87].

Соблюдение. В такой форме реализуются нормы-запреты. Субъекты воздерживаются от совершения действий, которые запрещены нормами международного права. Например, при соблюдении Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. одни государства (ядерные) не передают кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием; а другие (неядерные) государства не производят и не приобретают ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. В таких ситуациях пассивность субъектов свидетельствует о том, что нормы права реализуются.

Исполнение предполагает активную деятельность субъектов по осуществлению норм. Исполнение характерно для норм, предусматривающих конкретные обя-

занности, сопряженные с определенными действиями. В таком виде сформулированы, например, нормы Пактов о правах человека 1966 г. Статья 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, в частности, гласит: «Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте...» [9].

В случае использования имеется в виду осуществление предоставленных возможностей, содержащихся в нормах международного права. Решения об использовании нормативных положений принимаются субъектами самостоятельно. В данной форме реализуются так называемые управомочивающие нормы [10, с. 335]. В отличие от первых двух случаев здесь нет жесткого предписания конкретного поведения (действия либо воздержания от него). Так, в ст. 90 Конвенции ООН по морскому праву сказано: «Каждое государство независимо от того, является ли оно прибрежным или не имеющим выхода к морю, имеет право на то, чтобы суда под его флагом плавали в открытом море» [11].

Поскольку норма международного права существует и действует в системе норм, постольку реализация всегда предполагает осуществление определенной совокупности норм, взаимосвязанных по предмету регулирования и по общим целям – норм договора (или иного акта), института, отрасли и права в целом.

Реализация представляет собой процесс, когда соответствующие субъекты, которым адресована норма, действуют в согласии с ее положениями.

Нередко требуются дополнительные правовые и (или) организационные меры со стороны государств для своевременного, всестороннего и полного осуществления норм международного права. Тогда процесс реализации может включать два вида деятельности:

1) правовое и организационное обеспечение реализации: правообеспечительное нормотворчество, контроль, правоприменение. Результатом такой деятельности являются правовые акты – либо нормативные, либо индивидуального регулирования (применения);

2) непосредственная фактическая деятельность по достижению социально значимых результатов (например, перемещение ракет, пусковых установок, оборудования из районов развертывания и их ликвидация в соответствии с Договором между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности 1987 г.) В результате такой деятельности субъекты достигают определенного состояния, сохранения, упразднения предмета или явления.

В данном случае реализация одних норм (правообеспечительных) – необходимое условие реализации других (регулятивных).

Таков процесс реализации норм международного права независимо от того, в какой сфере общественных

отношений он происходит – внутригосударственной или межгосударственной [12, с. 542].

Реализация норм международного права основывается, прежде всего, на таких принципах, как суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела, мирное урегулирование споров, сотрудничество государств. Особое значение для процесса реализации норм имеет принцип добросовестного выполнения международных обязательств (*pacta sunt servanda*). Принцип распространяет свое действие на все нормы, независимо от функций, назначения, формы выражения. Каждое государство обязано добросовестно осуществлять свою деятельность, что предполагает возможность максимально-го приближения и в конечном счете достижения результата, на который рассчитывали создатели норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята 12.12.1993 (в редакции от 01.03.2014) // Собрание законодательства РФ. № 31. Ст. 4398.
2. Устав Организации Объединённых Наций: подписан 26 июня 1945 года в Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединённых Наций по созданию Международной Организации и вступил в силу 24 октября 1945 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.
3. Венская конвенция «О праве международных договоров» от 23.05.1969 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
4. Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция РФ // Журнал международного права. 1994. № 4. С. 5.
5. Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956. 48 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : фед. закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Российская газета. 1994. 8 декабря.
7. Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М.: Междунар. отношения, 1991. 156 с.
8. Шахмаметьев А.А. Международное налоговое право. М.: Статут, 2012. 140 с.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Библиотечка Российской газеты. 1999. № 22–23.
10. Глебов И.Н. Международное право. М.: Дрофа, 2006. 368 с.
11. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. URL: un.org/ru/law/lawsea/convention.shtml.
12. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. М.: Юрайт, 2011. 752 с.

IMPLEMENTATION PROCESS INTERNATIONAL LEGAL NORMS

© 2015

I.S. Iskevich, Ph.D. in Law, assistant professor of the Department «International Law»

E.A. Suchkova, postgraduate student

Tambov State Technical University, Tambov (Russia)

Annotation: This article examines the key issues the implementation of international law. Analyzes the basic laws of different states, conflict of norms of international and domestic law enforcement deals with the process the state of international law in domestic law.

Keywords: constitution, international law, international law, international treaty, national legislation, national law.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© 2015

И.П. Калашникова, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
А.Н. Федорова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье дается характеристика нормативно-правовых актов, которые регулируют вопросы защиты прав несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: государственная семейная политика, Всеобщая декларация прав человека, Хартия прав ребенка, Конвенция «О правах ребенка».

Государственная семейная политика является составной частью социальной политики Российской Федерации и представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение и повышение качества жизни семьи. По мнению Н.С. Шерстневой, цель государственной семейной политики заключается в обеспечении государством необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышении качества жизни [1, с. 74]. Среди принципов, в соответствии с которыми регулируются семейные отношения, законодатель в п. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ [2] называет приоритет семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Каждое общество должно придавать первостепенное значение потребностям и благополучию семьи и всех ее членов. Поскольку семья является его основной ячейкой, ответственной за первичную подготовку детей к жизни в обществе, государству, общественным учреждениям следует прилагать усилия для сохранения целостности семьи. Общество обязано оказывать семье помощь в обеспечении ухода за детьми и их защиты и в укреплении их физического и психического здоровья. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), принятые 14 декабря 1990 г. [3], устанавливают в п. 13, что правительствам следует вырабатывать политику, способствующую воспитанию детей в условиях стабильной и благополучной семьи. Семьям, нуждающимся в помощи для преодоления внутренней нестабильности или конфликтных ситуаций, должны предоставляться необходимые услуги.

В подтверждение того, что семья представляет собой важный социальный институт в государстве, Конституция РФ провозгласила в ст. 38: «Материнство, детство, семья находятся под защитой государства». В соответствии с этим конституционным принципом выстраивается государственная политика в отношении семьи, и прежде всего несовершеннолетних. Таким образом, государственная семейная политика является частью государственной социальной политики.

Российские ученые правовой основой социальной политики РФ в отношении несовершеннолетних прежде всего называют Конвенцию ООН «О правах ребенка» 1989 г. [4]. Далее следует ст. 38 Конституции РФ и два Федеральных закона – Закон от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5] и Закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних» [6].

Однако указанный перечень представляется неполным. Также вопросам защиты прав несовершеннолетних посвящены Пекинские правила 1985 г. [7] и Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г. Важнейшим международно-правовым актом в указанной сфере явля-

ется Декларация прав ребенка [8], которая была принята 30 годами раньше Конвенции ООН «О правах ребенка».

В преамбуле Декларации, провозглашенной Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., значится, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и защите, включая надлежащую правовую защиту, а человечество обязано давать лучшее, что оно имеет. Эта Декларация была провозглашена с целью обеспечить детям счастливое детство и пользование правами и свободами. С этого момента 20 ноября считается Днем прав ребенка.

Предшественницей Декларации прав ребенка являлась Хартия прав ребенка, которая 24 сентября 1924 г. была принята Генеральной Ассамблеей Лиги Наций и стала известной как Женевская декларация прав ребенка. Ее историческое значение состоит в том, что она стала первым международно-правовым актом по охране прав и интересов детей. Хартия подчеркивала, что забота о детях и их защита более не являются исключительной обязанностью семьи и даже отдельного государства. Все человечество должно заботиться о защите детства. Именно Хартией впервые было сформулировано четыре принципа, положенных в основу международно-правовой защиты детей:

1) ребенку должна предоставляться возможность нормального развития (материального и духовного). Голодный ребенок должен быть накормлен, больному ребенку должен быть предоставлен уход, порочные дети должны быть исправлены, сиротам и беспризорным детям должно быть дано укрытие и все необходимое для их существования;

2) ребенок должен быть первым, кто получит помощь при бедствии;

3) ребенку должна быть предоставлена возможность зарабатывать средства на существование, но он должен быть огражден от всех форм эксплуатации;

4) ребенок должен воспитываться с сознанием того, что его лучшие качества будут использованы на благо следующего поколения [9, с. 16].

Эти важные для мирового сообщества принципы находят свое выражение и в современных национальных законодательствах. Так, например, реализуя эти принципы, российский законодатель закрепил в Семейном кодексе РФ среди основных начал семейного законодательства принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних (п. 3 ст. 1). Правовой институт осуществления и защиты семейных прав содержит норму права – п. 1 ст. 8 СК, предусматривающую, что защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, государственными органами, в т. ч. органами опеки и попечительства. На защиту прав несовершеннолетних детей направлена и норма права – ст. 21, предусматривающая в п. 1, что при наличии у разводящихся супругов несовершеннолетних детей расторжение брака производится в судебном порядке [10, с. 34]. Далее, в интересах де-

тей российским законодательством предусматривается, что разводящиеся супруги, решая жизненно важные для несовершеннолетних детей вопросы, вправе заключить следующие семейно-правовые договоры о детях:

а) соглашение о том, с кем из них будут проживать несовершеннолетние дети;

б) алиментный договор – соглашение супругов о порядке выплаты средств на содержание детей.

В дальнейшем механизм защиты несовершеннолетних детей работает следующим образом: п. 1 ст. 23 СК устанавливает право супругов представить на рассмотрение суда соглашение о детях (этим понятием охватываются два названных нами семейно-правовых договора). При отсутствии такого соглашения либо в случае если соглашение нарушает интересы детей, суд принимает меры к защите их прав, он обязан в соответствии с п. 2 ст. 24 СК определить:

а) с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода;

б) с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на содержание детей.

Таким образом, делает правильный вывод Е.А. Чефранова, суд обязан решить вопросы воспитания и содержания детей независимо от наличия спора и предъявления соответствующих требований [11, с. 32].

Установленная российским законодательством обязанность суда направлена, прежде всего, на защиту прав несовершеннолетних в семейно-правовой сфере. Это тот редкий случай, когда суду предоставлено право выйти за пределы исковых требований. Мировой судья, установив, что у супругов имеются общие несовершеннолетние дети, ни в коем случае не должен ограничиваться вынесением решения о расторжении брака между супругами, оставив без внимания вопросы о месте проживания и содержания ребенка. Мировой судья должен выявить наличие и содержание соглашений, достигнутых родителями по этим вопросам. Только убедившись в отсутствии спора и достижении соглашения, обеспечивающего соблюдение прав ребенка, мировой судья вправе вынести решение о расторжении брака. «Таков подлинный смысл закона, направленного на защиту интересов ребенка как наиболее слабого, уязвимого участника семейных правоотношений», – не без оснований считают С.Ю. Чашкова и Е.А. Чефранова [12, с. 47].

Следует отметить, что Женевская декларация прав ребенка 1924 г. в связи с распадом Лиги Наций в 1946 г. потеряла свою юридическую силу, но, несмотря на это, она сыграла свою важную историческую роль в формировании правовых основ защиты несовершеннолетних.

Впоследствии в 1948 г. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека [13], в которой было провозглашено, что все дети имеют право на особое попечение и помощь. Данный принцип – это развитие принципов Хартии прав ребенка. Это же можно отметить в отношении правовых положений Декларации прав ребенка. Несмотря на важность, гуманность принципов, провозглашенных Хартией прав ребенка 1924 г. и Декларацией прав ребенка 1959 г., несмотря на оказанное значительное влияние на социальную политику государств во всем мире, указанные международные акты носили только рекомендательный характер. В дальнейшем защита прав ребенка, его право на защиту семьей, защиту его в случае распада семьи нашли свое закрепление в первом международном обязывающем правовом акте в области прав человека – Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, принятом в 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН [14].

Многие исследователи считают, что особенность положения ребенка происходит из его незащитности. С этим трудно не согласиться. «В период перехода к рыночной экономике, сопровождающийся расслоением нашего российского общества на два социально-противоположных класса – богатых и бедных, не может

не обращать на себя внимания падение социально-нравственных устоев современной семьи, когда даже родители детей из благополучных семей, стремясь обеспечить естественные потребности членов семьи, уделяют все меньше времени воспитанию и обучению детей и подростков, недостаточно следят за состоянием их здоровья», – отмечает Е.М. Никитина [10, с. 21].

В этой связи следует обратить внимание на принцип 2 Декларации прав ребенка 1959 г., который гласит: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства. При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка». Важность и значение данного положения трудно переоценить. Значение Декларации прав ребенка 1959 г. как раз и состоит в том, что в ней впервые был закреплен принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Спустя три десятилетия Конвенция «О правах ребенка» 1989 г. вновь подчеркивает, что дети имеют право на особую заботу и помощь. В преамбуле к Конвенции указывается, что семья как основная ячейка общества является естественной средой для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, ей должны быть предоставлены необходимая защита и содействие с тем, чтобы семья могла полностью возложить на себя обязанности по воспитанию детей, тем самым исключив из жизни ребенка правонарушения [15, с. 34]. На уровне российского национального законодательства государственный интерес в регулировании семейных отношений выражен в ст. 7 Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства и детства.

В строении правовой основы социальной политики государства в отношении несовершеннолетних большое значение имеют Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г., и необходимо отметить, что они главное внимание уделили порядку применения ранних превентивных и защитных мер к несовершеннолетним. Они направлены на развитие совместными усилиями позитивной роли различных социальных учреждений, включая семью, систему образования, средства массовой информации и общину, а также самих молодых людей. Нам представляется значимым, что Эр-Риядские руководящие принципы подчеркнули, что залогом предупреждения правонарушений несовершеннолетних является обеспечение благополучия, развития прав и интересов всех молодых людей.

В российском обществе, как отмечает В.И. Абрамов, постепенно формируется адекватное отношение к проблемам прав детей, намечается ответственная государственная политика, это значит, что наступил поворот национального самосознания к проблемам прав ребенка [16, с. 84]. Автор делает оптимистический прогноз и заключает, что этот процесс не просто начался, а приобретает благоприятный характер.

Подтверждением признания государством значимости проблемы детей и семьи является разработка в России Национального плана действий в интересах детей [17]. Так, в качестве базовой ценности для Основных положений Концепции разработки и реализации в России Национального плана действий в интересах детей признается ребенок как субъект, которому предстоит жить, обеспечивая в будущем жизнедеятельность, продолжение человеческого рода и общественное развитие, а также его семья как основной и ключевой институт общества, обеспечивающий его рождение, воспитание, жизнедеятельность и развитие [18, с. 54].

Государственно-правовая политика в отношении несовершеннолетних должна совершенствоваться в

соответствии с принципами: гуманизма и социальной справедливости; комплексного подхода; приоритетного значения профилактической работы; дифференцированного воздействия и альтернативного наказания несовершеннолетних правонарушителей. В правовой литературе гуманизм называют основной чертой философии ювенальной юстиции, а в числе основных принципов ювенальной юстиции также прежде всего указывают на гуманизм и индивидуализацию.

Человеческая цивилизация еще в начале XX в. признала, что наиболее благоприятной атмосферой для выживания, защиты прав и развития ребенка является его родная биологическая семья. Но нередко случается, что именно в семье происходят события, которые нарушают права ребенка. Это может быть как физическое, так и психическое, а также духовно-интеллектуальное насилие. Государство призвано защищать детей от произвола семьи, жестокого обращения с ними. С этой целью в Уголовном кодексе РФ введена ст. 156. Ответственность по ней наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей, за жестокое обращение с детьми.

Однако Н.Н. Тарусина отмечает, что «свойства (особенности) регулятивного и охранительного семейного правоотношения, социальная ценность субъективного семейного права или интереса предопределять (или, по крайней мере, должны предопределять) гражданско-процессуальную форму рассмотрения и разрешения семейно-правового конфликта» [19, с. 28].

Важной гарантией защиты прав детей, предусмотренной семейным законодательством, является положение о том, что по общему правилу на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется (ст. 9 СК). Исключения составляют лишь случаи, указанные законодателем в специальных нормах СК. Согласно п. 2 ст. 107 СК алименты присуждаются с момента обращения в суд, но они могут быть взысканы судом за прошедший период в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд, если судом будет установлено, что до обращения в суд принимались меры к получению средств на содержание, но алименты не были получены вследствие уклонения лица, обязанного уплачивать алименты, от их уплаты. Это не следует считать сроком исковой давности, т. к. на алиментные обязательства исковая давность не распространяется. Напротив, п. 7 ст. 38 СК устанавливает трехлетний срок исковой давности по требованиям о разделе имущества супругов при расторжении брака.

Из названных категорий гражданских дел, вытекающих из семейных правоотношений, по двум: определение порядка общения с ребенком и определение места жительства ребенка – возможна договорная форма рассмотрения и разрешения семейно-правового конфликта. Так, российский законодатель, расширяя диспозитивные начала в семейном законодательстве, предоставляет участникам семейного права заключать различные семейно-правовые договоры. Например, п. 1 ст. 66 СК – право на общение с ребенком родителя, проживающего отдельно от него. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию. В соответствии с п. 2 ст. 66 СК родители вправе заключить в письменной форме соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка.

Второй семейно-правовой договор – об определении места жительства. Такой договор – соглашение – родители, на наш взгляд, могут заключить не только при расторжении брака, как это указано законодателем в п. 1 ст. 24 СК, но и в период брака, когда по каким-либо причинам им приходится проживать раздельно. В таком случае супругам необходимо решать вопрос об определении места жительства их ребенка. Требованиями

к супругам проживать совместно действующее законодательство не устанавливает. Кроме того, п. 1 ст. 27 Конституции РФ устанавливает: «Каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства». Брак не приводит к снижению их конституционных прав. В семейном законодательстве также в ст. 31 СК, предусматривающей равенство супругов в семье, устанавливается свобода каждого из супругов в выборе мест проживания и жительства. Считая возможным заключение договора об определении места жительства ребенка, в том числе и в период брака супругов, мы исходим из реальной необходимости такого договорного регулирования семейных отношений в изменившихся социально-экономических условиях российского общества и из принципа «что не запрещено, то разрешено». Главное, чтобы родители при заключении такого договора прежде всего исходили из интересов ребенка.

Примечательно, что наметилась тенденция к росту количества дел, связанных с защитой прав несовершеннолетних. В 2010 г. было рассмотрено уже в 2,5 раза дел больше по сравнению с предыдущим годом. С одной стороны, можно говорить о росте нарушений прав несовершеннолетних, но с другой – отмечается увеличение активности законных представителей, органов опеки и попечительства, которые стали предъявлять больше исков в защиту прав детей. Не следует сбрасывать со счетов и улучшающееся правовое просвещение субъектов семейного права, усилия государственных, общественных учреждений, направленных на защиту прав детей.

Судебный порядок защиты прав ребенка может быть охарактеризован такими положительными чертами, как открытость и состязательность процесса, обязанности привлекать к рассмотрению дела несовершеннолетнего по достижении им 14 лет, широкий спектр вопросов, которые может разрешать суд при разрешении дел о семейных правах ребенка. Как считает Н.В. Кравчук, «основным недостатком судебного порядка защиты является отсутствие механизма обращения ребенка в суд и его участие в процессе в качестве инициатора судебного разбирательства, что дает возможность судьям отказывать несовершеннолетним истцам в праве на защиту в связи с их неполной дееспособностью» [20, с. 69].

Нам бы хотелось обратить внимание на такой аспект данной проблемы, как процессуальные правила разбирательства семейных дел. Роль процессуальных правил, содержащихся в СК, например в ст. 24 «Вопросы, разрешаемые судом при вынесении решения о расторжении брака», на наш взгляд, достаточно велика. Они призваны специализировать процессуальную форму защиты нарушенных субъективных прав или охраняемого законом интереса, сделать ее более эффективной с учетом специфики семейных правоотношений. В распаде семьи, потере жилья или другой тяжелой жизненной ситуации кроются прежде всего истоки противоправного поведения детей. И конечно же, меры, принятые в гражданском процессе ювенальным судом при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой прав несовершеннолетних, вполне способны создать условия, при которых тот же ребенок не окажется на скамье подсудимых в уголовном процессе.

Правовой нормой ч. 2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [21] установлено: «Обязательными являются обеспечение приоритета личного и социального благополучия ребенка, обеспечение специализации правоприменяемых процедур (действий) с его участием или в его интересах, учет особенностей возраста и социального положения ребенка». Именно эти требования призван выполнить ювенальный суд, потребность в котором назрела, и существование его лишь в рамках реализации пилотных проектов сегодня уже не может устроить современное российское общество.

Сегодня именно дети из асоциальных неблагополуч-

ных семей – это самый незащищенный слой населения России. Естественный, их юный возраст, малый жизненный опыт не позволяют им обеспечить себя самым необходимым – питанием, жильем, образованием. Очевидно, что такие дети в большей степени нуждаются в поддержке и помощи государства, всего общества в целом, и наш долг – их предоставить, поскольку чужих детей не бывает, а дети имеют право на особую защиту и помощь. Лишь усилия всего общества в целом по обеспечению гармоничного развития ребенка при уважении к его личности могут принести успех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шерстнева Н.С. Понятие, сущность и система принципов семейного права. М.: Юстицинформ, 2006. 375 с.

2. Семейный Кодекс Российской Федерации (от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

3. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы): приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/112 на 68-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

4. Конвенция ООН «О правах ребенка» 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

5. РФ. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

6. РФ. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

7. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: приняты 10.11.1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Консультант Плюс: справочно-правовая система.

8. Декларация прав ребенка: принята 20.11.1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.

9. Калинкина М.Ю. Международные документы в

интересах детей и молодежи: особенности правовой защиты (ретроспективный анализ с XIX в. по настоящее время) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3. С. 16–20.

10. Звенигородская Н.Ф. Законодательство о защите семейных прав детей: международный и национальный компоненты // Международное публичное и частное право. 2009. № 5. С. 14–20.

11. Чефранова Е.А. Судебный порядок расторжения брака // Российская юстиция. 1996. № 9. С. 35–36.

12. Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. Вопросы подсудности семейно-правовых споров // Современное право. 2003. № 11. С. 43–48.

13. Всеобщая декларация прав человека: принята 10.12.1948 Резолюцией 217(III) Генеральной Ассамблеи ООН // Российская газета. 1995. 5 апр.

14. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

15. Никитина Е.М. Актуальные проблемы охраны прав детства в современной России, пути решения этих проблем // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 2. С. 31–36.

16. Абрамов В.И. Правовая политика современного Российского государства в области защиты прав детей // Государство и право. 2004. № 8. С. 79–84.

17. РФ. Президент. Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей) : указ № 942 от 14.09.1995 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 38. Ст. 3669.

18. Хананашвили Н.Л. Основные положения Концепции разработки и реализации Национального плана действий в интересах детей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4. С. 50–56.

19. Тарусина Н.Н. Семейное право. М.: Проспект, 2001. 144 с.

20. Кравчук Н.В. Защита прав ребенка в судебном порядке // Государство и право. 2004. № 6. С. 66–73.

21. РФ. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

TO THE ISSUE OF LEGISLATIVE REGULATION OF PROTECTION OF MINORS

© 2015

I.O. Kalashnikova, graduate student of the Department «Civil Law and Procedure»

A.N. Fedorova, candidate of law science, Associate Professor, assistant professor of the Department «Civil Law and Procedure»

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: In the article, the normative legal acts regulating the issues of protection of rights of minor children.

Keywords: state family policy, the universal Declaration of human rights, Charter of the rights of the child, the Convention «On the rights of the child».

УДК 347.21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО УЧЕТА ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

© 2015

Н.В. Королева, сотрудник отдела

Управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Самарской области, Тольятти (Россия)

Аннотация: Статья посвящена проблемам, возникающим у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении специального учета прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ – регистрации операций, связанных с их оборотом.

Ключевые слова: прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, специальный учет прекурсоров, правила специального учета прекурсоров.

Понятие «прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ» появилось в российском законодательстве сравнительно недавно, и как объекты гражданских прав они являются вещами, ограниченными в обороте [1]. Ограничение их оборота установлено Федеральным законом РФ от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [2]. У юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность, связанную с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, часто возникают вопросы по ведению специального учета прекурсоров, иными словами – регистрации операций, связанных с их оборотом. Несмотря на разработанные и утвержденные Правительством Российской Федерации форму и правила [3] ведения журнала регистрации операций, связанных с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, должностными лицами и индивидуальными предпринимателями допускаются много ошибок при заполнении граф журнала регистрации операций, связанных с оборотом прекурсоров, что создает дополнительные сложности при осуществлении их специального учета и, как следствие, ведет к привлечению юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности за нарушение правил учета прекурсоров по статье 6.16 КоАП РФ. Отсутствие необходимого учета может повлечь возникновение недостачи прекурсоров и привлечение к уголовной и гражданско-правовой ответственности субъектов данных правоотношений [4].

Согласно статье 1 Федерального закона РФ от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ – вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Понятие оборота прекурсоров включает разработку, производство, переработку, хранение, перевозку, пересылку, отпуск, реализацию, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение прекурсоров, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ включены в Список I и Список IV Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, который утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [5]. Оборота прекурсоров, включенных в Список I, на территории Российской Федерации запрещен за исключением случаев их использования в научных и учебных целях, экспертной и оперативно-розыскной деятельности, а также уничтожения или переработки для получения других наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, оборот которых ограничен. Список IV Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров – это список прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации. Список IV включает три таблицы. Основная причина ограни-

чения оборотоспособности прекурсоров как объектов гражданских прав [6] связана с наличием достоверных сведений о фактах их использования [7] при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ.

Регистрация в специальных журналах любых операций с прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ (специальный учет прекурсоров) представляет собой одну из важных мер ограничения оборота [8] прекурсоров в Российской Федерации независимо от включения их в соответствующие списки и таблицы.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 09.06.2010 г. № 419 утверждены «Правила ведения и хранения специальных журналов регистрации операций, связанных с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ» [9]. Данные Правила устанавливают порядок ведения и хранения специальных журналов регистрации операций, при которых изменяется количество прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в Списки I и IV Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (далее – Перечень), по утвержденной форме.

При осуществлении видов деятельности, связанных с оборотом прекурсоров, любые операции, при которых изменяется количество прекурсоров (далее – операции), подлежат занесению в специальный журнал регистрации операций (далее – журнал).

Регистрация операций ведется по каждому наименованию прекурсора на отдельном развернутом листе журнала или в отдельном журнале.

Журналы должны быть сброшюрованы, пронумерованы, заверены подписью руководителя юридического лица или индивидуального предпринимателя и скреплены печатью юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Руководитель юридического лица или индивидуальный предприниматель назначает лиц, ответственных за ведение и хранение журналов.

Записи в журналах производятся лицом, ответственным за их ведение и хранение, шариковой ручкой (чернилами) в хронологическом порядке непосредственно после каждой операции (по каждому наименованию прекурсора) на основании документов, подтверждающих совершение операции: товарных накладных, требований-накладных, накладных на внутреннее перемещение материалов, лимитно-заборных карт, актов на списание материалов и др. При этом в графе 5 и графе 13 журнала указываются как наименование приходного либо расходного документа, так и его номер и дата. В графе 4 и графе 12 журнала указывается дата совершения операции (внесения записи).

Документы, подтверждающие совершение операции, или их копии, заверенные в установленном порядке, подшиваются в отдельную папку, которая хранится вместе с соответствующим журналом.

Образец заполнения журнала представлен ниже. (см. рис. 1).

В случае реализации юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю прекурсоров, внесенных в Таблицу I Списка IV Перечня, копия их лицензии на осуществление деятельности, связанной с оборотом прекурсоров, внесенных в Таблицу I Списка IV Перечня, подшивается в отдельную папку, которая хранится вместе с соответствующим журналом.

В случае реализации физическому лицу прекурсоров, внесенных в Таблицу II Списка IV Перечня, копия документа, удостоверяющего его личность, подшивается в отдельную папку, которая хранится вместе с соответствующим журналом.

Графа 8 «Приход – всего» и графа 16 «Расход: всего»

ООО «Химик»

(наименование юридического лица или фамилия,
 имя, отчество индивидуального предпринимателя)

ЖУРНАЛ
регистрации операций, при которых изменяется количество прекурсоров наркотических средств и психо-
тропных веществ

Прекурсор наркотического средства и психотропного вещества

Бензальдегид, килограммы

(наименование, единица измерения)

Месяц	Остаток на 1-е число	Номер операции по приходу	Приход						Всего приход с остатком	Номер операции по расходу	Расход						Остаток на конец месяца	Фактический остаток
			дата	наименование, номер и дата приходного документа	количество	фамилия, инициалы, подпись ответственного лица	всего	вид расхода			дата	наименование, номер и дата расходного документа, серия и номер документа, удостоверяющего личность физического лица	количество	фамилия, инициалы, подпись ответственного лица	всего			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
Январь	4	1	15.01.2015	товарная накладная № 5 от 14.01.2015	2	Иванова М.И. Подпись	2	-	1	лабораторные исследования	16.01.2015	требование-накладная № 7 от 15.01.2015	1	Иванова М.И. Подпись	1	-	-	
Февраль	-	2	20.01.2015	товарная накладная № 9 от 20.01.2015	3	Иванова М.И. Подпись	5	9	2	производственные расходы	23.01.2015	накладная на внутреннее перемещение № 10 от 23.01.2015	6	Иванова М.И. Подпись	7	2	2	
	2	-	-	-	-	-	-	-	3	лабораторные исследования	02.02.2014	требование-накладная № 8 от 01.02.2014	1	Иванова М.И. Подпись	1	1	1	

Рис. 1. Образец заполнения журнала регистрации операций, при которых изменяется количество прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ

журнала заполняются нарастающим итогом в течение календарного месяца путем суммирования показателей строк графы 6 «Приход – количество» и графы 14 «Расход – количество» соответственно. Допускается заполнение графы 8 и графы 16 журнала один раз в конце месяца.

Графа 9 журнала «Всего – приход с остатком» заполняется один раз в конце месяца при наличии прихода прекурсоров в течение месяца путем суммирования показателей графы 2 «Остаток на 1-е число месяца» и графы 8 «Приход – всего» на конец месяца.

При отпуске, реализации, приобретении или использовании следующих прекурсоров: диэтилового эфира (этилового эфира, серного эфира) в концентрации 45 процентов или более, перманганата калия в концентрации 45 процентов или более массой, не превышающей 10 килограммов, ацетона (2-пропанон) в концентрации 60 процентов или более, метилэтилкетона (2-бутанон) в концентрации 80 процентов или более, толуола в концентрации 70 процентов или более, серной кислоты в концентрации 45 процентов или более, соляной кислоты в концентрации 15 процентов или более или уксусной кислоты в концентрации 80 процентов или более массой, не превышающей 100 килограммов, а также смесей, содержащих только указанные вещества, и на случаи регистрации операций по использованию метилакрилата в концентрации 15 процентов или более массой, не превышающей 100 килограммов, запись в журнале о суммарном количестве отпущенных, реализованных, приобретенных или использованных указанных веществ производится ежемесячно, и документально подтверждение совершения каждой операции не требуется.

В журналах указываются как наименования прекурсоров в соответствии со Списками I и IV Перечня, так и иные их наименования, под которыми они получены юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем.

Нумерация записей в журналах по каждому наименованию прекурсора осуществляется в пределах календарного года в порядке возрастания номеров. Нумерация записей в новых журналах, заведенных в течение календарного года, начинается с номера, следующего за последним номером в заполненных журналах.

Не использованные в текущем календарном году страницы журналов прочеркиваются и не используются в следующем календарном году.

Запись в журналах каждой проведенной операции заверяется подписью лица, ответственного за их ведение и хранение, с указанием фамилии и инициалов (графа 7 и графа 15 журнала).

Остаток на конец месяца (графа 17 журнала) выводится расчетным путем и представляет собой разницу между показателями графы 9 «Всего – приход с остатком» (при наличии прихода прекурсоров в течение месяца) и графы 16 «Расход – всего» либо разницу между показателями графы 2 «Остаток на 1-е число» (при отсутствии прихода прекурсоров в течение месяца) и графы 16 «Расход – всего».

Запись в графу 18 «Фактический остаток» вносится после подсчета фактического количества имеющихся в наличии прекурсоров, находящихся в местах их хранения.

Показатели графы 17 и графы 18 журнала должны совпадать. Сопоставление данных показателей представляет собой сверку прекурсоров. При выявлении несоответствия вышеуказанных показателей необходимо установить причину недостачи или излишка прекурсоров с составлением соответствующих документов и внесением записи в журнал.

Исправления в журналах заверяются подписью лица, ответственного за их ведение и хранение. Подчистки, в том числе использование корректирующих жидкостей, и незаверенные исправления в журналах не допускают-

ся. Исправления осуществляются путем аккуратного зачеркивания неверного показателя и указания рядом нового правильного.

Журнал хранится в металлическом шкафу (сейфе), ключи от которого находятся у лица, ответственного за ведение и хранение журнала.

Заполненные журналы вместе с документами, подтверждающими осуществление операций, хранятся юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем в течение 10 лет после внесения в них последней записи [10]. По истечении указанного срока журналы подлежат уничтожению по акту, утверждаемому руководителем юридического лица или индивидуальным предпринимателем.

При реорганизации юридического лица журналы и документы, подтверждающие осуществление операций, передаются на хранение правопреемнику в соответствии с передаточным актом [11].

В случае ликвидации юридического лица журналы и документы, подтверждающие осуществление операций, передаются на хранение в государственный или муниципальный архив по месту нахождения юридического лица в соответствии с Федеральным законом от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [12] до истечения срока их временного хранения (10 лет после внесения в них последней записи), после чего подлежат уничтожению в установленном порядке.

В случае прекращения деятельности индивидуального предпринимателя журналы и документы, подтверждающие осуществление операций, передаются на хранение в государственный или муниципальный архив по месту осуществления деятельности индивидуального предпринимателя до истечения срока их временного хранения (10 лет после внесения в них последней записи), после чего подлежат уничтожению в установленном порядке.

В случаях нарушения правил учета прекурсоров юридические лица, индивидуальные предприниматели, а также должностные лица несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации [13], включая гражданско-правовую ответственность [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая, статья 129 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. РФ. О наркотических средствах и психотропных веществах : федеральный закон № 3-ФЗ от 08.01.1998 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
3. Маркин А.В. Факторы правовой рефлексии // Юридические исследования. 2013. № 3. С. 338–374.
4. Антология юридической ответственности. Т. 1 / Д.А. Липинский [и др.]. Самара: Ас Гард, 2012. 544 с.
5. РФ. Правительство. Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление № 681 от 30.06.1998 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.
6. Гражданское право. В 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2005. 776 с.
7. Маркин А.В. Методологическая ценность диалектики // Юридическое образование и наука. 2013. № 4. С. 5–7.
8. Васильев Г.С. Ограничение оборота вещей // Правоведение. 2006. № 1. С. 117–128.
9. РФ. Правительство. О порядке представления сведений о деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, и регистрации операций, связанных с их оборотом : постановление № 419 от 09.06.2010 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 25. Ст. 3178.
10. Правовое регулирование оборота прекурсоров в России / А.Ю. Абрамов [и др.] // Социальные аспекты

здоровья населения. 2013. № 5. С. 13.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая, статья 58 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

12. РФ. Об архивном деле в Российской Федерации : федеральный закон № 125-ФЗ от 22.10.2004 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 43. Ст. 4169.

13. Маркин А.В. Нормативная необходимость юриди-

ческой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 68–72.

14. Маркин. А.В. Ответственность и обязанность в структуре нормы права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 258–260.

ACTUAL PROBLEMS OF SPECIAL ACCOUNTING OF PRECURSORS OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

© 2015

N.V. Koroleva, employee

Department of the Federal service for control over circulation of narcotics in the Samara region, Togliatti (Russia)

Annotation: Article is devoted to the problems of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of the special accounting of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances – recording transactions related to their turnover.

Keywords: the precursors of narcotic drugs and psychotropic substances, special accounting of precursors, the rules of special accounting of precursors.

УДК 343.98.068

ДАННЫЕ О ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

© 2015

М.А. Лысякова, аспирант

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие криминалистической характеристики с выделением подходов к ее пониманию. Указывается на важность установления корреляционных связей между ее элементами, выраженных в количественных показателях, а также виктимологического поведения потерпевшего

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, личность потерпевшего, методика расследования преступлений, кражи с незаконным проникновением в жилище.

В юридической литературе учеными-криминалистами на протяжении десятков лет широко обсуждается понятие «криминалистическая характеристика преступлений». Впервые употребил этот термин в своих работах А.Н. Колесниченко, затем Л.А. Сергеев раскрыл его содержание. Впоследствии проблемам криминалистической характеристики преступлений уделяли внимание Белкин Р.С., Васильев А.Н., Возгрин И.А., Гавло В.К., Герасимов И.Ф., Коновалова В.Е., Образцов В.А., Салтевский М.В., Яблоков Н.П. и многие другие. Однако до сих пор единства взглядов относительно понятия, структуры и значения этой категории нет. Каждый из авторов приводит свое определение. Обобщив все многообразие работ посвященных этой проблеме, считаем необходимым выделить несколько подходов к пониманию криминалистической характеристики преступлений.

Первая группа ученых-криминалистов сходится в едином мнении, определяя криминалистическую характеристику преступлений как систему обобщенных взаимосвязанных данных, содержащих информацию об отдельных видах преступлений» [1, с. 22; 2, с. 7; 3, с. 64].

Вторая группа исследователей, отмечая неточности общего понятия «криминалистическая характеристика преступлений», предлагает в качестве альтернативы ей использовать такие понятия, как «вероятностная модель события» [4, с. 686], «информационная модель расследуемого события» [5, с. 13–14].

Третьи указывают на отсутствие целостной концепции криминалистической характеристики преступлений. Так, Колдин В.Я. акцентирует внимание на неясности методического и методологического значения этого понятия, предлагает использовать «типовую информационную модель», определив ее следующим образом: «информационная система, построенная на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающая

закономерные связи между элементами события преступления, используемая для построения типовых версий и формирования методики расследования данной категории преступлений» [6].

Анализ данных подходов позволяет сделать вывод, что практически во всех формулировках определения криминалистической характеристики присутствуют общие черты, которыми являются указание на тот или иной комплекс, систему признаков, присущих тем или иным видам преступлений, которые имеют первостепенное значение для раскрытия и расследования преступлений. Различия же в основном относятся к использованию множества терминов для именованья вышеуказанного комплекса.

Наиболее близким, на наш взгляд, к сущности криминалистической характеристики является определение, данное А.Н. Колесниченко и В.Е. Коноваловой, в котором говорится о том, что это «система сведений о криминалистически значимых признаках преступлений одного вида, отражающая закономерные связи между ними и являющаяся основой для расследования конкретных преступлений» [7, с. 7–9].

Однако криминалистическая характеристика приобретает практическое значение лишь в том случае, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее составляющими, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным делам [8, с. 316].

Практически это заключается в том, что при расследовании конкретного преступления сопоставление имеющихся данных о нем с системой обобщенных сведений о ранее расследованных преступлениях этого вида позволяет выделить аналогичные криминалистически значимые признаки преступления и на этой основе рас-

смотреть версии относительно неизвестных данных [9, с. 17].

В то же время справедливым остается мнение Р.С. Белкина о том, что необходимость установления таких связей, за очень редкими исключениями, носит сугубо декларативный характер. Многие авторы признают важность установления корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики, выраженных в количественных показателях, однако полного воплощения в практике эта идея не находит [8, с. 315–316]. Наиболее значимым исключением из этого утверждения является работа Л.Г. Видонова «Типовые следственные ситуации первоначального этапа следствия по делам об убийствах. Криминалистические взаимосвязи между элементами состава преступлений данного вида и методика выдвижения версий и лицах совершивших убийства без очевидцев, на основе указанных взаимосвязей», на основе которой в 2005 г. была разработана компьютерная программа «ФОРВЕР», представляющая самостоятельную уникальную разработку сотрудниками ННГУ им. Н.И. Лобачевского, под руководством профессора В.Ю. Толстолицкого. Программа позволяет использовать типовые версии, формировать вероятный портрет преступника и пересчитывать правдоподобность версий при появлении дополнительных сведений по конкретному делу.

Что касается структуры криминалистической характеристики, то необходимо отметить, что она анализируется в основном с позиции включения различного количества элементов криминалистической характеристики преступления, а также их содержания и соотношения их с обстоятельством, подлежащими доказыванию. Мы придерживаемся мнения Л.Л. Каневского, считающего, что «криминалистическая характеристика должна включать лишь такие компоненты, которые эффективно и оперативно будут содействовать выбору наиболее рациональных способов расследования и раскрытия совершенных преступлений» [10, с. 74–75]. Поэтому в структуру должны включаться только те компоненты, которые непосредственно с криминалистической стороны характеризуют преступление.

С нашей точки зрения, криминалистическую характеристику краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, можно определить как систему обобщенных данных о наиболее типичных признаках данного вида преступлений, проявляющихся в таких элементах, как обстановка совершения кражи, способ совершения кражи, сведения о личности вероятного преступника, механизм слеодообразования, предмет преступного посягательства, сведения о личности потерпевшего, закономерная связь которых служит основой решения задач раскрытия и расследования преступлений.

Следует заметить, что при расследовании краж из жилища гораздо более полно исследуется личность лица, совершившего преступление, нежели потерпевшего, что в целом оправданно. Поскольку главным признаком субъективной стороны кражи является совершение хищения тайным способом, то непосредственного взаимодействия преступника с потерпевшим не происходит. Поэтому этот элемент несет в себе минимум криминалистически значимой информации. И все же не следует забывать, что нередко особенностями поведения личности потерпевшего определяют способ совершения кражи из его жилища. Очень часто неразборчивость и излишняя доверчивость граждан к посетившим их жилище незнакомым людям является причиной, приведшей к совершению кражи у них в жилище. Почти в половине изученных уголовных дел совершению преступления способствовало виктимное поведение потерпевших (здесь и далее, если не будет оговорено отдельно, приводятся данные обобщения следственной и судебной практики проведенного автором исследования). По данным проведенного исследования, каждая четвертая кража совершена путем свободного доступа, а именно: через от-

крытое окно (балкон) – 7,5 %; через открытую входную дверь – 18,5 %, 16,5 % преступников использовали ключ (дубликат ключа) потерпевшего, и 1,5 % преступлений совершено путем обмана. Причем из 88 преступников с потерпевшим были знакомы 54. Среди них соседи, близкие друзья, родственники и иные знакомые. Так, каждая третья кража путем проникновения через открытое окно (балкон) была совершена знакомыми, и каждая вторая кража путем проникновения через открытую входную дверь совершена соседями и иными знакомыми.

Ключ либо дубликат ключа в качестве орудия, используемого для проникновения, как правило, используют лица из близкого круга потерпевшего: родственники, друзья, лица, состоящие в близких отношениях (82,1 %), так как они имеют возможность похитить ключ либо узнать где он находится. Однако не являются исключением случаи, когда преступники сами находили ключи, спрятанные хозяевами под дверным ковриком, в почтовом ящике и других условленных местах. Кроме того, известны случаи совершения краж данным способом малознакомыми либо совершенно незнакомыми лицами в результате чрезмерной доверчивости потерпевшего. Так, С. познакомилась с М. в больнице, где несколько дней находилась на стационарном лечении. За это время М. узнала от С., что у нее дома хранятся юбилейные медали за участие в Великой Отечественной войне, принадлежавшие ее покойному мужу. Впоследствии С. рассказала М., где она проживает и с кем. Затем М. увидев, что ключи от квартиры С. кладет в кошелек, решила их похитить с целью незаконного проникновения в жилище и хищения чужого имущества. Через несколько дней М. похитила ключи и незаконно проникла в квартиру С., из которой похитила юбилейные медали и денежные средства [11].

Кражи из жилища путем обмана совершают, как правило, не знакомые с потерпевшим лица, в большинстве случаев группой лиц по предварительному сговору. Под предлогом продажи косметики, бытовых товаров, меда они незаконно проникали в квартиру, с целью установления наличия и места хранения личных сбережений предлагали приобрести товар. После собственник жилья, ни о чем не подозревая, в присутствии преступников брал деньги и отдавал за товар. Затем преступники, достоверно зная о наличии денежных средств, отвлекли внимание собственника жилья, просили сходить за стаканом воды, чистой банкой, крышкой для банки, далее, убедившись, что за ними никто не наблюдал, проникали в жилище и похищали денежные средства. Часто преступники представляются работниками газовой службы. Так, П. и К. группой лиц по предварительному сговору ввели А. в заблуждение, представившись работниками газовой службы, и путем обмана, под предлогом проверки газового оборудования, незаконно проникли в квартиру А., где К. стал отвлекать А., а П., тем временем убедившись, что за его преступными действиями никто не наблюдает, из шкафа тайно похитил денежные средства и иностранную валюту [12].

Вне зависимости от способа совершения краж из жилища, практически половина краж совершается знакомыми потерпевших (97–48,5 %). Из числа знакомых были: соседями – 11,5 % (23 человека); друзьями – 4,5 % (9 человек); лицами, состоящими в близких отношениях – 4,5 % (9 человек); родственниками – 4 % (8 человек); познакомились накануне – 1,5 % (3 человека); коллегами – 0,5 % (1 человек); бывшими супругами – 0,5 % (1 человек); бывшими собственниками – 0,5 % (1 человек); иными знакомыми – 21 % (42 человека). В число иных знакомых входят соседи и знакомые родственников, случайно встреченные земляки, бывшие соседи, одноклассники и т. д.

Нередко сами потерпевшие ведут аморальный образ жизни, на почве совместного употребления спиртных напитков заводят случайные знакомства, не опасаясь их отрицательных последствий. Так, по данным прове-

денного исследования, лиц из числа знакомых потерпевших, злоупотребляющих спиртными напитками – 69 % (67 человек), из них судимых – 61,1 % (41 человек).

Обращаясь к остальным способам совершения краж с незаконным проникновением в жилище, необходимо отметить, что доля знакомых с потерпевшим преступников в два раза меньше и составляет 36,5 %. Однако ущерб, причиненный в результате применения данных способов, в полтора раза больше и составляет 60 %. Эта картина объясняется тем, что вышеупомянутыми способами кражи из жилища совершают преимущественно лица, обладающие профессиональными навыками, совершающие однотипные преступления. Так, по данным исследования, среди лиц, совершивших кражу этими способами, – 60,7 % рецидивистов, большинство из которых привлекались к уголовной ответственности 2 раза и более за аналогичные преступления.

В целом поведение потерпевших от краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, приводящее к возникновению преступного умысла, может быть сведено к следующим вариантам:

а) употребление спиртных напитков, влекущее беспомощное состояние и в результате неспособность противодействовать преступнику и даже осознавать опасность ситуации;

б) неразборчивость в связях, которая в конечном итоге создает преступнику возможность доступа к личному имуществу потерпевшего [13, с. 308];

в) беспечное отношение к охране жилища: оставление открытых окон и дверей, хранение ключа под ковриком и т. д.

Поскольку одним из структурных элементов методики расследования преступлений является предупреждение преступлений, то считаем необходимым при рассмотрении методики расследования краж из жилища уделять внимание описанию виктимного поведения потерпевшего.

Непринятие потерпевшими должных мер предосторожности, излишняя доверчивость к малознакомым людям, посетившим их жилище, приводит в конечном итоге к ситуации, которая способствует возникновению и реализации преступного умысла. Поэтому задача следователя сводится к установлению взаимосвязи элементов в системе «преступник – потерпевший» и, с помощью поиска от данных о потерпевшем к информации о преступнике, – к раскрытию кражи в целом.

Говоря о значении криминалистической характеристики, считаем необходимым отметить, что она была и остается значимой в настоящий момент. С появлением новых составов, видов и разновидностей преступлений, а также развития науки криминалистики и информационных технологий, криминалистическая характеристика может изменяться и развиваться в направлении создания программ, созданных на основе выявленных статистических закономерностей между элементами

криминалистической характеристики, проявляющихся в результате изучения большого количества уголовных дел. Полагаем, что такие программы должны создаваться в будущем для расследования различных видов преступлений, в том числе для расследования краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище. Данная система позволила бы на основе выявленных закономерностей между элементами криминалистической характеристики краж, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, а также посредством выдвижения версий по поводу отсутствующих элементов криминалистической характеристики краж, получить данные о личности преступника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возгин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 4. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1993. 81 с.
2. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М.: Изд-во Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. 106 с.
3. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. М.: Юрист, 2005. 781 с.
4. Криминалистика / Т.В. Аверьянова [и др.]. М.: Норма, 2001. 990 с.
5. Волчечкая Т. С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 23 с.
6. Колдин В. Я., Ищенко Е. П., Крестовников О. А. Типовая информационная модель или криминалистическая характеристика преступления? // Академический юридический журнал. 2006. № 4. С. 39–50.
7. Колесниченко А.Н., Коновалова В.Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков: Юрид. ин-т, 1985. 93 с.
8. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. М.: Юрист, 1997. 538 с.
9. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. № 1. С. 16–22.
10. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. 284 с.
11. Архив Заводского районного суда г. Саратова за 2011 г. Дело № 1-320/11.
12. Архив Ленинского районного суда г. Саратова за 2013 г. Дело № 1-447/13.
13. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. 332 с.

THE IDENTITY OF THE VICTIM AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS OF THEFTS COMMITTED WITH ILLEGAL PENETRATION INTO THE DWELLING

© 2015

M.A. Lysyakova, postgraduate student
Saratov State Academy of Law, Saratov (Russia)

Annotation: This article discusses the concept of criminalistic characteristics with evolution of approaches to its understanding. Identifies the importance of establishing correlations between its elements, quantitative and victimization behavior of the victim.

Keywords: criminalistic characteristic, the identity of the victim, a methodology for the investigation of crimes of theft with illegal penetration into the dwelling.

УДК 340.1

**ОБЗОР «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»,
«ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ», «ВЕКТОР НАУКИ ТГУ. СЕРИЯ:
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ» НА ТЕМУ: «РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»**

© 2015

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор
Саратовский филиал Института государства и права РАН, Саратов (Россия)

Д.А. Липинский, доктор юридических наук, профессор,
заместитель ректора – директор Института права

А.Н. Станкин, кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье приведен обзор научно-практической конференции, проведенной при поддержке РГНФ, проект 15-03-140536 г. Участники конференции обосновывают свое мнение о структуре проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. Разрабатываются разделы проекта, посвященные отдельным направлениям правовой политики в сфере юридической ответственности.

Ключевые слова: концепция правовой политики, юридическая ответственность, правонарушение, виды правовой политики, позитивная ответственность, юридическая ответственность за правонарушение.

В своем выступлении **ведущий «круглого стола» директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь» А.В. Малько** отметил, что стало уже хорошей традицией проводить в апреле «круглый стол» по разработке проекта концепции правовой политики современной России в сфере юридической ответственности в стенах Института права Тольяттинского государственного университета.

Утвердив в общем и целом структуру вышеназванного доктринального документа, важно двигаться дальше по наращиванию его содержания. Чтобы логика проекта была единой, нужно, учитывая различные точки зрения на феномен юридической ответственности, базироваться, соответственно, и на едином ее понимании. Необходимо также сразу договориться и о том, что «брать в проект не надо», от чего следует отказаться.

Между тем важно иметь в виду, что доктринальный документ – особый жанр научного произведения. Это не монография, не статья, не концепция конкретного законопроекта. Это нечто иное. Особенности его состоят в том, что, во-первых, данный документ призван сочетать в себе специфическую монографичность (но обобщения в нем более высокого уровня, чем в обычной монографии) и концептуальный характер (который, в частности, предполагает концентрированную и системную форму изложения научной информации); во-вторых, он ориентирован как на науку, так и на практику (правотворческую и правоприменительную).

Важно предложить такие научные наработки, которые затем могли бы быть использованы для выстраивания правовой политики в сфере конкретного юридического инструмента – юридической ответственности.

Параллельно с данным документом нужно работать и над словарем по юридической ответственности. Считаю, что проект концепции правовой политики современной России в сфере юридической ответственности и словарь «Юридическая ответственность» – взаимосвязанные продукты, влияющие друг на друга. С одной стороны, наработки словаря помогут в изложении такого раздела проекта концепции, как «Общие начала российской правовой политики в сфере юридической ответственности», где будет дан перечень понятий, используемых в данном проекте. С другой стороны, словарь важно «не отрывать» от разрабатываемого проекта концепции, а, наоборот, попытаться насытить его духом доктринального документа, дать в нем не столько имеющийся за-

конодательный, сколько научный уровень проблем, связанных с юридической ответственностью.

После того как будут отдельно опубликованы «Проект концепции правовой политики современной России в сфере юридической ответственности» и словарь «Юридическая ответственность», можно будет эти два продукта объединить и издать единой книгой, назвав ее следующим образом: «Правовая политика современной России в сфере юридической ответственности: словарь и проект концепции».

Заместитель ректора – директор Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, ответственный редактор журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки» Д.А. Липинский свое выступление посвятил проблемам принципов правовой политики в сфере юридической ответственности.

Во-первых, принципы правовой политики в сфере юридической ответственности своим содержанием должны охватывать как позитивную, так и негативную юридическую ответственность, что не исключает отнесение отдельных принципов исключительно к ответственности за правонарушение.

Во-вторых, принципы юридической ответственности – это отправные идеи, отражающие сущность и назначение юридической ответственности и выступающие императивными требованиями прежде всего для правоприменителя и законодателя.

В-третьих, хотелось бы акцентировать внимание на тех отправных идеях, которые относятся, прежде всего, к позитивной юридической ответственности. Так, в юридической науке, несмотря на имеющиеся разногласия по отдельным аспектам понимания, достаточно подробно разработан принцип неотвратимости юридической ответственности. Однако его разработанность касается, прежде всего, ответственности за правонарушение. Между тем этот принцип распространяется и на позитивную юридическую ответственность. Известно, что правонарушение становится таковым только после его законодательного закрепления. То или иное деяние, носящее общественно опасный характер, может длительное время оставаться вне правового поля. Причины этого, как правило, кроются в медлительности законодателя, устанавливающего юридическую ответственность. Поэтому за общественно опасные деяния необходимо неотвратимо устанавливать запреты и обязанности, которые соответственно должны реализовываться в правоммерном поведении субъектов общественных отношений.

В-четвертых, как одну из составляющих позитивной ответственности мы рассматриваем и применение к субъекту мер поощрения. Анализ законодательства показывает, что у компетентных органов отсутствуют обязанности рассмотреть поступок субъекта, превышающий обычные нормативные требования и заслуживающий поощрительных мер. Между тем возложение таких обязанностей, несомненно, способствовало бы правомерной социальной активности граждан.

В-пятых, еще один аспект принципов, на котором нам бы хотелось остановиться. Как и в отношении принципа неотвратимости, в юридической литературе достаточно подробно исследован принцип индивидуализации юридической ответственности. Однако его исследования относятся к негативному аспекту юридической ответственности, и вполне уместным выглядит индивидуализация мер позитивной юридической ответственности. Между тем индивидуализированы должны быть как меры позитивной, так и меры негативной юридической ответственности.

В.К. Дуонов, доктор юридических наук, профессор, проректор Самарской гуманитарной академии по научной работе, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации поддержал А.В. Малько, что начинать следует с разработки плана и структуры проекта концепции. При этом за основу могут быть приняты проект концепции правовой политики, которую еще в 2008 г. опубликовал Александр Васильевич, а также значительные наработки как по проблеме правовой политики, так и по проблеме юридической ответственности, имеющиеся в отечественной науке и, не в последнюю очередь, труды А.В. Малько, Р.Л. Хачатурова, Д.А. Липинского и других ученых. Вполне приемлема предлагаемая Александром Васильевичем примерная структура проекта концепции.

Концепция должна быть как можно более краткой и единой, содержать в себе результат некоего консенсуса, а чтобы быть практически полезной, она должна быть социально и научно обоснованной, понятной и реализуемой.

На мой взгляд, в содержании Концепции и, соответственно, в ее структуре обязательно должны получить отражение, в частности, следующие ключевые вопросы.

1. Понятие правовой политики как целенаправленной деятельности государства (при поддержке институтов гражданского общества и отдельных граждан), направленной на поиск, разработку и реализацию стратегии и тактики, генеральной линии развития в соответствующей сфере социальной жизни, которая имеет разные направления и разные формы, и которая, главное, всегда осуществляется в правовом поле. Кратко, но емко должно быть сказано о целях, содержании, объектах и субъектах осуществления правовой политики именно в сфере юридической ответственности.

2. Понятие юридической ответственности как одного из видов социально ответственного поведения, ее природы, сущности и целей, оснований возникновения, содержания и пределов, места в механизме правового регулирования и в механизме правового воздействия, соотношения с соответствующими «смежными» категориями.

Признавая существование разных видов ответственности (дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, уголовной и др.), перечисленные вопросы следует решить и применительно к ним, а в случае нахождения консенсуса в вопросе о признании существования наряду с ретроспективной еще и позитивной ответственности – также и применительно к данным аспектам ответственности. По видам ответственности – представляется правильным ограничиться их основными видами, «привязанными» к существующим основным отраслям права, «плодить» их по субъективному разумению некоторых ученых, на мой взгляд, достаточных оснований нет.

3. Принципы правовой политики в сфере юридической ответственности как основополагающие начала, руководящие идеи, определяющие стратегию и тактику государственных органов в сфере установления юридической ответственности и ее реализации. В Концепции, на мой взгляд, должны получить отражение, в частности, такие важнейшие принципы, как законность, справедливость, гуманизм, обоснованность и целесообразность правовых предписаний (криминализации и пениализации общественно опасных деяний), равенство граждан перед законом, неотвратимость правового воздействия в случае совершения правонарушения. Следовало бы признать принципиально важное значение юридико-технических требований минимальной достаточности правовой репрессии (в особенности «экономии» ее уголовно-правовой разновидности), а также приоритета стабильности законодательства перед его изменчивостью.

В своих выступлениях **доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета О.И. Зазнаев и кандидат юридических наук, старший преподаватель Казанского федерального университета Р.Ф. Гарипов** раскрыли необходимость разграничения политической и юридической ответственности.

Политическая ответственность в современной России построена по институциональной модели с определяющим значением субъективных критериев. Каждый участник политических отношений обременен возможностью наступления для него негативных последствий в результате нарушения политико-правовых норм. В этом проявляется действие ключевого принципа – индивидуализации политической ответственности.

Использование правовых форм является единственным способом закрепления оснований и условий юридической ответственности. Однако применение политической ответственности также может сопровождаться правовой регламентацией отдельных ее элементов, что вкладывается в понятие формы ответственности. У политической ответственности следует выделять как субъективные, так и объективные компоненты. Последние выражаются в формальном закреплении ее оснований и условий. Исходя из этого, форма политической ответственности партийных организаций выступает средством отражения содержательной части политических норм, которые регламентируют их деятельность.

В Российской Федерации сложилась законодательная база, в которой находит выражение целый комплекс политических норм, в том числе по вопросам привлечения к политической ответственности. В некоторых нормативных актах установлены условия ответственности, возникающей за нарушения не юридического, а политического свойства. К числу таких нормативных документов следует отнести и Федеральный закон № 95-ФЗ.

Очевидно, что механизм приостановления и отказа в регистрации партийной организации по «размытым» основаниям может использоваться как реакция государства на нарушение партиями не только правовых, но и политических норм. Данный вывод подтверждается тем обстоятельством, что действующее законодательство не воспринимает отказ или приостановление как юридическую обязанность регистрирующего органа, т. е. и фактически, и формально уполномоченный орган, осуществляющий регистрационный надзор над деятельностью политических партий, применяет указанные меры исключительно по своему убеждению без ограничения во времени.

Вместе с тем политическая ответственность партий, в отличие от юридической, не ограничивается только основаниями, которые получили прямое закрепление в Федеральном законе № 95-ФЗ. Из анализа содержания иных положений данного закона можно выявить другие случаи, при наличии которых государство вправе использовать меры негативного воздействия на партийные организации. Указанные меры не вписываются в рамки

юридической ответственности, потому что их основанием в отдельно взятых случаях являются нарушения не правового, а политического характера. Вследствие этого предлагается расценивать данные примеры как проявление политической ответственности, имеющей нормативно-правовую форму закрепления.

Возможны три варианта формализации политической ответственности в законодательстве о партиях: во-первых, закрепление конкретной меры политической ответственности (приостановление / отказ в государственной регистрации, проведение внеплановых проверок в рамках государственного надзора, приостановление / ликвидация деятельности партии); во-вторых, закрепление оснований возникновения политической ответственности без установления санкций; в-третьих, установление отдельных условий политической ответственности.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент Пензенского государственного университета С.Ю. Суменков обратил внимание на сложную и неоднозначную взаимосвязь юридической ответственности с таким феноменом, как исключения в праве, отметив, что в Концепции должен содержаться обязательный раздел, посвященный исключениям в юридической ответственности.

Исключения в праве – это допускаемые юридическими нормами и закрепленные в них, отличные от общеустановленных правил положения, реализуемые уполномоченными на то субъектами при определенных условиях.

Посредством исключений из общих правил государство, оценивая реальное состояние общественных отношений, устанавливает преимущества либо ограничения, дополнения либо изъятия.

Исключения и юридическая ответственность неотделимы друг от друга, ибо ответственность наступает и воплощается по определенным правилам, из которых могут и должны быть исключения, придающие гибкость правовому регулированию. При этом исключения не должны подменять правила, а, напротив, внутренне им соответствовать, быть направленными на достижение единых целей и задач.

Юридическая ответственность образует нормативную конструкцию, которую составляют нормы материального и процессуального права, устанавливающие санкцию и другие меры принуждения, подлежащие применению в случае правонарушения, порядок (процесс) и последовательность осуществления данных мер, а равно норм, определяющих права лица, привлеченного к ответственности. Претворение в жизнь каждого из элементов данной нормативной конструкции происходит как по правилам, так и с использованием исключений из них. Подобное характерно для любой стадии реализации юридической ответственности.

Исключения широко применяются в сфере реализации юридической ответственности, что объясняется необходимостью дифференцированного подхода при осуществлении репрессии.

Пожалуй, наибольшие споры в сфере реализации юридической ответственности вызывает такое исключение, как правовой иммунитет отдельных категорий субъектов.

Взаимосвязь правовых исключений и норм, составляющих институт юридической ответственности, нуждается в дальнейшем теоретическом изучении и научном осмыслении. Думается, что в проекте концепции необходимо специальный раздел посвятить исключениям в сфере юридической ответственности.

По концептуальным проблемам правовой политики в области реализации юридической ответственности выступил кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ

И.А. Кузьмин. В своем выступлении он отметил, что сфера проявления проблем реализации юридической ответственности охватывает собой правотворчество (в части установления механизмов возложения юридической ответственности) и правореализацию (в части практического осуществления юридической ответственности различными субъектами). В целях оптимизации предлагается воспринять двуединую концепцию юридической ответственности в объективном и субъективных смыслах (на нормативном и индивидуальном уровнях правового регулирования), а также единый подход к модели реализации юридической ответственности и его формам: государственно-принудительной и добровольной. С нашей точки зрения, учет объективно-субъективной сущности и особенностей юридической ответственности, общей модели ее осуществления в процессе правотворчества и правореализации является необходимым и принципиально важным шагом для дальнейшего разрешения всех структурных блоков рассматриваемой проблематики. Причем проект концепции юридической ответственности должен строиться исходя из двуединого понимания юридической ответственности, а в самом проекте необходимо отдельный раздел посвятить добровольной (позитивной) юридической ответственности.

Ученый секретарь Саратовского филиала Института государства и права РАН, кандидат юридических наук К.Е. Игнатенкова привлекла внимание к необходимости закрепления на концептуальном уровне принципов и механизмов ужесточения ответственности. Дело в том, что некоторые механизмы (например, установление «завышенной» ответственности, не соответствующей тяжести нарушенных норм наказания за нарушение запрета или неисполнение обязанности), несмотря на их действенность в плане достижения ближайшего, «поверхностного» результата, входят в противоречие со стратегическими целями воспитания и управления, что в конечном счете может свести на нет весь положительный эффект.

Основной принцип использования ответственности в механизме правового регулирования – добиться ее неотвратимости, а не чрезмерной суровости. Эффективность запрещающих норм зависит не только и не столько от жесткости санкций, сколько от безальтернативности привлечения виновного к ответственности и претерпевания им лишений. Даже самые строгие наказания не станут мотивом, останавливающим индивида на пути совершения преступления, если он знает, что возможность их реализации, т. е. вероятность привлечения его к ответственности, крайне невелика.

Ужесточение ответственности – это в любом случае реакция государства на изменение общественных отношений. Однако ужесточение ответственности и наказаний даже в той сфере, где это объективно необходимо, должно происходить не чисто механически, путем «наращивания» количественных показателей, а обоснованно, с учетом общественного мнения, исторического опыта, а также общемировых тенденций. Карательные, репрессивные меры должны в любом случае сочетаться с элементами стимулирования, поощрения, с тем чтобы в механизме правового регулирования соблюдался баланс негативных и позитивных средств. При этом особое внимание в правовом регулировании, на наш взгляд, следует уделить психологическому аспекту, повышению правовой культуры населения, формированию устойчивых правовых ценностей и идеалов, что позволит перейти от «поверхностного» законопослушания вследствие «страха перед ответственностью» к сознательной, волевой матрице правомерного поведения.

Профессор кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук А.А. Гогин обратил внимание на необходимость разграничения в проекте концепции правовой политики понятий «правонарушение», «преступление» и «проступок»,

а в самой Концепции необходимо отдельный раздел посвятить основаниям юридической ответственности, где следует разграничить данные понятия. Кроме того, многие нормативные акты не содержат понятий соответствующих видов правонарушений, в связи с чем возникает необходимость их законодательного закрепления.

По нашему мнению, в БК РФ, КоАП РФ, НК РФ, а также в иных законах, предусматривающих меры юридической ответственности за антиобщественное поведение, не имеющее характера преступления, необходимо сформулировать и закрепить не только понятие конкретного правонарушения, но и его дефиницию – проступок.

В соответствующих юридических конструкциях должны присутствовать все основные признаки, разработанные отечественной правовой наукой, а при необходимости – и существенные особенности, подчеркивающие отраслевую принадлежность деяния. Предлагаемые корректировки призваны способствовать более четкой дифференциации противоправных деяний.

В своих выступлениях **доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Тольяттинского государственного университета Т.М. Клименко и кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии О.В. Тюшнякова** отметили, что уголовно-правовая политика, являясь частью правовой политики государства, должна отражать основные направления, цели, задачи и принципы борьбы с преступностью в конкретный исторический период.

В настоящее время направления уголовной политики носят, скорее, локальный, разрозненный характер даже уже и не борьбы, а реагирования на отдельные виды преступности – например, коррупционной, насильственной, наркопреступности и т. д., в том числе при установлении размеров и видов наказаний за совершение указанных и других преступлений.

Действительно, с одной стороны, законодатель, учитывая рекомендации Международных стандартов о сокращении применения тюремного заключения, старается сделать все возможное, чтобы суды чаще применяли альтернативные лишения свободы наказания и меры уголовно-правового воздействия, принимая новые законы и изменяя уже действующие. С другой стороны, не все вносимые изменения свидетельствуют о гуманизации уголовной политики в части назначения наказания.

Так, например, за последние пять лет произошло поэтапное существенное увеличение размера штрафа до 5 млн при его исчислении в твердой денежной сумме, и до 500 млн рублей за совершение взяточничества (ФЗ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ); с 240 часов до 480, то есть в два раза, увеличился срок обязательных работ (ФЗ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ); появился новый срок исчисления лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемо в качестве дополнительного, – 20 лет (ФЗ от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ). Думается, что это не гуманизация, а «псевдогуманизация» уголовной ответственности. На наш взгляд, проект концепции правовой политики должен содержать направления ее реальной гуманизации, которая носила бы системный характер, а не отдельных изменений, которые идут в разрез с уже существующими направлениями.

Доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук Е.В. Чуклова в своем выступлении отметила, что важность формирования основных направлений правовой политики в сфере процессуальной ответственности определяется особой ролью процессуальной ответственности в системе юридической ответственности и в правовой системе в целом.

Правовая политика в сфере процессуальной ответственности является формой выражения фактического отношения государства к функционированию различных видов юридического процесса.

Государственная власть путем реализации правовой политики в сфере процессуальной ответственности формирует основу борьбы с негативными явлениями в сфере юридического процесса: уклонение от явки в суд или органы предварительного следствия в качестве свидетеля или потерпевшего; умышленное затягивание сроков рассмотрения дел самими участниками процесса; злоупотребление правом; ненадлежащее соблюдение и (или) нарушение правовых ограничений, обусловленных применением мер процессуального принуждения; неисполнение судебных решений; дача заведомо ложных показаний; нарушение процедуры принятия нормативно-правовых актов и др.

В связи с этим в качестве основных направлений правовой политики в сфере процессуальной ответственности можно назвать следующие.

Во-первых, необходимо закрепить перечень процессуальных правонарушений, определить круг участников охранительных общественных отношений, складывающихся при реализации процессуальной ответственности. Закон должен стать основным инструментом привлечения к процессуальной ответственности лиц, совершивших процессуальное правонарушение.

Во-вторых, без научного обоснования построить четкую систему борьбы с процессуальными правонарушениями невозможно. В связи с этим значение правовой политики в сфере процессуальной ответственности состоит в закреплении в законодательстве универсальных правил процессуальной деятельности, в разработке рекомендаций, направленных на совершенствование действующих нормативно-правовых актов, т. к. деятельность законодателя и правоприменителя зависит и от результатов соответствующих научных исследований.

В своем выступлении **кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета И.В. Попядухина** акцентировала внимание на проблеме правовой политики в сфере дисциплинарной ответственности. Законодатель не дает легального определения дисциплинарной ответственности. Различные авторы по-разному трактуют данное определение. В этом состоит первая проблема. Считаем, что следует внести изменение в Трудовой кодекс РФ и дать легальное определение дисциплинарной ответственности, которое будет звучать как особый вид юридической ответственности, при которой работник обязан претерпевать неблагоприятные последствия, предусмотренные нормами трудового права, за виновное, противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей.

Стоит отметить, что в отличие от других видов юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой) субъектом привлечения может быть только работник. Лица, работающие по гражданско-правовым договорам, привлечены к дисциплинарной ответственности быть не могут.

Второй проблемой является то, что не разработаны критерии тяжести дисциплинарного проступка, на которые работодатель должен опираться при вынесении дисциплинарного взыскания.

В статье 192 ТК РФ говорится, что при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен. При этом ни в одном нормативном правовом акте нет пояснения, что является критерием при определении тяжести дисциплинарного проступка. Считаем, что стоит дополнить ст. 192 ТК и разработать такие критерии. Кроме этого, стоит указать, что является уважительной причиной совершения дисциплинарного проступка.

Считаем, что целесообразно дополнить главу

Трудового кодекса о дисциплине труда и создать раздел, который будет называться «Дисциплинарная ответственность отдельных категорий работников», в которой будут отражены особенности привлечения к дисциплинарной ответственности отдельных категорий работников.

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета О.Е. Репетева отметила, что в условиях формирования правового государства и гражданского общества значение юридической ответственности весьма усиливается. Немаловажная роль при этом отводится нормам трудового права, регламентирующим возмещение материального ущерба, причиненного одной стороной трудового договора другой стороне. Они обеспечивают соблюдение дисциплины труда и профилактику неправомерного поведения. При возмещении ущерба устраняются последствия нарушения имущественных прав сторон, чем достигается и восстановительный эффект правового регулирования. Установление специальных процедур привлечения работника к ответственности и правил возмещения работодателем вреда создает гарантии сохранности имущества работодателя от порчи, уничтожения, утраты и т. д., а заработной платы – от незаконных удержаний.

Общие черты материальной ответственности работодателя и работника не исключают их дифференциации и относительной самостоятельности, которые связаны с тем, что одной стороной трудового договора является физическое лицо – работник, а другой – чаще всего юридическое лицо – работодатель; они не равны по своим экономическим и иным возможностям, работодатель обладает властно-организационными полномочиями в отношении работников. Эти факторы определяют различия материальной ответственности сторон трудового договора: а) если работники, по общему правилу, несут ограниченную материальную ответственность, то работодатели – полную; б) в отличие от материальной ответственности работодателя материальная ответственность работников дифференцирована; в) в отношении работников обычно действует презумпция их невиновности, в отношении работодателей – презумпция виновности.

Дифференциация пределов (размеров) материальной ответственности работника осуществляется в зависимости от характера имущественного правонарушения, формы вины работника, трудовой функции, выполняемой работником, наличия письменного договора или разового документа в случае недостачи вверенных работнику денежных средств или иных ценностей и от других обстоятельств. Сопоставление размера ответственности с заработной платой причинителя ущерба является основным принципом материальной ответственности в трудовом праве. Полная материальная ответственность может возлагаться на работника лишь в случаях, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами. Но ответственность руководителя организации наступает независимо от того, включено ли указанное условие в трудовой договор. Таким образом, ТК РФ усилил материальную ответственность руководителя.

В свою очередь, работодатель должен возместить работнику ущерб, возникший в результате незаконного лишения его возможности трудиться, обусловленный трудовым договором, или ущерб, причиненный имуществу работника. Впервые в ТК РФ была внесена ст. 236, предусматривающая ответственность независимо от вины работодателя: за задержку выплаты заработной платы, пособий и других выплат, причитающихся работнику.

В ТК РФ должным образом не урегулированы отношения, возникающие вследствие причинения вреда здоровью работника. В ст. 220 ТК РФ лишь в общей форме указывается, что в случае причинения вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей возмещение вреда осуществляется в со-

ответствии с федеральными законами. Действующий ФЗ РФ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» не регламентирует ответственность в случае причинения вреда работнику из-за умышленного нарушения работодателем требований по охране труда. Ответственность работодателя в указанных случаях наступает на основе норм ГК РФ. Полагаем, что в целях защиты прав работников и стимулирования работодателя к созданию безопасных условий труда целесообразно данные отношения закрепить в ТК РФ в отдельной главе.

В своем выступлении **кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета Э.А. Джалилов** акцентировал внимание на направлениях правовой политики в сфере интеллектуальной собственности. Правовая политика в сфере интеллектуальной собственности является одной из самых динамичных. Государство вынуждено оперативно реагировать на изменения, происходящие в сфере разработки и внедрения новых информационных технологий, новых товаров и услуг, новых произведений, изобретений и других объектов интеллектуальной собственности.

17 февраля 2015 г. прошло заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России. Данное заседание было посвящено государственной политике в сфере интеллектуальной собственности. Д.А. Медведев отметил, что вопросы регулирования интеллектуальной собственности являются ключевой темой современной действительности. Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности призвана интегрировать результаты интеллектуальной деятельности в экономический оборот, чтобы они генерировали прибыль, выступали объектом правовых отношений, включая объекты залога, способствовали повышению капитализации бизнеса.

За последние годы в России разработано современное законодательство в этой области, к примеру, с 1 октября 2014 г. вступили в силу изменения в 4-ю часть Гражданского кодекса: был уточнен порядок распоряжения исключительными правами, более полно урегулированы отношения между правообладателями и пользователями. В 2014 г. заработала Единая государственная информационная система учета результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ гражданского назначения. Она позволяет более оперативно контролировать коммерциализацию изобретений, созданных за счет государственного бюджета.

Однако в правовой политике в сфере интеллектуальной собственности остаются нерешенными ряд проблем. К примеру, незначительное количество международных охраняемых документов на российские изобретения. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности за 2013 год, Россия находилась на седьмом месте по количеству национальных патентных заявок, но при этом по количеству международных заявок в рамках договора о патентной кооперации наша страна занимала лишь 25-е место. Импорт интеллектуальной собственности в разы превышает экспорт, по оценкам экспертов, более чем в 11 раз, то есть мы гораздо больше используем иностранных патентов, чем патентуем сами за границей.

Нуждаются в доработке меры поддержки авторов изобретений, к примеру, упрощение налогового администрирования и совершенствование налогового учета результатов интеллектуальной деятельности. Д.А. Медведев в рамках указанного заседания президиума предложил исключить при расчете налога на прибыль доход, который возникает при постановке интеллектуальной собственности на баланс. Кроме этого, он внес ряд предложений по расширению полномочий бюджетных и автономных учреждений по распоряже-

нию объектами интеллектуальной собственности.

Реформа гражданского законодательства, проходящая в настоящее время, еще более усложнила работу с оформлением и защитой прав на объекты интеллектуальной собственности. Прогрессивным шагом стало введение в 2013 г. нового звена в судебной системе – Суда по интеллектуальным правам. С этого момента начинается относительное упорядочение судебной практики по рассмотрению споров в сфере интеллектуальной собственности.

В настоящее время сфера авторского права увеличивает охват объектов в связи с расширением работы депозитариев. Так, в правоприменительной практике нередко можно встретить оформление авторских прав на чертежи и описания изобретений, хотя ранее это была прерогатива исключительно патентного права и только в порядке государственной регистрации – изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

С 1 мая 2015 г. вступают в силу изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которым будет усилена охрана авторских прав. Например, на основании жалобы автора об использовании его произведения (целиком или частично) будут в течение 6 часов после поступления такого обращения блокироваться сайты сети Интернет. А чтобы восстановить работу информационного портала, его владельцу будет необходимо доказать правомерность использования чужого объекта интеллектуальной собственности. Причем доказательством правомерности использования произведения науки, литературы и искусства будет только документальное свидетельство (например, свидетельство о депонировании авторских прав).

Таким образом, правовая политика в сфере интеллектуальной собственности формируется в зависимости не только от состояния внутренней российской правовой системы, существующих на сегодняшний день проблем охраны и защиты интеллектуальных прав, но и в зависимости от международного законодательства и от появления новых видов товаров, услуг, ранее законодательно не урегулированных государством.

В своем выступлении старший преподаватель кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета И.А. Александров акцентировал внимание на направлениях правовой политики в сфере ответственности религиозных объединений.

В научной литературе неоднократно говорилось об определенных сложностях, связанных с правовой политикой в области регулирования деятельности религиозных объединений в современной России. Данное регулирование осуществляется в соответствии с положениями ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г., получившего довольно неоднозначную оценку со стороны различных исследователей.

Указанные сложности проявляются и в сфере противодействия российского государства тем или иным религиозным (псевдорелигиозным) объединениям, деятельность которых сопряжена с преступными посягательствами на различные общественные отношения. Здесь можно говорить о разнообразии терминологии, используемой для обозначения таких объединений; к примеру, возникает вопрос: уместно ли называть деструктивными все религиозные секты, или этот признак присущ только так называемым тоталитарным сектам? Соответственно, мы сталкиваемся и с противоречивостью принципов, критериев, используемых для отнесения какой-либо религиозной организации, группы к категории деструктивных. Встречаются соответствующие концепции, в рамках которых идеи светского государства соединяются либо заменяются воззрениями некоторых религиозных объединений (в частности, именуемых «традиционными») об истинной и ложных религиях, ересях и т. п. О серьезных опасностях «государственного характера»,

создающихся на почве неясного и неверного понимания значения «расколо-сектантства», говорил один из дореволюционных авторов А.М. Бобрищев-Пушкин, подчеркивая, что это выступает прямым следствием «системы замалчивания или тенденциозного освещения действительных фактов».

В этой связи, с нашей точки зрения, целесообразно проанализировать опыт правовой политики Российской империи по отношению к оппозиционным господствовавшей на тот момент православной церкви религиозным течениям, расценивавшимся как вредные для общества. При этом наибольший интерес представляет период отечественной истории, начиная со второй половины XIX в. до начала XX в., в рамках которого происходили различные рода реформы, в том числе затронувшие и законодательство о «расколе» (в широком смысле этого слова). Все это позволяет как выявить положения, возможно заслуживающие заимствования, так и избежать тех ошибок в конфессиональной политике, которые влекли серьезные последствия негативного характера для значительных групп населения Российской империи.

Актуальным является не просто формальный перенос современных терминов на законодательство предшествующих периодов. Необходимо сопоставление признаков рассматриваемых религиозных объединений с признаками, характеризующими используемые понятия, которые должны формулироваться в том числе на основе представлений о свободе совести и веротерпимости. На этом основании можно очертить круг деструктивных религиозных объединений, ответственность за принадлежность к которым устанавливается не в силу противоречия того или иного религиозного учения основным догматам какого-либо традиционного вероисповедания (например, православного), а только на основании жизненного проявления религиозного объединения, совершения его последователями в силу исповедуемых ими учений действий, несомкстимых с охраняемыми государственной властью важнейшими интересами частных лиц или основными требованиями общественной нравственности.

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Самарского государственного экономического университета Т.В. Шутемова отметила дискуссионность вопроса о существовании криминалистической политики. В.Ю. Сокол включает криминалистическую политику в уголовную политику, наряду с уголовно-правовой, уголовно-пенитенциарной, оперативно-розыскной и криминологической, выделяя специфику указанной политики в том, что она главным образом связана с правоприменительной практикой, а не с законотворчеством. Он обоснованно пишет, что в настоящее время четко обозначились противоречия, обусловленные необходимостью определения баланса между требованиями эффективной борьбы с преступностью (прежде всего, в целях установления объективной истины по каждому уголовному делу) и соблюдением интересов неприкосновенности личности, частной жизни граждан, а также обеспечения состязательности сторон в уголовном процессе.

Разделяя в целом данную точку зрения, считаем невозможным эффективное противодействие преступности, применение норм уголовно-правового воздействия к совершившим преступления лицам без использования современных средств криминалистики, в том числе в рассмотрении судами уголовных дел. Так, УПК РФ не регламентирует возможность встречи-беседы государственного обвинителя в процессе подготовки к судебному разбирательству со свидетелями обвинения или потерпевшим, хотя необходимость такой встречи вполне может возникнуть в целях получения дополнительной значимой для поддержания обвинения информации. Во избежание неоправданной оценки такой встречи как формы воздействия на свидетеля или потерпевшего

предлагается осуществлять встречи-беседы вне судебного заседания, не предоставлять материалы уголовного дела, обеспечить аудио- или видеозапись, использовать специальную памятку-вопросник.

Несовершенство уголовного закона неизбежно осложняет доказывание. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов совершенно справедливо указывали, что при формулировании запретов в УК уголовно-правовые разработки должны соотноситься с возможностями правоохранительной системы в преследовании тех или иных правонарушителей. Уголовно-правовые запреты должны быть реально доказуемы, а это предполагает активное использование не только процессуальных, но и не противоречащих закону непроецессуальных форм реализации уголовной политики.

В связи с изложенным, полагаем, что формирование и реализация уголовной политики должны происходить если не с учетом криминалистической политики, то с обязательным применением криминалистических возможностей правоприменительной деятельности.

Преподаватель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук Р.С. Маркунин акцентировал внимание на формировании концепции правовой политики в сфере ответственности органов публичной власти.

В целях выстраивания единого механизма ответственности публичной власти назрела потребность в принятии концепции правовой политики в этом направлении, которая должна сформировать единый, внутренне непротиворечивый механизм ответственности властных субъектов, определить принципы, методы и средства привлечения их к ответственности.

Результатом разработки подобной концепции могла бы стать модель построения настоящего правового государства и гражданского общества. Для этого необходимо введение открытого и прозрачного режима власти, что должно быть наиболее важным условием контроля и прочих средств прямого и опосредованного влияния на содержание деятельности ее представителей. Существенным условием, способствующим выстраиванию эффективной правовой политики, является формирование особой системы мониторинга деятельности органов публичной власти.

Сегодня в России возникло взаимное отчуждение власти от народа. Нет согласия между обществом, государством и гражданином, которые все чаще не понимают друг друга, говорят на разных языках. Разработка предлагаемой нами концепции поможет найти необходимые компромиссы, учет и баланс интересов сторон, взаимное согласие и, что самое важное, ответственность власти.

Публичная власть должна нести также позитивную ответственность, поскольку органы власти даже при отсутствии с их стороны каких-либо противоправных действий тем не менее несут общую ответственность за безопасность своих граждан, создание необходимых условий для их нормальной жизнедеятельности, реализацию принадлежащих им прав и свобод.

В связи с вышеизложенным можно выделить следующие направления концепции правовой политики в сфере ответственности публичной власти:

1) возведение ответственности публичной власти в ранг одного из принципов функционирования государства, его органов и должностных лиц;

2) использование системного подхода к проблеме ответственности властных субъектов, установление единообразных критериев, принципов и процедур привлечения к ответственности, четкой регламентации ее процессуальной составляющей;

3) создание авторитетных и независимых СМИ, способных наладить связь между органами власти и гражданами с помощью передачи и распространения достоверной информации о работе органов публичной власти;

4) формирование высокого уровня правовой культуры, утверждение в обществе уверенности в справедливости государственной власти, беспристрастности и независимости суда и иных органов.

В связи с этим необходимы соответствующие изменения федерального и регионального законодательства, а именно четкое, с более высоким уровнем конкретизации закрепление прав, обязанностей и ответственности органов публичной власти и должностных лиц.

Доцент кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук В.Ю. Панченко и стажер-исследователь кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета А.Е. Михалева в своем выступлении отметили, что на сегодняшний момент в условиях ускорения динамики развития и усложнения структуры правовой жизни российского общества, проблемы гарантирования устойчивости складывающихся социально-правовых взаимодействий, сокращения в их числе доли аномальных (дефектных) отклонений остаются актуальными и подлежат детальному изучению юридической наукой.

Среди правовых механизмов, действие которых направлено на достижение указанных целей, особое место занимает институт юридической ответственности, что в конечном счете и обуславливает объективную необходимость разработки единой концепции правовой политики, задающей общие рамки правового регулирования в данной сфере и способной служить ориентиром деятельности законодательных и правоприменительных органов.

Предложенная А.В. Малько структура доктринального документа может стать фундаментом его окончательного варианта, призванного лаконично и емко отразить позицию научного сообщества по одному из ключевых вопросов юриспруденции. При этом, на наш взгляд, в процессе составления проекта концепции важно учесть следующие аспекты.

Во-первых, введение, как вступительная часть к основному тексту, задающая общую тональность последующего изложения, не должно концентрироваться исключительно на характеристике современного состояния правонарушений. В противном случае (при подробном анализе существующего положения дел применительно к месту противоправных деяний в правовой жизни российского общества) приоритет, так или иначе, будет отдаваться освещению данных официальной статистики по правонарушениям в публично-правовой сфере, тогда как, например, деликты или дисциплинарные проступки могут остаться без должного внимания. С одной стороны, это изначально ограничит область исследования и фиксации отдельных вопросов, задавая вектор на рассмотрение положений документа преимущественно в контексте уголовно-правовой и административно-правовой ответственности. С другой стороны, включение во введение описания современных реалий через призму правонарушений определит превалирование ретроспективного подхода к пониманию юридической ответственности. Следовательно, думается, что своеобразная преамбула должна в первую очередь обосновать необходимость и своевременность формулирования такой концепции, демонстрируя общую заинтересованность отдельной личности, общества и государства, теоретиков и практиков, юристов и не-юристов в ее создании.

Во-вторых, в содержательной части концепции наряду с множеством других вопросов необходимо осветить действие такого юридико-экономического инструмента правовой политики в сфере юридической ответственности, как страхование. Этот тезис обусловлен весомым значением указанного частно-публичного механизма, непосредственно влияющего на порядок возложения гражданской ответственности на субъектов права. Например, сегодня обязательным является страхование автогражданской ответственности, посредством кото-

рого страхователь перекладывает свою имущественную ответственность перед третьими лицами (выгодоприобретателями по такому договору) на страховщиков, тем самым обеспечивая не только восстановление прав пострадавших граждан и организаций в результате причинения им вреда источником повышенной опасности, но и гарантируя устойчивость собственного финансового положения застрахованного лица, определенный уровень стабильности и предсказуемости его ближайшего будущего. Подобная система перераспределения рисков несения юридической ответственности и ее роль в правовом режиме каждого из видов юридической ответственности должны быть отражены в обсуждаемой Концепции.

Наконец, в-третьих, в заключительной части, описывающей тенденции развития института юридической ответственности, требуется особо выделить основные направления совершенствования существующей системы юридической ответственности с учетом международных стандартов и лучших образцов зарубежного опыта в данной сфере с целью создания почвы для максимально эффективной проработки общих начал Концепции, верного прогнозирования последствий принятия доктринального документа и результатов реализации его положений.

В своем выступлении **кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета А.Н. Станкин** акцентировал внимание на проблемах правовой политики в сфере конституционной ответственности. Конституционно-правовая ответственность является весьма сложным и противоречивым институтом. Во многом это определяется тем, что конституционное право более, чем другие отрасли, связано с политикой. На поведение субъектов конституционного права и, следовательно, на их ответственность существенное, а зачастую определяющее значение оказывает политическая составляющая.

Сами нормы, устанавливающие конституционно-правовую ответственность, в ряде случаев не содержат четких критериев оснований ее наступления. В этом плане исследователями обоснованно критикуются положения Федерального закона от 6 октября № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Например, ст. 3.1. данного закона, предусматривающая ответственность для органов государственной власти субъектов Российской Федерации в случае принятия ими нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам и федеральным законам и повлекших за собой *массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации*». Пафосные эпитеты в норме, типа «массовые и грубые» нарушения прав и свобод, возможно, хороши с литературной точки зрения, однако ставят под вопрос возможность ее практического применения.

Другой пример – норма п. «б» ст. 7.2 того же закона, предусматривающая возможность отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) за *неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение своих обязанностей*, установленное соответствующим судом.

И последнее. Дискуссии относительно конституционно-правовой ответственности во многом обусловлены отсутствием ее прямого законодательного закрепления. Без установления в законодательстве четких критериев

конституционно-правовой ответственности невозможно обеспечить становление и развитие России как эффективного правового демократического государства.

В своем выступлении **кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, адвокат П.А. Давыдов** отметил, что проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности для современной России – это очень важный доктринальный документ, который реально мог бы оказать позитивное воздействие как на теоретическое осмысление самого понятия юридической ответственности, так и на определение юридической ответственности для практического применения при правотворческой и правоприменительной деятельности на различных уровнях.

Однако при формировании структуры данной Концепции необходимо выделить раздел, посвященный субъектам правовой политики, а также конкретизировать и указать, кто же будет являться субъектами правовой политики в данной области.

Полагаю, что под *субъектами правовой политики* необходимо понимать должностные лица или органы государственной власти, граждане и (или) институты гражданского общества, которые, применяя юридические методы и охватывая юридическую сферу деятельности, публично участвуют в выстраивании и осуществлении правовой политики в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина и становления правовой государственности.

При этом под юридическими методами предлагаю понимать разработку и применение нормативно-правовых актов, регламентирующих отношения в сфере конкретного направления правовой политики.

В контексте построения в РФ правового государства необходимо в этом доктринальном документе уделить особое место судебной системе, которая должна быть независимой от иных субъектов и осуществлять правоприменительную деятельность по привлечению к юридической ответственности, прежде всего исходя из принципа своей независимости от иных органов. Такие принципы, как справедливость и законность, при назначении наказания должны стать основными при решении вопроса о привлечении к ответственности. Ведь, к сожалению, современные суды слишком часто игнорируют принцип справедливости и руководствуются лишь формальным следованием закону, без учета совокупности обстоятельств.

Кроме того, в качестве приоритетных задач стратегии правосудия государства следует рассмотреть в концепции обеспечение законности и обоснованности судебных решений, ускорение судопроизводства, развитие примирительных форм разрешения споров, развитие форм участия граждан в осуществлении правосудия, принятие мер по исполнению судебных решений.

Правовая политика органов судебной власти в Российской Федерации, с точки зрения данной Концепции, должна быть направлена на обеспечение надлежащего применения российского законодательства, единства судебной практики, защиту интересов граждан, общества и государства, поскольку при реализации своих полномочий органы судебной власти занимаются непосредственным осуществлением присущего только им особого вида деятельности – правосудия, которое зачастую связано с привлечением виновных лиц к тому или иному виду юридической ответственности.

С докладом выступил **кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии Е.В. Черных**, который отметил необходимость системного подхода при работе над концепцией правовой политики в сфере юридической ответственности.

Работа по созданию четкой концепции, безусловно, необходима, чтобы: власть знала, что от нее ждет гражд-

данское общество; общество видело бы, что получается у этой власти, а что – нет; ученым – для создания и совершенствования этой концепции, ее эффективности.

К сожалению, приходится признать, что правовая политика в области юридической ответственности не имеет четкого системного изложения потому, что его нет в системе юридической ответственности, во взаимодействии ее структурных подразделений. Иными словами, недостатки в понятии юридической ответственности невольно отрицательно сказываются на разработке и реализации правовой политики в сфере юридической ответственности.

Юридическая ответственность в основном ограничивается ее ретроспективным аспектом, связанным с применением карающих средств к правонарушителю, с которыми зачастую и отождествляется. Применение подобных средств есть следствие безответственности правонарушителя. А где же цель самого явления? Она определяет средства, но не наоборот.

Если брать во внимание другие структурные элементы категории юридической ответственности, нетрудно заметить, что она связана и со стимулами, и с положительной оценкой законопослушного поведения, и с поощрительными средствами, и т. п. Нельзя всю ее сводить к «теневой» стороне, надо учитывать и ее «светлую» сторону (позитивную), выяснять, почему эта тень образовалась. Где есть тень, там есть и светлая сторона.

Нередко часть явления отождествляется с другой частью или выдается за явление в целом, что уже привело к терминологической перенасыщенности, затруднениям в применении терминов, возникновению проблем уточнения их смыслового содержания.

Причины всего этого прежние – отсутствие системного подхода при исследовании структуры юридической ответственности, механизма взаимодействия ее элементов. До сих пор в стороне остается ключевой, базовый, структурный элемент – статусная ответственность. Это, своего рода, «правила игры», статический элемент, без которого не может быть ответственности в динамике, т. е. внешнего отношения к правилам. Поэтому не случайно качества статутного элемента ответственности приписываются позитивному аспекту. Получается, что в одно целое объединяются правила и отношение к ним, которое, кстати, может быть прямо противоположным позитивному.

Итак, важнейшим направлением правовой политики в сфере юридической ответственности является исследование статутного (институционального) аспекта. Значение его основополагающе, и исключение из структуры означало бы невозможность существования юридической ответственности. Без права не может быть правовой ответственности. Именно здесь должны содержаться цели, приоритеты и средства данной политики.

Предварительная ответственность должна устанавливаться своевременно (оперативно). Без ее установле-

ния невозможны индивидуализация и неотвратимость ответственности, а без этого даже блестяще разработанная концепция правовой политики не даст должного эффекта.

Далее, требует уточнения вопрос о том, как юридическая ответственность относится к общеправовому или межотраслевому принципу. Больше внимания следует уделять и вопросам механизма взаимодействия структурных элементов юридической ответственности: ее объективному и субъективному характеру, перспективам развития, взаимоотношению с правоотношениями, правомерным и неправомерным поведением...

Нет порядка и в перечне понятий, употребляемых в сфере юридической ответственности. Под ней понимается возложение, установление, состояние, отношение, привлечение, несение и многое другое.

Есть ли выход из затруднительного положения? Есть. Надо рассматривать категорию правовой ответственности в системе правовых и иных социальных связей, что характерно для метода системно-структурного анализа. Его применение позволит связать отдельные части многогранного явления в одно целое, выявить их диалектическую взаимосвязь, в конечном счете со знанием дела, уместно и без излишеств применять существующую терминологию.

Надеюсь, изложенное поможет в работе над концепцией правовой политики в сфере юридической ответственности.

С краткими выступлениями и в дискуссиях выступили: доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета **С.Н. Ревина**; кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета **Э.А. Джалилов**; кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета **А.А. Мусаткина**; кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета **И.В. Попядухина**.

В режиме конференц-связи выступили зарубежные участники: член Римского клуба Эстонии, доктор юридических наук, профессор **Андо Лепс**; доктор юридических наук, профессор Естественно-гуманитарного университета в городе Седльце **Яцек Зелинский**.

Обзор подготовлен при поддержке РГНФ – проект 15-03-14036 г «Всероссийская научно-практическая конференция «Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки» на тему: «Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности»»

REVIEW OF «ROUND TABLE» OF JOURNALS «STATE RIGHT», «LEGAL POLICY AND LEGAL LIFE», «TSU VECTOR OF SCIENCE. SERIES: LEGAL SCIENCE» ON THE THEME: «DEVELOPMENT OF LEGAL POLICY CONCEPT IN THE SPHERE OF LEGAL RESPONSIBILITY»

© 2015

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor, Honoured Scholar of the Russian Federation, Director Saratov branch of the Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, Saratov (Russia)

D.A. Lipinski, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Law

A.N. Stankin, PhD, associate professor of the Department of Theory of State and Law of Institute of Law Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This paper provides an overview of the scientific-practical conference, held with the support of RNF project 15-03-140536. The conference participants base their opinion on the structure of the project of the concept of legal policy in the sphere of legal liability. Sections of the project dealing with specific areas of the right-rate policy in the sphere of legal liability are developed.

Keywords: concept of legal policy, law of liability, offense, types of legal policy, positive response of liability, the legal responsibility for the offense.

УДК 343.9:(075.8)

ПОНЯТИЕ И УРОВНИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© 2015

А.И. Савельев, кандидат юридических наук,
заместитель начальника научно-исследовательского отдела
Омская академия МВД России, Омск (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся многообразия теоретического осмысления понятия, а также соответствующей типологии уровней криминологической безопасности несовершеннолетних. Предлагается введение в научный оборот авторского понятия данного термина.

Ключевые слова: безопасность, несовершеннолетние, уровни криминологической безопасности, мониторинг, преступность.

В настоящее время среди множества проблем, связанных с формированием правового государства, важную роль играют проблемы обеспечения безопасности индивида и общества от противоправных посягательств. При этом нередко личная безопасность представляет собой взаимоотношения индивида, отдельных категорий населения и государства. Следует отметить, что личная безопасность в силу объективных причин не может быть абсолютной вследствие форс-мажорных обстоятельств природного, техногенного характера и ограниченности возможностей правоохранительной системы. Ее пределы во многом определяются соразмерностью ограничения прав и свобод человека потребностями поддержания общественного порядка в публичном праве и надежной защитой от произвольного нарушения прав и свобод личности государством – в частном [1].

В нашем отдаленном прошлом еще во времена СССР понятие «безопасность» ассоциировалось с термином «государственная безопасность», который стал употребляться с 1934 г. при образовании в составе НКВД Главного управления государственной безопасности. Данный термин тем или иным образом отображал официальную точку зрения органов государственной власти на приоритет интересов диктатуры пролетариата перед интересами общества в целом и интересами личности («общество для государства») [2].

Несколько позднее это понятие было включено в официальный текст Конституции СССР и стало употребляться в периодической печати и научных изданиях. Необходимо подчеркнуть, что на протяжении долгих лет этот термин в нашем государстве использовался без какого-либо разъяснения его значения. И лишь в середине XX в. можно встретить попытки рассмотреть эти вопросы на теоретическом уровне.

Ориентировочно до середины 1980-х гг. советское обществоведение под безопасностью понимало, как правило, некий баланс сил между крупнейшими государствами и военными блоками.

Позднее под воздействием масштабных изменений в мировой геополитике изменилось и восприятие советскими учеными всей сущности и глубины вопросов безопасности.

В начале 90-х гг. XX в. происходит расширение круга вопросов и, в свою очередь, предмета исследований в сфере безопасности. При этом отдельное внимание стало уделяться разновидностям и уровням безопасности.

Одно из первых официальных понятий термина «безопасность» содержалось в Законе Российской Федерации 1992 г. «О безопасности» [3]. Согласно данному закону под безопасностью понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. К основным объектам безопасности относились:

- совокупность прав и свобод личности;
- материальные и нравственные ценности общества;
- важнейшие конституционные характеристики государства – основы конституционного строя, внешний и внутренний суверенитет, территориальная целостность.

За то время, когда действовал Закон Российской Федерации «О безопасности», кардинально поменялся характер и количество как внешних, так и внутренних угроз, стали еще более частыми бедствия природного и техногенного характера, между некоторыми государствами на политической арене стали наблюдаться еще более запутанные и натянутые международные отношения. Все эти изменения, в свою очередь, повлекли за собой и новые подходы к стратегии международного взаимодействия в области обеспечения безопасности.

Следует отметить, что в отличие от действовавшего ранее закона, Федеральный закон 2010 г. «О безопасности» не раскрывает понятия безопасности. Вместе с тем в нем содержатся объект, предмет, цели, задачи, принципы и содержание правовых норм, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. В то же время данный нормативный правовой акт стал основой разработки и принятия одного из

важнейших принципиальных источников, касающихся концептуальных основ безопасности государства, – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее – Стратегии) [4].

В Стратегии отражено, что наше государство в будущем ориентировано на «необходимость постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации» [4].

Основная задача Стратегии состоит в формировании и поддержании силами обеспечения национальной безопасности внутренних и внешних условий, благоприятных для реализации стратегических национальных приоритетов.

В Стратегии употребляется следующая принципиальная для понимания безопасности терминология:

1) «национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства;

2) «национальные интересы Российской Федерации» – совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства;

3) «угроза национальной безопасности» – прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства.

Исходя из анализа понятийного аппарата, используемого в вышеназванной Стратегии, важной группой общественных отношений, которая входит в предмет ее правового регулирования, является безопасность личности.

В настоящее время существует самая разнообразная научная трактовка терминов «безопасность», «безопасность личности». Так, В.И. Митрохин под безопасностью понимает «меру защищенности среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом» [5].

В обыденном понимании термин «безопасность» определяется как отсутствие опасности, сохранность, надежность и употребляется применительно к самым различным процессам, как природным, так и социальным [6]. Вне всякого сомнения, именно в данном контексте безопасность необходимо понимать в аспекте социального блага, без которого невозможно представить нормальную жизнедеятельность всего общества.

По справедливому мнению В.П. Синецкого, общее понимание безопасности предопределяет теоретическую базу для разграничения в ней тех общественных отношений, которые сами по себе могут являться составным элементом безопасности, в осмыслении которого в равной степени важны все образующие его компоненты [7].

С точки зрения И.Н. Глебова, «в юридическом смысле безопасность – это состояние защищенности субъекта от угроз, вреда или зла» [8]. При этом проявлением безопасности личности в юридическом смысле является право индивида на безопасность, под которым следует понимать реальную способность личности сохранить свой статус безопасной жизнедеятельности.

В современной научной литературе даются и иные определения безопасности, под которой понимается: а) защищенность условий, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности и возможности для ее само-

развития [9]; б) состояние защищенности человека от факторов опасности на уровне его личных интересов и потребностей [10]; в) социальная защищенность человека, обеспечивающая сохранность самого человека и его отдельных жизненно важных функций в соответствии с наибольшими возможностями общества [11]; социальное явление международного, федерального, регионального и локального плана, характеризующееся степенью защищенности человека и его жизнеобразующих прав [10, с. 11–12].

К большому сожалению, какого-либо понятия «безопасность» не содержит ни вышеназванная Стратегия, ни какой-либо другой действующий нормативный правовой акт. В то же время в 2013 г. Президентом РФ утверждена «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации», которая конкретизировала на законодательном уровне соответствующую терминологию. Согласно Концепции, под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [12].

Несовершеннолетние граждане – отдельная категория объектов обеспечения общественной безопасности, так как они являются потенциалом поступательного развития современного правового общества, в котором подростки по различным причинам могут стать как резервом преступности, так и жертвой преступного посягательства. Исходя из этого, целесообразно обобщить вышеприведенные понятия безопасности в целом и сформулировать термин «криминологическая безопасность несовершеннолетних», под которой следует понимать состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов несовершеннолетних от преступных посягательств и угроз, порождаемых различными рода криминогенными факторами (явлениями и процессами), а также осознание несовершеннолетними своей защищенности. Введение в научный оборот и законодательное закрепление данного термина позволит более точно и предметно определить направления обеспечения безопасности несовершеннолетних.

Наряду с формулировкой понятия, представляется целесообразным определить соответствующие уровни криминологической безопасности несовершеннолетних. К первому уровню необходимо отнести детерминанты, способствующие совершению преступлений в отношении подростков, к числу которых следует отнести несовершеннолетие законодательства, противоречивую судебную практику, «фоновые явления преступности» (алкоголизм, наркоманию, проституцию и т. д.), а также различные формы девиантного поведения самих несовершеннолетних, связанные с низким уровнем нравственно-культурного развития.

Ко второму уровню относится преступность со своей стороны ей склонностью к самовоспроизводству посредством распространения субкультуры криминального мира.

В зависимости от степени распространенности можно выделить следующие уровни криминологической безопасности несовершеннолетних:

- 1) международный;
- 2) национальный;
- 3) региональный;
- 4) индивидуальный.

1) Международный уровень криминологической безопасности несовершеннолетних – это совокупность причин и условий, создающих угрозу правам, свободам и законным интересам несовершеннолетних исходя из складывающейся международной правоприменительной практики.

2) Национальный уровень криминологической безопасности несовершеннолетних имеет место, когда пре-

ступность и ее проявления создают трудности в реализации прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних на территории Российской Федерации.

3) Региональный уровень криминологической безопасности несовершеннолетних – это совокупность детерминант преступности на территории конкретной административно-территориальной единицы Российской Федерации, в том числе прямо или косвенно опосредованных уже рассмотренным национальным и международным влиянием. В настоящее время программы противодействия преступности, которые могли бы улучшить ситуацию с криминологической безопасностью несовершеннолетних, приняты не во всех субъектах Российской Федерации.

4) Индивидуальный уровень криминологической безопасности несовершеннолетних касается подростков, которые в большей или меньшей степени в силу психологических особенностей и физической слабости обладают повышенной виктимностью.

На каждом уровне криминологической безопасности несовершеннолетних со стороны общественных институтов и органов государственной власти должен осуществляться соответствующий мониторинг обеспеченности прав, свобод и законных интересов подрастающего поколения.

Таким образом, осмысление различных теоретических подходов к понятию и уровням криминологической безопасности несовершеннолетних, а также мониторинг правоприменительной практики имеет большое научно-практическое значение, поскольку позволяет найти компромисс в решении злободневных проблем правоохранительной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скубченко Л.Ф. Личная безопасность как институ-

ализированная защита прав и свобод человека в виде конституционных гарантий их обеспечения. Новороссийск: НГМА, 2004. 145 с.

2. Чапчиков С.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О безопасности» (постатейный) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

3. РФ. О безопасности : закон № 2446-1 от 05.03.1992 // Российская газета. 1992. 6 мая.

4. РФ. Президент. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ № 537 от 12.05.2009 // Российская газета. 2009. 19 мая.

5. Митрохин В.И. Национальная безопасность России // Интеллектуальный мир. 1995. № 6. С. 4.

6. Васильев А.И. Система национальной безопасности Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 34 с.

7. Синецкий В.П. О понятийном аппарате общей теории безопасности // Военная мысль. 1994. № 8. С. 55–60.

8. Глебов И.Н. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы правового регулирования. СПб.: Пресс, 1999. 98 с.

9. Геополитика и национальная безопасность: словарь основных понятий и определений / М.И. Абдурахманов [и др.]. М.: Друза, 1998. 254 с.

10. Лагунова А.И. Региональные особенности правового обеспечения экологической безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 54 с.

11. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека: социальные и правовые основы. М.: Норма, 2005. 272 с.

12. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: kremlin.ru (дата обращения: 20.11.2013).

THE CONCEPT AND LEVELS OF CRIMINOLOGICAL SECURITY OF MINORS

© 2015

A.I. Saveliev, candidate of legal Sciences, Deputy head of research Department
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk (Russia)

Annotation: The article discusses issues relating to lots of the diversity of theoretical comprehension of the concept as well as the corresponding typology of the levels of criminological safety of minors. It offers an introduction of the author's concept of this term into scientific use.

Keywords: security, the minors, levels of criminological security, monitoring, crime.

УДК 343

ДОБРОВОЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О ДАЧЕ ВЗЯТКИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЗЯТКОДАТЕЛЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2015

С.Ш. Цагикян, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики

А.В. Акопян, магистрант 1-го года обучения Института права и политики
Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения)

Аннотация: Рассматривается краткий анализ развития законодательства об освобождении взяткодателя от уголовной ответственности, проблемы освобождения взяткодателя от уголовной ответственности ввиду последних изменений.

Ключевые слова: взяточничество, сравнительный анализ, ответственность, взяткополучатель, освобождение от уголовной ответственности.

Данная работа посвящена освобождению взяткодателя от уголовной ответственности в связи с добровольным сообщением о даче взятки. Как известно, взяточничество является наиболее распространенной и опасной формой коррупции, которая наносит серьезный ущерб авторитету государственной власти и является лидером среди преступлений по степени латентности. И в целях более эффективной борьбы со взяточничеством и повышения раскрываемости данной категории преступлений, законодатель в качестве поощрительной нормы предусмотрел основания освобождения взяткодателя от уго-

ловной ответственности [1; 2].

Одним из оснований освобождения взяткодателя от уголовной ответственности является добровольное сообщение о даче взятки. Нужно отметить, что в мае 2014 года в Национальном Собрании Армении рассматривался законопроект, представленный Правительством РА, согласно которому в УК РА должны были внести изменения. Изменения заключались в том, что взяткодатель освобождается от уголовной ответственности лишь в том случае, если имело место вымогательство взятки и это лицо не позднее трех дней после соверше-

преступления добровольно сообщило в правоохранительные органы о факте дачи-получения взятки и содействовало раскрытию преступления. Представленные Правительством РА изменения в УК РА исходили из предложений, которые составила группа иностранных государств GRECO. В докладе про противодействие коррупции, составленном GRECO, говорилось о том, что необходимо пересмотреть положение об автоматическом освобождении от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния, и было отмечено, что при наличии такого основания для освобождения от уголовной ответственности могут иметь место злоупотребления. Так, взяткодатель, в случае наличия добровольного сообщения в правоохранительные органы в трехдневный срок, автоматически освобождается от уголовной ответственности, независимо от обстоятельств дела. Согласно комментариям авторов изменений в УК РА, предлагаемая трактовка данной нормы касается тех случаев, когда лицо осознает, что правоохранительным органам известно о даче взятки, но сообщает им об этом факте, имея целью быть освобожденным от ответственности. 6 мая 2014 года данный законопроект был принят большинством голосов и вступил в законную силу 16 мая 2014 года. Таким образом, в УК РА установлено одно основание освобождения взяткодателя от уголовной ответственности, которое может быть применено исключительно при наличии всех нижеперечисленных обстоятельств:

- 1) если взяткодатель стал жертвой вымогательства;
- 2) он добровольно сообщил о преступлении правоохранительным органам;
- 3) добровольное сообщение было сделано не позднее трех дней после совершения преступления;
- 4) правоохранительным органам не было известно о совершенном преступлении;
- 5) лицо содействовало раскрытию преступления [3].

И даже при наличии того факта, что имело место вымогательство взятки, правоохранительный орган не правомочен освобождать взяткодателя от уголовной ответственности, если не будут подробно изучены все фактические обстоятельства совершения преступления. Законодатель обосновывает это тем, что сам взяткодатель может создать условия или как-то спровоцировать вымогательство взятки, будучи убежденным в непреклонном освобождении его от уголовной ответственности, так как имело место вымогательство взятки.

Что касается условий освобождения взяткодателя от уголовной ответственности согласно действующему законодательству РА, то мы постарались наиболее полно раскрыть их особенности и выделить проблемные черты. Так, законодатель говорит об освобождении взяткодателя, если имело место вымогательство взятки. Впервые вымогательство взятки как квалифицирующее обстоятельство было предусмотрено в декрете «О взяточничестве» 1918 года. Но законодатель не раскрыл понятия вымогательства взятки, и это послужило толчком для ученых, предметом исследования которых стало доктринальное определение понятия «вымогательство взятки». Некоторые ученые не видели различия между вымогательством взятки как должностным преступлением и простым вымогательством как преступлением против собственности. Например, А.А. Ганин предлагал понимать под должностным вымогательством «требование взятки под угрозой применения насилия, либо под иной более опасной угрозой, которое поставило потерпевшего в тяжелое или безвыходное положение» [4]. А, например, А. Старш считал, что под вымогательством нужно понимать не только создание условий для требования взятки, но также требование взятки под угрозой применения насилия, распространения сведений, позорящих потерпевшего, угроза уничтожения имущества и т. д., то есть положение, аналогичное вымогательству как преступлению против собственности [5]. Г. Смолицкий отмечал, что в отличие от вымогательства как преступ-

ления против собственности, при котором причинение имущественного вреда выражено лишь в виде угрозы, в случае вымогательства взятки причинение вреда может иметь место как способ получения взятки [6]. Впервые комментарий к понятию вымогательства взятки был дан в постановлении Пленума Верховного Суда от 31 июля 1962 года «О судебной практике по делам о взяточничестве», согласно которому вымогательство – это требование взятки со стороны должностного лица под угрозой совершения такого действия по службе, которое может причинить вред законным интересам взяткодателя, либо умышленное создание условий для взяткодателя, при которых он вынужден дать взятку для предотвращения причинения вреда своим законным интересам [7].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда от 9 июля 2013 года № 24 под вымогательством взятки (пункт «б» части 5 статьи 290 УК РФ) следует понимать не только требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действие (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих охраняемых интересов [8]. Исходя из вышеуказанного определения, можно выделить две формы вымогательства взятки:

требование дачи взятки, которое сопряжено с угрозой причинения вреда законным правам и интересам взяткодателя. Например, требование взятки за назначение на должность лица, в случае если имеются все законные предпосылки для назначения на эту должность; либо требование взятки под угрозой привлечения к уголовной или административной ответственности;

поставление лица в такое положение либо предъявление ему таких условий, при которых лицо вынуждено дать взятку, чтобы избежать нарушения своих законных прав. Например, необоснованное оттягивание срока выдачи лицу определенных документов, которые необходимы лицу для разрешения крайне важных вопросов.

В юридической литературе нет единого мнения по поводу понятия вымогательства взятки. Большинство российских ученых принимает определение, данное Пленумом Верховного Суда РФ. Но ряд авторов считает, что необходимо дать более широкое толкование вымогательства взятки и предлагает следующее определение: «вымогательство взятки – это требование со стороны должностного лица дать ему взятку под угрозой совершения какого-либо невыгодного для взяткодателя действия, независимо от того, защищаются ли законом права и интересы взяткодателя» [9].

Обязательным признаком вымогательства является угроза нарушить права и законные интересы граждан или создание условий, влекущих нарушение таких прав и интересов и причинение гражданам материального или морального вреда. Если взятка дается за удовлетворение незаконных интересов граждан и взяткополучатель угрожает, действуя по закону, ограничить права лица или применить к нему принудительные меры, основанные на законе, такие действия должностного лица нельзя признать вымогательством [10]. Приведем пример: следователь О. был осужден по пункту «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ. Он потребовал от задержанного М. взятку за сокрытие информации о прежней судимости М., чтобы воспрепятствовать назначению наказания с учетом судимости М.. Но поскольку охраняемые интересы М. не были поставлены под угрозу, то действия О. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 290 УК РФ. Из этого можно сделать вывод о том, что в случае если действия должностного лица не нарушают охраняемые интересы взяткодателя, то требование взятки за совершение действий в его интересах нельзя считать вымогательством. При раскрытии данного вопроса нельзя не обратиться и к тому вопросу, признается ли лицо, передающее взятку под вымогательством, потерпевшим.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда от 30 марта 1990 года «О судебной практике по делам о взяточничестве» такие лица не могут признаваться потерпевшими и им не возвращаются ценности, переданные должностному лицу в виде взятки. А уже в постановлении Пленума Верховного Суда от 10 февраля 2000 года № 6 говорится о том, что если лицо для предотвращения вредных последствий было вынуждено передать вымогателю предмет взятки, то он подлежит возврату [11]. То есть, по логике Пленума Верховного Суда, раз предмет взятки возвращается, то лицо должно признаваться потерпевшим, и его деяния не могут расцениваться как преступление. Из этого следует, что признание лица потерпевшим и признание отсутствия в его деяниях состава преступления препятствуют освобождению лица, передавшего взятку под воздействием вымогательства, от уголовной ответственности со ссылкой на примечание к статье 291 УК РФ. Но такой вывод наступит, если мы признаем ту обстановку, в которой взяткодатель передал предмет взятки должностному лицу, состоянием крайней необходимости. То есть взяткодатель совершил действия, которые противоречат уголовному закону, чтобы избежать наступления большего вреда, которым ему грозил взяткополучатель [12].

Здесь возможны два варианта трактовки разъяснений Пленума Верховного Суда. Согласно первой трактовке, при принятии решения относительно лица, передавшего взятку под воздействием вымогательства, Верховный Суд не считает возможным ссылаться на примечание к ст. 291 УК РФ и требует непризнания в данном деянии состава преступления. То есть из постановления Пленума можно сделать вывод о том, что при вымогательстве лицо всегда находится в состоянии крайней необходимости, т. к. Пленум использует в своем постановлении один и тот же оборот: лицо вынуждено дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов. Вторая трактовка позиции Пленума Верховного Суда учитывает, что во многих случаях несоответствие обстановки вымогательства взятки обстоятельствам, описанным в законе как состояние крайней необходимости, вполне очевидно [12]. О том, что вымогательство взятки не всегда влечет состояние крайней необходимости, говорится в указанном постановлении. Так, Пленум разъясняет, что возврат ценностей связан с ситуацией, когда лицо было вынуждено передать ценности вымогателю для предотвращения вредных последствий. То есть лицо при вымогательстве взятки иногда может либо не может иным способом предотвратить наступление ущерба правоохраняемым интересам, и если иной способ невозможен, то налицо состояние крайней необходимости. Такой подход Пленума Верховного Суда принес пользу в борьбе с коррупцией, так как теперь лицо, вынужденное передать взятку должностному лицу под воздействием вымогательства, обрело надежду на возвращение этих ценностей. Согласно Б. Здравомыслову, факт дачи взятки вследствие вымогательства свидетельствует о нецелесообразности привлечения взяткодателя к ответственности. Последние действовали при отсутствии свободного волеизъявления на совершение преступления, по принуждению. Но если взять такую трактовку, то нужно также отметить, что, так как человек действует вопреки своей воле, здесь есть признаки крайней необходимости. А если наличествуют такие признаки, то речь должна идти не о нецелесообразности, а о недопустимости привлечения лица к уголовной ответственности.

Следующее обязательное условие, которое должно наличествовать для освобождения взяткодателя от уголовной ответственности, – это добровольное сообщение о даче взятки правоохранительным органам. Добровольным считается сообщение, которое сделано по собственному желанию взяткодателя, если он осознает, что правоохранительным органам не известно о взятке. Пленум Верховного Суда разъясняет в своем по-

становлении от 09.07.2013 года, что сообщение о даче взятки должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель. Мотивы взяткодателя, руководствуясь которыми они сообщают о совершенном преступлении, весьма разнообразны. К ним относятся как страх перед уголовной ответственностью, так и осознание взяткодателем неправомерности совершенных действий, его раскаяние и т. д. Правоприменительная практика показала, что часты случаи добровольного сообщения о даче взятки по мотивам мести, зависти и т. д. Такие мотивы взяткодателя, естественно, являются низменными, но так как органам власти не было известно о совершенном преступлении, а его сообщение не было вынужденным, взяткодатель освобождается от уголовной ответственности. Некоторые ученые считают, что если мотивы взяткодателя носят низменный характер, то органы власти не должны освобождать его от уголовной ответственности [13; 14]. Но такое положение не сможет способствовать усилению борьбы с взяточничеством, ведь одной из целей законодателя при внесении нормы об освобождении взяткодателя от уголовной ответственности было усиление борьбы со взяточничеством. Однако самого определения понятия «добровольное сообщение» Пленум не дает. Мы считаем, что во избежание различных толкований понятия «добровольное сообщение», а также для исключения ошибок со стороны следственных и судебных органов необходимо внести дополнение в уголовный закон и в качестве примечания предусмотреть определение понятия «добровольное сообщение».

Следующее обязательное условие: добровольное сообщение должно быть сделано не позднее трех дней после совершения преступления. Нужно отметить, что во многих государствах нет временного ограничения для освобождения взяткодателя от уголовной ответственности по добровольному заявлению, например, в УК России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Франции, Бельгии, Латвии, Литве и т. д. Но такое законодательное урегулирование существует в уголовном кодексе Испании, где в ст. 427 говорится о добровольном заявлении взяткодателя о совершенном преступлении в течение десяти дней со дня совершения преступления. Установление законодателем Армении срока подачи добровольного заявления породило различные дискуссии. Так, сторонники данного изменения считают, что установление трехдневного срока позволит пресечь коррупционную деятельность должностных лиц на более ранних стадиях и значительно упростит возможность доказывания факта получения взятки.

Еще одним обязательным условием освобождения взяткодателя является то обстоятельство, что в момент добровольного сообщения правоохранительным органам не было известно о совершенном преступлении. Но согласно мнению большинства ученых, что подтверждается и правоприменительной практикой, добровольным считается также сообщение взяткодателя, когда правоохранительным органам известно о совершенном преступлении, если взяткодатель не знал, что правоохранительным органам известно об этом. То есть определяющим фактором при решении вопроса о добровольности заявления взяткодателя является не момент заявления (до или после возбуждения уголовного дела), а субъективное представление заявителя об осведомленности следствия о совершенном преступлении [15; 16].

Следующее обязательное условие – это способствование раскрытию преступления. Данное условие также содержится в примечании к статье 291 УК РФ. Законодатель говорит об освобождении взяткодателя, если взяткодатель активно способствовал расследованию и (или) раскрытию преступления. Изменения, которые внес российский законодатель в УК РФ, породили обязанность взяткодателя для освобождения его от уголовной ответственности активно способство-

вать раскрытию или расследованию преступления. Способствование к раскрытию или расследованию преступления может выражаться в следующих действиях взяточдателя:

в оказании правоохранительным органам активной помощи по проведению следственных действий;

в изобличении соучастников преступления;

в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела;

в выяснении причин и условий совершения преступления и т. д.

Деятельность органов следствия и дознания значительно облегчается, если лицо добровольно желает способствовать раскрытию преступления. Именно действия взяточдателя должны оказать помощь правоохранительным органам в раскрытии преступления, сократить время и затраты на выполнение процессуальных действий и т. д. В УК РА данное дополнительное условие освобождения взяточдателя от уголовной ответственности отсутствовало до недавнего времени. До внесения изменений в УК РА армянский законодатель исходил из того, что норма об освобождении взяточдателя от уголовной ответственности является поощрительной, и несмотря на поведение взяточдателя после его добровольного сообщения, независимо от каких-либо причин, он подлежит освобождению от уголовной ответственности. Мы считаем, что ужесточение российской и армянским законодателем подхода к основаниям освобождения взяточдателя от уголовной ответственности было необоснованным, ведь норма об освобождении взяточдателя не должна создавать каких-либо препятствий для его освобождения. Так, если взяточдатель не имеет возможности оказать активную помощь в раскрытии или расследовании преступления, то это послужит препятствием для освобождения его от ответственности.

Подводя итог нашей научной работы, следует сформулировать следующие выводы.

Изменения, которые внес армянский законодатель, носят алогичный характер, так как освобождение взяточдателя от уголовной ответственности – это поощрительная норма, и она создана в целях повышения раскрываемости таких преступлений. А так как мы знаем, что дача-получение взятки – в высшей степени латентные преступления, и как взяточдатель, так и взяточполучатель имеют общую заинтересованность, никто из них не стремится раскрыть факт совершения данного преступления. И в данном случае непонятна логика законодателя, согласно которой создаются препятствия для раскрытия данной категории преступлений в виде внесения новых обязательных условий освобождения взяточдателя.

Так, во-первых, законодательством не установлено определение понятия «вымогательство взятки». И порой взяточдатель, сам того не понимая, становится жертвой вымогательства, будучи вынужденным передать взятку должностному лицу. Согласно действующему законодательству, он не может быть освобожден от ответственности, хотя норма об освобождении взяточдателя в связи с вымогательством взятки действовала около ста лет и прекрасно воспринималась правоприменительной практикой. Ведь зачастую те лица, которые обращаются в правоохранительные органы, становятся неприятели некоторым слоям нашего общества в виду отсутствия у них правосознания. И даже после того как это лицо, несмотря на осуждение общества, обращается с добровольным сообщением, его не освобождают от ответственности, если не будут соблюдены все условия освобождения от уголовной ответственности.

Мы считаем, что новое определение условий освобождения взяточдателя от уголовной ответственности не послужит повышению раскрываемости данной категории преступлений. И, учитывая то обстоятельство, что более 55 % данной категории преступлений раскрывались на основании добровольного сообщения о даче взятки, взяточдатели, естественно, не будут сообщать о совершенном преступлении, зная, что их освобождение от ответственности еще и под вопросом. И даже если взяточдатель выполнил все условия, перечисленные в УК РА, его освобождение – не обязанность, а привилегия правоохранительных органов, которые могут и не освободить его от ответственности. Так можно ли будет считать данную норму поощрительной?

Мы считаем, что ужесточение армянским законодателем подхода к основаниям освобождения взяточдателя от уголовной ответственности было необоснованным, ведь норма об освобождении взяточдателя является поощрительной, и не должна создавать каких-либо препятствий для освобождения взяточдателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М.: Юрид. лит., 1971. 168 с.
2. Цагикян С.Ш. Взятничество как проблема // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 220–223.
3. ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ. URL: parliament.am/drafts.php?sel=showdraft&DraftID=6716&Reading=0.
4. Ганин А.А. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года в вопросах и ответах. М.: Юр. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 252 с.
5. Старш А. Взятка и посредничество во взяточничестве // Рабочий суд. 1927. № 5. С. 392.
6. Советское уголовное право. Особенная часть / отв. ред. Б.С. Утевский. М.: Госюриздат, 1958. 515 с.
7. Медведев А.М. Вымогательство взятки // Государство и право. 1996. № 8. С. 100.
8. РФ. Пленум Верховного Суда. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление от 09.07.2013.
9. Аникин А. Ответственность за взяточничество по новому УК // Законность. 1997. № 6. С. 33.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2013. 1077 с.
11. РФ. Пленум Верховного Суда. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : постановление № 6 от 10.02.2000.
12. Яни П.С. Вымогательство взятки как признак крайней необходимости, исключающей ответственность за дачу взятки // Законность. 2012. № 5. С. 16–19.
13. Зубкова В.И. Пути повышения эффективности борьбы со взяточничеством и поборами // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 80.
14. Асланов Р.М. Деятельное раскаяние взяточника и его правовое значение // Вестник ЛГУ. 1989. № 2. С. 12.
15. Цагикян С.Ш. Некоторые вопросы законодательного регулирования освобождения взяточдателя от уголовной ответственности // Правонарушения и юридическая ответственность: материалы Всерос. научно-практ. конф. Тольятти: ТГУ, 2009. С. 362–366.
16. Цагикян С.Ш. Некоторые проблемы правоприменительной практики в контексте реализации международных обязательств // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 46–48.

**VOLUNTARY MESSAGE AS ONE OF THE BASES OF RELEASE THE BRIBER FROM
CRIMINAL LIABILITY**

© 2015

S.Sh. Tsaghikyan, doctor of law, professor, head of the
«Criminal Law and Criminal Procedure Law», Institute for Law and Politics
A.V. Hakobyan, 1st year master of Institute for Law and Politics
Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Annotation: A brief analysis of the development of the legislation about the release of the briber from criminal liability, including the problem of release the briber from criminal liability due to recent changes.

Keywords: bribery, comparative analysis, liability, bribe taker, release from criminal liability.

НАШИ АВТОРЫ

Аветисян Ваграм Давидович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права.
Адрес: Ереванский государственный университет, 0025, Армения, Ереван, ул. А. Манукяна, 1.
Тел.: +374 95 -77-77-75
E-mail: vahram.avetisyan@mail.ru

Айвазян Арам Жорикович, соискатель кафедры уголовного права и процесса.
Адрес: 0051, Республика Армения, Котайкская область, г. Абовян, ул. Андраника, 5.
Тел.: +374 98390202
E-mail: ayvazyan102@mail.ru

Акопян Ануш Ваганович, магистрант 1-го года обучения Института права и политики.
Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.
Тел.: (37494) 120638
E-mail: anushik-15@mail.ru

Алекян Анаит Васильевна, аспирант кафедры уголовного права.
Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.
Тел.: (37494) 120638
E-mail: anushik-15@mail.ru

Белов Андрей Сергеевич, магистрант.
Адрес: Тамбовский государственный технический университет, 392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 106.
Тел.: (84752) 630434
E-mail: Andrej2442011@mail.ru

Будникова Елизавета Игоревна, эксперт.
Адрес: Управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Самарской области, 445000, Россия, г. Тольятти, ул. Индустриальная, 2Б.
Тел.: 89372187649
E-mail: liza.budnikowa@yandex.ru

Винник Елена Леонидовна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Ушакова, 59.
Тел.: +79272117376
E-mail: st_elena05@mail.ru

Зудова Екатерина Александровна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Ушакова, 59.
Тел.: +79613938452
E-mail: kat-90-10@rambler.ru

Искевич Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Международное право».
Адрес: Тамбовский государственный технический университет, 392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 106.
Тел.: (84752) 630434
E-mail: Irina_77707@list.ru

Калашникова Ирина Павловна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: (8482) 53-94-29
E-mail: bid2006@inbox.ru

Королева Надежда Викторовна, сотрудник отдела.
Адрес: Управление ФСКН России по Самарской области, отдел по г. Тольятти, 445035, Россия, г. Тольятти, ул. Индустриальная, 26.
Тел.: (8482) 26-11-11
E-mail: korolevafskn@mail.ru

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель ректора – директор Института права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: 8(8482)539367
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Лысякова Мария Александровна, аспирант.

Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, д. 1.

Тел.: +7(937) 971-45-91

E-mail: masya757@yandex.ru

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор.

Адрес: Саратовский филиал Института государства и права РАН, 410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135.

Тел.: (8452) 29-92-18

E-mail: igp@sgar.ru

Савельев Андрей Игоревич, кандидат юридических наук, заместитель начальника научно-исследовательского отдела.

Адрес: Омская академия МВД России, 644092, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Комарова, 7.

E-mail: savelevandrey80@mail.ru

Станкин Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8(8482)539367

E-mail: Ans84@yandex.ru

Сучкова Екатерина Александровна, магистрант.

Адрес: Тамбовский государственный технический университет, 392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 106.

Тел.: (84752) 630434

E-mail: suchkat@yandex.ru

Федорова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-29

E-mail: an_fedorova@mail.ru

Цагикян Степан Шантович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики.

Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: (37410) 277052

E-mail: crimlaw.rau@mail.ru

OUR AUTHORS

Alekyan Anahit Vasilyevna, graduate student of the Department of Criminal Law.
 Address: Russian-Armenian (Slavic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin street, 123.
 Tel.: (37494) 120638
 E-mail: anushik-15@mail.ru

Avetisyan Vahram Davidovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law.
 Address: Yerevan State University, 0025, Yerevan, Armenia, A. Manukyan street, 1.
 Tel.: +374 95 -77-77-75
 E-mail: vahram.avetisyan@mail.ru

Ayvazyan Aram Zhorikovich, competitor of the Department of Criminal Law and Procedure.
 Address: 0051, Republic of Armenia, Andranik 5, Abovyan town, Kotayk region of Republic of Armenia.
 Tel.: +374 98390202
 E-mail: ayvazyan102@mail.ru

Belov Andrei Sergeevich, postgraduate student.
 Address: Tambov State Technical University, 392000, Russia, Tambov, Sovetskaja street, 106.
 Tel.: (8422) 630434
 E-mail: Andrej2442011@mail.ru

Budnikova Elizaveta Igorevna, expert.
 Address: Department of Federal comity by control to turnover of narcotic drugs and psychotropic substances in Samara region, 445000, Russia, Togliatti, Industrialnaya street, 2B.
 Tel.: 89372187649
 E-mail: liza.budnikowa@yandex.ru

Fedorova Anna Nikolaevna, candidate of law science, Associate Professor, assistant professor of the Department «Civil Law and Procedure».
 Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Belorusskaya street, 14.
 Tel.: (8482) 53-94-29
 E-mail: an_fedorova@mail.ru

Hakobyan Anuh Vaganovich, 1st year master of Institute for Law and Politics.
 Address: Russian-Armenian (Slavonic) University, 0051, Armenia, Yerevan, 123 Hovsep Emin street.
 Tel.: (37494) 120638
 E-mail: anushik-15@mail.ru

Iskevich Irina Sergeevna, Ph.D. in Law, assistant professor of the Department «International Law».
 Address: Tambov State Technical University, 392000, Russia, Tambov, Sovetskaja street, 106.
 Tel.: (84752) 630434
 E-mail: Irina_77707@list.ru

Kalashnikova Irina Olegovna, graduate student of the Department «Civil Law and Procedure».
 Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Belorusskaya street, 14.
 Tel.: (8482) 53-94-29
 E-mail: bid2006@inbox.ru

Koroleva Nadezhda Victorovna, employee.
 Address: Department of the Federal service for control over circulation of narcotics in the Samara region, 445035, Russia, Togliatti, Industrialnaya street, 2b.
 Tel.: (8482) 26-11-11
 E-mail: korolevafskn@mail.ru

Lipinski Dmitriy Anatolyevich, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Law.
 Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, Belorusskaya street, 14.
 Tel.: 8 (8482) 539367
 E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Lysyakova Maria Alexandrovna, postgraduate student.
 Address: Saratov State Academy of Law, 410056, Russia, Saratov, Volskaya street, 1.
 Tel.: +7(937) 971-45-91
 E-mail: masya757@yandex.ru

Malko Aleksandr Vasilyevich, Doctor of Law, Professor, Honoured Scholar of the Russian Federation, Director.
 Address: Saratov branch of the Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, 410028, Saratov, Chernyshevsky street, 135.
 Tel.: (8452) 29-92-18
 E-mail: igp@sgap.ru

Saveliev Andrey Igorevich, candidate of legal Sciences, Deputy head of research Department.
Address: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 644092, Russia, Omsk region, Omsk, Komarov Ave., 7.
E-mail: savelevandrey80@mail.ru

Stankin Aleksey Nikolayevich, PhD, associate professor of the Department of Theory of State and Law of Institute of Law.
Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, Belorusskaya street, 14.
Tel.: 8 (8482) 539367
E-mail: Ans84@yandex.ru

Suchkova Ekaterina Aleksandrovna, postgraduate student.
Address: Tambov State Technical University, 392000, Russia, Tambov, Sovetskaja street, 106.
Tel.: (8422) 39-31-97
E-mail: suchkat@yandex.ru

Tsaghikyan Stepan Shantovich, doctor of law, professor, head of the «Criminal Law and Criminal Procedure Law», Institute for Law and Politics.
Address: Russian-Armenian (Slavonic) University, 0051, Armenia, Yerevan, 123 Hovsep Emin street.
Tel.: (37410) 277052
E-mail: crimlaw.rau@mail.ru

Vinnik Elena Leonidovna, undergraduate of the Department «Civil Law and Procedure».
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Ushakov str., 59.
Tel.: +79272117376
E-mail: st_elena05@mail.ru

Zudova Ekaterina Aleksandrovna, undergraduate of the Department ««Civil Law and Procedure»».
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Ushakov street, 59.
Tel.: +79613938452
E-mail: kat-90-10@rambler.ru